

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

5

1988

Библиотека (спецхран)

МОСКВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

5

1988

Библиотека (спецхран)

МОСКВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Для служебного пользования

Экз. № _____ 05/86

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ
№ 5 (256)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

Сборник подготовлен Отделом Ближнего и Среднего Востока по материалам конференции "Иранское общество 80-х годов", которая состоялась в Институте востоковедения АН СССР 23-24 апреля 1987 г. С докладами на ней выступили сотрудники Отдела и других научных и практических организаций. Материалы докладов легли в основу помещенных в сборнике статей, отражающих точки зрения авторов.

Научный редактор
доктор экономических наук

А.З.Арабаджян

Редактор

М.С.Балацкина

Подписано к печати 04.08.88
Объем 9,75 п.л. Печать офсетная
Тираж 275 экз. Зак. 18

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар 21
3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ИРАНСКОЕ ОБЩЕСТВО 80-х годов

А.Арабаджян

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ИРИ

Анализ исламского режима за девять лет его существования, из которых восемь лет прошли в условиях ирано-иракской войны, дает основания выдвинуть следующий тезис: государственная политика ИРИ - внешняя и внутренняя - приобрела в настоящее время открыто антинациональный характер.

Решающую роль в обретении государственной политикой ИРИ антинационального характера сыграла позиция, занятая находящимися у власти шиитскими богословами в вопросе об ирано-иракской войне. Эта позиция формулируется ими в виде лозунга "Война до победного конца", а сама война преподносится широким массам как важнейшее проявление проводимой в жизнь режимом стратегической задачи всей шиитской общины страны - "экспорта исламской революции".

Самым очевидным свидетельством антинационального характера государственной политики ИРИ является то, что война ведется упорно и осознанно, несмотря на то, что она вызывает огромные разрушения производительных сил, приводящие к сокращению национального богатства. Война фактически заморозила расширенное воспроизводство общественного продукта, отбросила национальное производство назад, резко ухудшила положение многомиллионных масс населения ИРИ. Правящая верхушка проявля-

ет индифферентность к огромным людским потерям — подрастающему поколению, квалифицированным рабочим, представляющим важнейшую часть производительных сил страны.

Свидетельством глубокой осознанности и продуманности решения вести войну "до победного конца" является многократное отклонение правителями ИРИ неоднократных предложений противника сесть за стол мирных переговоров. Это упорство особенно отчетливо проявилось летом 1987 г., когда руководство ИРИ категорически отвергло принятую Советом Безопасности ООН Резолюция № 598^х, призывающую воюющие стороны к прекращению огня и началу мирных переговоров. Свой отказ ИРИ объясняет тем, что в резолюции не поставлен вопрос об агрессоре, каковым является Иран, и в документе он агрессором не назван.

Ни ослабление обстановки в Персидском заливе, ни потери, которые несет ИРИ там же в ходе расширения "танкерной войны", ни начатые Ираком раненные обстрелы иранских городов, ни продолжавшаяся безрезультативность и безуспешность иранских наступлений на различных участках фронта (равно как и полная готовность Ирака пойти на мирное урегулирование конфликта на условиях, предлагаемых Резолюцией 598) не заставили правящую верхушку ИРИ пойти на решение конфликта мирным путем.

Более того, действия ВМС Ирана в Персидском заливе против судов третьих стран, отдельные агрессивные акты против Кувейта и Саудовской Аравии носят подчас провокационный характер, свидетельствуя о попытках ИРИ сделать конфликт в заливе интернациональным и вовлечь в него обе сверхдержавы.

Можно привести много объяснений категорического нежелания руководства ИРИ закончить войну, объяснений, сводящихся в конечном счете к тому, что для шиитской верхушки война превратилась в императив, позволяющий в сложных экономических условиях держать в узде массы, играть на чувствах патриотизма народа, призывать его к сплоченности, "решать" проблему безработицы. Эти доводы не противоречат нашему тезису об антинациональном характере государственной политики — во-первых, и во-вторых, с годами значимость приведенных доводов снижается.

Развивая наш тезис, надо сказать, что в государственной политике ИРИ, как единстве внутренней и внешней политики, вопреки общему, верховенство оказалось за внешней политикой, при этом во многом принимающей самодовольный характер. Правящая

^х 18 июля 1988 г. ИРИ заявила о своем согласии признать Резолюция № 598 Совета Безопасности ООН.

верхушка шиитских богословов, стремящаяся осуществлять "экспорт исламской революции", в той обстановке, которая сложилась (далеко не без ее участия) на Ближнем Востоке, узрела совокупность, сочетание таких обстоятельств, которые она расценила как свой "звездный час". Сложившаяся в регионе ситуация, по мнению шиитского руководства, содержит в себе уникальную возможность — создать мощное исламское государство в виде федерации мусульманских стран во главе с ИРИ. Иначе говоря, — мусульманскую сверхдержаву. Цель эта для шиитской правящей верхушки ИРИ столь желанна, что оправдывает любые жертвы, которые понесет народ Ирана и сама страна. Образно говоря, если Париж стоил массы, то создание внешнеполитическими усилиями шиитских богословов мусульманской сверхдержавы, по их мнению, стоит иранских развалин.

"Экспорт исламской революции", с помощью которого будет создана эта сверхдержава, нужен иранским лидерам как мощное средство гальванизации масс, направленных на выполнение амбициозных устремлений шиитской верхушки. Он нужен им как средство и одновременно условие для того, чтобы самоутвердиться на мировой арене и иметь возможность на равных говорить со всеми державами. По мнению шиитских лидеров, предполагаемая мусульманская сверхдержава, представляя одну из мировых религий, нашедшей материальное, политическое и моральное воплощение, сможет располагать такими материальными и финансовыми ресурсами, которые позволят ей встать в один ряд с мировыми сверхдержавами.

Рационально мыслящим наблюдателям идея создания мусульманской сверхдержавы может быть расценена как нечто неосуществимое (и в этом смысле — химерическое) и не заслуживающее внимания. Между тем, это было бы ошибкой. Пропагандируемая на международной арене правящей шиитской верхушкой ИРИ идея "экспорта исламской революции", идея создания мусульманского государства от Индонезии до Марокко находит своих приверженцев, овладевает сознанием определенной части масс в исламских странах и уже дает результаты. Примером тому — действия ливанских экстремистов, полностью подпавших под влияние шиитского руководства ИРИ.

Концепция "экспорта исламской революции" глубоко реакционна и вредносна как для самого Ирана, так и мирового сообщества, она чревата для народа Ирана сохранением ита исламского режима, конфликтами, лишениями, вызываемыми авантюристической политикой внутри страны и за ее пределами. "Экспорт исламской революции" не представляет собой национально-освободительного движения, равно как и не является призывом к ниспровержению эксплуататор-

ет индифферентность к огромным людским потерям — подрастающему поколению, квалифицированным рабочим, представляющим важнейшую часть производительных сил страны.

Свидетельством глубокой осознанности и продуманности решения вести войну "до победного конца" является многократное отклонение правительствами ИРИ неоднократных предложений противника сесть за стол мирных переговоров. Это упорство особенно отчетливо проявилось летом 1987 г., когда руководство ИРИ категорически отвергло принятую Советом Безопасности ООН Резолюция № 598^X, призывающую воюющие стороны к прекращению огня и началу мирных переговоров. Свой отказ ИРИ объясняет тем, что в резолюции не поставлен вопрос об агрессоре, которым является Ирак, и в документе он агрессором не назван.

Ни ослабление обстановки в Персидском заливе, ни потери, которые несет ИРИ тем же в ходе расширения "танкерной войны", ни начатые Ираком ракетные обстрелы иранских городов, ни продолжающаяся безрезультативность и безуспешность иранских наступлений на различных участках фронта (равно как и полная готовность Ирака пойти на мирное урегулирование конфликта на условиях, предлагаемых Резолюцией 598) не заставили правящую верхушку ИРИ пойти на решение конфликта мирным путем.

Боле того, действия ВМС Ирана в Персидском заливе против судов третьих стран, отдельные агрессивные акции против Кувейта и Саудовской Аравии носят подчас провокационный характер, свидетельствуя о попытках ИРИ сделать конфликт в заливе интернациональным и вовлечь в него обе сверхдержавы.

Можно привести много объяснений категорического нежелания руководства ИРИ закончить войну, объяснений, сводящихся в конечном счете к тому, что для шиитской верхушки война превратилась в императив, позволяющий в сложных экономических условиях держать в узде массы, играть на чувствах патриотизма народа, призывать его к сплоченности, "решать" проблему безработицы. Эти доводы не противоречат нашему тезису об антинациональном характере государственной политики — во-первых, и во-вторых, с годами значимость приведенных доводов снижается.

Развивая наш тезис, надо сказать, что в государственной политике ИРИ, как единстве внутренней и внешней политики, вопреки общему, верховенство оказалось за внешней политикой, при этом во многом принимающей самодовлеющий характер. Правящая при этом во многом принимающей самодовлеющий характер. Правящая

^X 18 июля 1988 г. ИРИ заявила о своем согласии признать Резолюцию № 598 Совета Безопасности ООН.

верхушка шиитских богословов, стремящаяся осуществлять "экспорт исламской революции", в той обстановке, которая сложилась (далеко не без ее участия) на Ближнем Востоке, узрела совокупность, сочетание таких обстоятельств, которые она расценила как свой "звездный час". Сложившаяся в регионе ситуация, по мнению шиитского руководства, содержит в себе уникальную возможность — создать мощное исламское государство в виде федерации мусульманских стран во главе с ИРИ. Иначе говоря, — мусульманскую сверхдержаву. Цель эта для шиитской правящей верхушки ИРИ столь желанна, что оправдывает любые жертвы, которые понесет народ Ирана и сама страна. Образно говоря, если Париж стоил мессы, то создание внешнеполитическими усилиями шиитских богословов мусульманской сверхдержавы, по их мнению, стоит иранских развалин.

"Экспорт исламской революции", с помощью которого будет создана эта сверхдержава, нужен иранским лидерам как мощное средство гальванизации масс, направленных на выполнение амбициозных устремлений шиитской верхушки. Он нужен им как средство и одновременно условие для того, чтобы самоутвердиться на мировой арене и иметь возможность на равных говорить со всеми державами. По мнению шиитских лидеров, предполагаемая мусульманская сверхдержава, представляя одну из мировых религий, нашедшей материальное, политическое и моральное воплощение, сможет располагать такими материальными и финансовыми ресурсами, которые позволят ей встать в один ряд с мировыми сверхдержавами.

Рационально мыслящим наблюдателям идея создания мусульманской сверхдержавы может быть расценена как нечто неосуществимое (и в этом смысле — химерическое) и не заслуживающее внимания. Между тем, это было бы ошибкой. Пропагандируемая на международной арене правящей шиитской верхушкой ИРИ идея "экспорта исламской революции", идея создания мусульманского государства от Индонезии до Марокко находит своих приверженцев, овладевает сознанием определенной части масс в исламских странах и уже дает результаты. Примером тому — действия ливанских экстремистов, полностью подпавших под влияние шиитского руководства ИРИ.

Концепция "экспорта исламской революции" глубоко реакционна и вредоносна как для самого Ирана, так и мирового сообщества, она чревата для народа Ирана сохранением ига исламского режима, конфликтами, лишениями, вызываемыми авантюристической политикой внутри страны и за ее пределами. "Экспорт исламской революции" не представляет собой национально-освободительного движения, равно как и не является призывом к низвержению эксплуататор-

ских классов в мусульманских странах (в настоящее время — в Юго-Западной Азии). Это — стремление ниспровергнуть правящие верхушки стран Юго-Западной Азии, вызвать глубокую дестабилизацию социально-политического положения обществ региона и подчинить их исламскому режиму ИРИ. Это не антиимпериализм и не антикапитализм. Это широкомасштабная международная диверсия, нацеленная на дестабилизацию международной обстановки как условие, которое будет благоприятствовать осуществлению замысла "экспорта исламской революции".

В связи с суждением о стремлении шиитских лидеров ИРИ создать исламскую сверхдержаву у читателя может возникнуть возражение: для превращения в сверхдержаву необходимо располагать соответствующим экономическим и технологическим потенциалом, а у Ирана нет его и не будет в обозримом будущем. Сама по себе эта мысль верна. Но в данном случае специфика и заключается в том, что лидеры ИРИ, замышляя создать исламскую сверхдержаву, надеются "на первых порах" отсутствием необходимого потенциала компенсировать фанатичной исламской, рассчитанной в первую очередь на поддержку мелкобуржуазных масс, воинственностью и постоянно поддерживаемой истерией на международной арене. В этом суть специфики явления и изначальный авантюризм, на котором замешана сама идея исламской сверхдержавы. Ирано-иракскую войну правящие шиитские богословы рассматривают как пролодию к намеченной цели.

Действительность объективно уже поставила мировое сообщество, прежде всего обе сверхдержавы — США и СССР, — перед выбором: избрать ли путь умиротворения агрессора, то есть ИРИ (его действия в Персидском заливе), или поставить ему заслон. В этих условиях крайне целесообразно сверхдержавам отойти от такого стереотипа мышления: "Плохо США — хорошо СССР", "Плохо СССР — хорошо США".

Интересы мирового сообщества требуют того, чтобы разнравшееся воображение правящих шиитских богословов было возвращено в национальные рамки. Это особенно важно в настоящее время, поскольку уход Хомейни с политической арены вряд ли относится к далекому будущему. Если после его ухода у власти останутся нынешние деятели, тем более важно, чтобы они отбросили концепцию "экспорта исламской революции".

Исламская Республика Иран может существовать, в частности, так, как существует Исламская Республика Пакистан, то есть без

"экспорта исламской революции". Отказ от "экспорта исламской революции" важен для стабильности мирового сообщества в целом, для его политического климата и особое значение имеет для Советского Союза. Постоянно проводя антисоветскую пропаганду, нацеленную на дестабилизацию внутривнутриполитического положения СССР, шиитские богословы ИРИ весьма активно используют конфессиональный фактор. Они держат под бдительным надзором те Советские республики, где преобладает мусульманское население, и ведут средствами массовой информации происламскую пропаганду. Лидеры ИРИ считают необходимым превратить советский мусульманский Восток, по меньшей мере, в свой надежный тыл при проведении политики "экспорта исламской революции".

В советской научной литературе и в партийных документах КПСС ирано-иракская война оценивается и рассматривается как война бессмысленная. Именно ее бессмысленность, ненужность для народных масс в сочетании с упорным нежеланием правителей страны прийти к мирному исходу и есть важный критерий для оценки государственной политики ИРИ как антинациональной. Однако следует иметь в виду, что в ИРИ имеются социальные слои, для которых эта война не бессмысленна.

Политика продолжения войны ведет к обогащению верхушки торговой буржуазии и части духовенства. За годы существования ИРИ в стране появился целый слой миллионеров, наживших себе "бешенные деньги" на поставках фронту и тылу. Но это обогащение в нынешних условиях мало связано с процессами, имеющими отношение к воспроизводству общественного продукта.

В ИРИ создан огромный репрессивный аппарат, обслуживающий не только тыл, но и фронт. Он хорошо обеспечивается материально и сам обеспечивает себе "теплые места".

Поиски ответа на вопрос, кому выгодна эта война, приводят к следующему выводу. К концу 80-х годов самой крупной социальной опорой "исламского режима", безусловно, стало само духовенство, как ни парадоксально выглядит это на первый взгляд. Однако это лишь на первый взгляд, ибо иранское духовенство второй половины 80-х годов — это не духовенство, скажем 1980-го года. Все это время верхние слои духовенства непрерывно обогащались, приумножая свои земельные владения и сосредоточивая в своих руках значительные денежные средства, что, в свою очередь, открывало перед ними новые возможности в сфере бизнеса. Не следует забывать, что эта сословная корпорация, оставаясь таковой,

внутри сильно социально дифференцирована. Имущественный срез корпоративного сословия обнаруживает в нем такие слои, какие имеются у буржуазии, как например, торговый. Отсюда вытекает, что помимо внешнеполитических амбиций, духовенство заинтересовано в продолжении войны еще и потому, что она способствует его дальнейшему обогащению.

Антинациональный характер государственной политики ИРИ (при всем всеисилии карательного аппарата) подтачивает исламский режим. Даже несмотря на то, что духовенство через мечети "подкармливает" низшие слои общества (выдача купонов на получение продуктов по твердым ценам, выплаты донатов за присутствие на пятничных намазах), в настоящее время трудно говорить о безоглядном следовании широких народных масс за Хомейни как за символом надежд и идеалов.

Внутриполитическая обстановка в стране осложняется и тем обстоятельством, что верхушка шиитских богословов не выступает и не действует как сплоченная группа. Внутри нее идет острая борьба группировок. Однако следует признать, что участники этой борьбы ведут ее так, чтобы не нанести ущерба сокровенным интересам своего сословия. Они придают этому большое значение и ради сохранения корпоративности, и потому что видят: иранское общество 80-х годов шло таким путем, который успел породить предпосылки к тому, чтобы оно взорвалось вновь.

Н.Мамедова

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОПОРЫ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА

В истории было немного режимов, возникновение и формирование которых проходило бы при такой широкой поддержке масс, какую имел режим, установившийся в Иране после февральских событий 1979 г. Однако социальная опора этого режима за 8 лет претерпела большие изменения, которые позволяют выделить несколько периодов ее эволюции.

Представим себе социальную структуру страны в виде многослойной пирамиды, основание которой будем считать за нулевую ось. Перемещение слоев внутри и за пределы пирамиды позволит нам оценить изменения в структуре. При всей условности этого описательного метода все-таки можно наглядно проследить изменения опоры исламского режима.

Первый период
(февраль 1979 - первая половина 1980 г.)

Сразу же после революции (март, апрель) социальной опорой исламского режима являлись практически все наиболее массовые слои городского населения. Нейтральную в целом позицию занимало крестьянство^х. Под ним находилась армия, за которой шла крупная

^х Нейтральную позицию на шкале социальных приоритетов примем условно за ноль, ниже следуют обозначения со знаком минус. Для иранской действительности на отметке ноль оказалось крестьянство.

буржуазия, связанная с шахским двором, затем высший бюрократический аппарат и привилегированное офицерство. На вершине социальной пирамиды оказалось духовенство, хотя и делило это место с либеральной буржуазией вкупе с буржуазной интеллигенцией.

Второй период
(вторая половина 1980–1985 гг.)

После установлении в 1980 г. теократической формы правления духовенство заметно отодвинуло либеральную буржуазию. В 1980–1983 гг. на смену духовенству место выдвигаются такие корпоративные прослойки, как КСИР, басидж, армия. Они играли не только большую роль в системе государственной власти, но и представляли значительную часть в структуре населения. Так, духовенство ИРИ составляло примерно 200–250 тыс. человек (в стране было более 80 тыс. мечетей), КСИР – 250 тыс., представителей крупной буржуазии насчитывалось примерно 2–2,5 тыс., средней 15–20 тыс., мелкой – 190–200 тыс. человек. Для сравнения приведем цифру о численности фабрично-заводского пролетариата, который накануне революции не превышал 400 тыс.

На следующее за армейскими корпорациями место в 1981–1983 гг. выдвигается торговая буржуазия, что можно объяснить ее экономическими позициями и сильным влиянием на органы государственной власти. Неоднократно в печати отмечалось, что именно эти годы взрастили целый слой новых торговцев-миллионеров. В условиях Ирана, где практически отсутствуют государственная торговая сеть, нормированное распределение товаров и торговля по регулируемым ценам производится через многочисленные (на 99%) мельчайшие частные предприятия, объединенные вместе с крупными торговцами в систему отраслевых синдicates^х. Именно через них и через заготовительно-распределительные кооперативы, также тесно связанные с синдicates, и продаются почти все товары, в том числе и нормированные. (В Тегеране, например, в 1985 г. действовало 67 торговых синдicates.)

Заняв одну из верхних ступенек в структуре социальной опоры, крупный торговый капитал сохранял это место и по 1987 г. Запугивание войны, централизация заготовок при сохраняющейся систе-

ме распределения продолжают создавать условия для обогащения торговой буржуазии за счет спекулятивных сделок, разбухания "черного рынка". Несмотря на резкое падение цен на нефть (с ноября 1985 г. до апреля 1986 г. почти в 3 раза) и ужесточение государственного контроля над импортом (в 1986–1987 гг.), то есть усиления действия факторов, объективно отрицательных для частного торгового капитала, он в целом, и особенно в традиционных для него отраслях, получил в этот период даже новый импульс для своего дальнейшего упрочения. Сложилась ситуация, когда в условиях острой нехватки валютных средств правительству приходится проводить политику всемерного поощрения экспорта нефтепродуктов, а такими товарами, находящими спрос на мировом рынке по-прежнему являются ковры, сухофрукты, орехи, хна, басма, то есть все, что традиционно вывозило иранское купечество, одновременно владеющее землей и предприятиями первичной обработки продуктов сельского хозяйства.

Экспортеры, практически освобожденные в этот период от уплаты пошлин по новому положению об экспортно-импортных операциях, могли осуществлять импорт почти в размере валютных средств, полученных ими от вывоза. Поэтому эта крупная торговая буржуазия оказалась в наиболее благоприятном положении по сравнению с экспортерами промышленной продукции, так как их продукция не пользуется спросом на мировых рынках.

Наконец, немаловажную роль для упрочения своего места в социальной пирамиде играли традиционные связи торговой буржуазии с духовенством отчетливо прослеживаемые с начала XIX века. Причем, особенно тесной эта связь оказывается в тех семейных кланах, члены которых были не только торговцами, но и земледельцами, специализировавшимися на производстве и обработке экспортных сельскохозяйственных культур. Связи с торговым капиталом опосредовались не только через личную собственность духовных лиц, но и через деятельность и собственность духовенства как корпоративной группы, то есть через вакуфную. Вакуфы включали различные виды собственности – земли, караван-сарай, базары, школы-медресе, различные предприятия, нуждавшиеся в обслуживании торговым капиталом.

В социальной пирамиде вслед за крупной торговой буржуазией можно поставить (по степени поддержки режима) – мелкую торговую, а затем буржуазию, связанную с производством, – мелкую, среднюю и крупную.

^х Объединения торговцев и ремесленников типа цехов-гильдий.

Правительство при четкой ориентации на мелкое и среднее производство предпринимало меры и к привлечению крупного. На первое место по степени поддержки режима можно поставить традиционную мелкую буржуазию и владельцев тех мелкокапиталистических предприятий, которые воспользовались закрытием крупных и укрепили свои позиции, например в производстве текстиля и обуви.

В период 1983–1985 гг. валютно-финансовый разорв позволил режиму в какой-то степени обосновать потребности почти всех предпринимательских слоев. В 1984/85 г. был достигнут наибольший прирост промышленной продукции на так называемых "крупных предприятиях" (с числом занятых свыше 10 человек), в последние годы прироста промышленного производства на них уже не было. Поэтому в тот период практически все слои буржуазии можно зачислить в актив социальной опоры.

Режим в те годы имел возможность "подкармливать" и пролетариат, который тем не менее в целом оставался нейтральным. Инертным оставалось и крестьянство. Негативные последствия для сельского населения от низких темпов общего экономического развития в определенной степени погашались тем, что деятельность организации "Созидательный джихад", юридическая легализация в 1984 г. распределенных ранее земель, периодическое повышение закупочных цен (при одновременной дотации государством разницы между закупочными и нормированными ценами) были направлены на некоторое улучшение материального положения сельского населения. Ниже за крестьянством — с начала второго периода — четко обозначилась интеллигенция, преимущественно творческая, часть технической. Причины ухода интеллигенции в лагерь оппозиции заключаются в неприятии "культурной революции", проводимой в стране, и протестом против прекращения строительства высокотехнических объектов в ИРИ.

Третий период (конец 1985 г. по настоящее время)

Этот период ознаменовался падением цен на нефть, эскалацией военных действий, "танкерной войной". Все это привело к резкому ухудшению валютно-финансового положения ИРИ. Ущерб, нанесенный войной, по состоянию на 22 сентября 1985 г. — оценивается в 250–309 млрд. долл.¹. (бюджет на 1984/85 г. составлял 36 млрд. долл., проект бюджета на 1985/86 г. — 37 млрд. долл.)².

Таким образом, война уже к 1985 г. "съела" больше шести годовых бюджетов страны. И если раньше доходы от нефти, несмотря на военные расходы, давали возможность закупать вооружение, продовольствие и необходимые для промышленности компоненты, то теперь финансы страны не были в состоянии обеспечить все эти потребности.

Война истощает людские и материальные ресурсы, ведет в итоге к падению промышленного производства. Предприятия, зависящие от импорта, закрываются или переходят на изготовление товаров из местного сырья. В 1986/87 г. закрыто частично или полностью около 160 предприятий. В их числе "Иран хидроу", с которого было уволено 6 тыс. рабочих³. Прекратили свою деятельность мелкие предприятия, технологически связанные с поставками нефте-химических комплексов, разрушенных в результате военных действий. Остановка производств, связанных с импортом необходимых компонентов, главным образом предприятий высокой технологии, очень тяжело отразилась на положении фабрично-заводского пролетариата и технической интеллигенции, переводя их в оппозиционные режиму группы населения. По этой же причине режим лишается поддержки тех промышленных предпринимателей, чьи предприятия вынуждены сокращать свое производство.

Промышленное производство, ориентированное на использование местного сырья, не в состоянии поглотить "лишних людей", которых в свою очередь выбрасывают закрывающиеся из-за отсутствия импортного сырья производства. В стране увеличивается число безработных. Согласно последней переписи населения, безработных в ноябре 1986 г. в стране было 1,7 млн., однако на самом деле их в ИРИ гораздо больше. Одних только беженцев, которые в основном не имеют постоянной работы, по переписи 2,6 млн.⁴. С точки зрения эволюции социальной опоры режима действие такого фактора как безработица нельзя рассматривать односторонне. Очевидно, что ее рост ведет к усилению социальной напряженности и, следовательно, к ослаблению социальной поддержки режима. Но с другой стороны, именно наличие безработицы облегчает режиму формирование миллионных отрядов басиджа, находящегося под сильным идеологическим влиянием духовенства, готовых к джихаду. К 1988 г. численность басиджа оценивалась в 3–5 млн. человек.

Таким образом, сокращение экономических возможностей режима балансировать между различными слоями населения, оказывая им поддержку, привело в 1988 г. к сужению его социальной опоры.

Теперь, в третьем периоде, за крестьянством, то есть со знаком минус, оказались некоторые слои буржуазии, технической интеллигенции, еще ниже — фабрично-заводской пролетариат. Его отношение к режиму в 1986–1987 гг. можно расценивать в целом как отрицательное. Власти ИРИ фактически отказались сохранить искусственную занятость на предприятиях (не работающих на полную мощность) и не имеют возможности поддерживать уровень реальной заработной платы. Все больше и больше рабочих отправляют на фронт.

В активе социальной опоры режима в настоящее время остаются слои торговой буржуазии — как крупной, так и мелкой, сумевшей извлечь выгоды от нормированного снабжения. Поддерживают режим и многочисленные слои мелкой буржуазии, ориентирующейся на удовлетворение потребительского спроса за счет использования местных источников производства и пользующейся государственной кредитной поддержкой. На стороне режима и те слои средней и крупной промышленной буржуазии, которые смогли наладить тесные связи с госсектором и бюрократическим духовенством.

Удастся режиму сохранить и нейтралитет крестьянства. Причем, ограничение импорта продовольствия, повышение закупочных цен, расширение кредитования через кооперативы, проведение работ по электрификации, водоснабжению, благоустройству деревень делают этот нейтралитет для властей позитивным, склоняющимся скорее в сторону режима, нежели против.

В итоге, в настоящее время пирамида социальной опоры режима в целом сильно и сузилась и снизилась, обретя значительный минусовый пласт.

При этом позиции духовенства с каждым периодом укреплялись и политически и экономически, они становились все прочнее и, образно говоря, заполняли образовавшиеся в социальной опоре режима пустоты.

Каким путем и в каких формах шло это укрепление?

Отвоевав у буржуазии политическую власть, духовенство получило в свое распоряжение прежде всего государственный аппарат. Постепенное его внедрение в структуру создало основу для возникновения и укрепления бюрократического духовенства. Использование такого, казалось бы, буржуазного атрибута, как медреса, также дало возможность духовенству укрепить свои позиции в структуре государственной власти.

Упрочение позиций духовенства шло и через систему судопроизводства, усилившего роль шариатских судов. Непосредственный контроль духовенства над КСИР сделало шиитское руководство еще сильнее. Взяв систему образования в свои руки, расширив теологические факультеты, медресе, духовенство усилило свою власть над массами.

"Исламские советы", всецело подчиненные духовенству, наряду с аппаратом насилия, способствуют поддержанию авторитарно-теократического характера режима, хотя, как это ни парадоксально, эти "советы" призваны обеспечивать режиму статус республики. Через "исламские советы" духовенство получило возможность контролировать не только духовную жизнь, но и производственную, участвуя в управлении предприятиями, кооперативами и т.д.

Укрепление позиций духовенства шло и через "исламские фонды": "Фонд обездоленных", "Фонд павших", Комитет имама Хомейни и др. После революции собственность и предпринимательская деятельность духовенства как корпоративной группы стала реализовываться не только через вакфы, но и через эти фонды. Вакфы сейчас тоже успешно функционируют, например "Вакф имама Резы" даже экспортирует продукцию своего хлебозавода. Самый крупный из фондов — "Фонд обездоленных", имеющий годовой бюджет (на 1985/86 г.) в 473 млрд. риалов⁵, — представляет как бы государство в государстве, заняв в экономике место даже большее, чем бывшая "шахская монополия". Возглавляет его Мозахери (заместитель премьер-министра Мусави), сам же Мусави в этом фонде — доверенное лицо Хомейни. У главы фонда есть и свой заместитель — представитель крупной иранской торговой семьи Рухани. "Исламские фонды" позволили духовенству поставить под свой непосредственный контроль (а не через систему государственного управления) большую часть конфискованного у элиты имущества. Все это, безусловно, очень укрепило позиции духовенства в производственной сфере. Участие в работе фондов и госаппарате усиливает экономические позиции отдельных семейных кланов, к которым принадлежат и духовные лица. Например, известно, что семье председателя медресы Рафсанджани принадлежат крупные фисташковые сады в Кермане. И не случайно правительство приняло решение монополизировать на экспорт фисташек передать именно Керманской таможне, что позволит экспортерам повысить цены на вывозимый продукт⁶.

Основой экономического положения духовенства в целом как правящего сословия (в условиях отсутствия свободы политических

партий) остается госсектор. В 1983/84 г. его доля в промышленном производстве составляла 67%, в 1985/86 г. — 74%⁷. Именно госсектор является экономической основой для поддержки режимом широких слоев мелкой буржуазии и для увеличения военизированных слоев населения. Таким образом, экономическое положение духовенства в результате 8-летнего пребывания у власти чрезвычайно упрочилось. И это обстоятельство безусловно действует на стабилизацию исламского режима. И наконец, режим в настоящее время непосредственно может опираться на вооруженные организации — КСИР, басидж и армию, значительно увеличившую свою численность за годы исламского правления.

Неустойчивость режима связана не столько с сужением его социальной базы, происходящей от перехода некоторых слоев населения с нейтральных позиций к минусовым, сколько с тем, что изменение было резким и быстрым, а это всегда чревато особой социальной напряженностью. Усиливается неустойчивость режима и существующими среди духовенства разногласиями, не утихающими по сей день. Но пока равновесие между частями пирамиды достигается идеологически сильным влиянием духовенства на массы и отсутствием другой, более привлекательной альтернативной социальной группы, которая могла бы предложить иранскому народу иной вариант развития общества.

¹ Кейхан, 21.09.1986. Оценка "Кейхан" в долларовом эквиваленте — 309 млрд. риалов (по курсу 1 долл. = 80 риалов; оценка в 250 млрд. долл. сделана нами по курсу 1 долл. — около 100 риалов).

² Джомхурийе эслами, 03.09.1984.

³ Ресалат, Тегеран, 06.08.1986.

⁴ Эттелаат, Тегеран, 06.11.1986.

⁵ Джомхурийе эслами, 23.12.1986.

⁶ Ахбар, Тегеран, 30.11.1986.

⁷ Эттелаат, 28.11.1985; Абрар, 26.06.1986.

Камал Ходжар оглы

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ИРИ В 80-е ГОДЫ

Анализ валютно-финансового положения Исламской Республики Иран, равно как и деятельности правительства в этой области, помогут нам расширить представления об особенностях финансовой системы государства и ее состоянии.

Подход к современному иранскому обществу под таким углом зрения, на наш взгляд, вытекает из самой сущности финансов, в которых, как в фокусе, сосредоточены экономические, политические и социальные отношения любого общества.

Поскольку амбициозные планы исламских теоретиков и практиков по "радикализации" экономической и социальной структуры общества касаются и валютно-финансовых отношений Ирана, попробуем выявить и оценить результаты деятельности иранской администрации в данной области.

Прежде всего необходимо выделить два немаловажных обстоятельства, во многом влияющих на состояние и развитие валютно-финансовой сферы, на особенности и направления финансовой политики правительства ИРИ.

Первое — восьмилетняя война с Ираком, оказывающая все возрастающее дестабилизирующее воздействие на экономическое и валютно-финансовое положение страны. Иранская экономика сегодня — это фактически экономика военного времени, которая неумолимо диктует плановым и финансовым органам свое направление в развитие страны, подчиняя при этом все интересам войны и откладывая на будущее решение многих необходимых социально-экономических проблем. Закупки оружия и запасных частей к ним по высоким ценам сужают и без того ограниченную финансовую базу государства. По

оценкам самих иранских деятелей, ущерб от войны исчисляется в 300 млрд.долл.¹. Наибольший урон причинен нефтяной промышленности — более 160 млрд.долл. Тем не менее, несмотря на такие астрономические потери, руководители ИРИ упорно держат бесперспективный курс на "войну до победы".

Второе — многие проблемы внутренних и внешних финансов (хронический дефицит госбюджета, высокие темпы инфляции, огромные расходы на вооружение, гипертрофированный рост импорта потребительских товаров, распыленность финансовых средств в стране и за рубежом, внушительный размер внешнего долга и др.) современному иранскому обществу достались в наследство от шахской администрации, политика которой привела к тесному сращиванию иранского капитала с международным, и прежде всего с американским монополистическим капиталом.

Тем не менее, действительность показала, что исламский режим, оформившийся в теократическую диктатуру, опирающийся на буржуазный, капиталистический базис и активно воздействующий на него, свою первостепенную задачу видел не в решении накопившихся проблем в области финансов, а рассматривал последние как один из способов укрепления своей политической власти внутри страны. Свидетельством тому может служить такой акт республиканского правительства Ирана, как национализация кредитно-банковской системы страны и меры по ее "исламизации". Переход частных и иностранных банков в руки государства (июнь 1979 г.) был осуществлен в традициях буржуазной национализации, то есть без конфискации вкладов и имущества физических и юридических лиц. Государство тем самым как бы взяло под свою защиту частный сектор и оставляло возможность возобновить прерванные "исламской революцией" связи с мировой капиталистической валютно-финансовой системой.

Как же функционирует реорганизованная кредитно-банковская система ИРИ, как выполняет она поставленную перед ней конституцией задачу: "упор на увеличение сельскохозяйственного и промышленного производства в целях удовлетворения нужд общества и достижения страной самообеспечения и освобождения ее от зависимости"².

Об этом можно судить в первую очередь по такому важнейшему показателю, как динамика объема и структуры совокупных банковских активов и пассивов. Совокупные активы (пассивы) банковской системы ИРИ с начала 80-х годов росли быстрыми темпами (при-

мерно на 20% в год) и на конец 1985/86 г. составили 21252,1 млрд. риалов по сравнению с 7506,7 млрд.риал. в 1979/80 г., то есть увеличились на 65%. При этом доля активов Центрального банка (ЦБ) ИРИ в указанный период поднялась с 38,9% до 41,4%, а коммерческих (Мелли, Сепак, Меллят, Теджарат, Садерат, Рефа-е кар-гяран) и специализированных (Банк развития промышленности и рудников, Маскян, Банк развития сельского хозяйства) банков сократилась с 61,1 до 58,6%.

Главной причиной роста активов банковской системы является увеличение задолженности государственного сектора, которая в марте 1986 г. составила 8485,7 млрд.риал., или 40% всех активов, в то время как в начале периода (март 1980 г.) на нее приходилось 27,5% (2069,3 млрд.риалов). Удельный вес задолженности частного сектора за тот же период сократился с 34,3 до 27,5%. В результате такого изменения соотношение задолженности государственного и частного секторов банковской системе составило в 1979/80 г. — 45:55, 1985/86 г. — 63:37.

Говоря об изменении задолженности госсектора, следует отметить, что ее рост главным образом происходит за счет увеличения задолженности правительства ИРИ, составившей в 1985/86 г. свыше 90% всей задолженности госсектора, тогда как доля задолженности государственных компаний и организаций постоянно сокращается (с 30,8 в 1979/80 г. до 8,8% в 1985/86 г.).

Основной причиной роста задолженности правительства ИРИ банковской системе является дефицитное финансирование, то есть выпуск в оборот дополнительного количества денег в качестве основного источника покрытия хронического бюджетного дефицита, обусловленного прежде всего военными расходами. Практика частого использования печатного станка привела к тому, что за рассматриваемый период количество денег в обращении утроилось и составило свыше 8 трл.риал., что неминуемо ведет к углублению инфляционных процессов в стране.

Дополнительный импульс к развитию и расширению инфляции придает также рост оптовых и розничных цен, динамика индексов которых приведена в следующей таблице.

Таблица I

Динамика индекса оптовых и розничных
цен в 1979/80-1985/86 гг.

(1974/75 = 100%)

Индексы	1979/80	1980/81	1981/82	1982/83	1983/84	1984/85	1985/86
Оптовых цен	179,9	234,4	279,7	381,1	358,0	385,2	406,6
Прирост к предыдуще- му году, %	19,8	30,5	14,7	13,7	12,5	7,6	5,5
Розничных цен	196,3	242,5	297,6	355,2	418,1	462,1	482,9
Прирост к предыдуще- му году, %	11,4	23,5	22,8	19,2	17,7	10,5	4,1

Источник: "ЦБ ИРИ. Экономическое управление, индексы оп-
товых цен, индексы розничных цен на потребительские товары и
услуги". Тегеран, 1986 г.

Как видно из таблицы, с 1979/80 г. по 1985/86 г. индекс
оптовых цен в целом вырос в 2,3 раза, а розничных цен - в 2,5
раза. Однако следует учитывать, что индексы цен высчитываются
на основе относительно ограниченной номенклатуры товаров и
услуг по государственным, а не по рыночным ценам. В целом ряде
случаев товары в государственных магазинах продаются по ценам,
средним между государственными и "черного рынка". Исходя из
этого, можно предположить, что официальные иранские данные о
ежегодных темпах инфляции менее 20% являются заведомо занижен-
ными³.

Конечно, правительство старается бороться с инфляцией,
однако его антиинфляционные меры носят непоследовательный, по-
ловинчатый характер. В частности, чтобы сдержать рост цен,
широко практикуется распределение основных потребительских това-

ров по купонам (карточкам). Предпринимаются замораживание зар-
платы государственных служащих, блокирование депозитов на бан-
ковских счетах. Администрация прибегает и к такой мере, как
взимание значительных налогов (до 60%) с населения при продаже
автомобилей, золотых монет, земельных участков.

Главная же причина инфляции - непомерные военные расходы -
сохраняется и с каждым годом усиливает свое воздействие на эксо-
номику. Свою роль в усугублении инфляционного процесса играет
также неспособность режима выработать эффективную экономическую
программу по нормализации функционирования народного хозяйства.

Структура пассивов банковской системы ИРИ, так же как и
структура активов, изменялась в рассматриваемый период небла-
гоприятным образом. По состоянию на 1985/86 г. свыше половины
пассивов приходилось на ликвидность частного сектора, размер
которой, как это можно увидеть из данных табл.2, увеличился по
сравнению с 1979/80 г. на 59,2% и составил 8700 млрд. риал.

Что касается составных частей ликвидности частного секто-
ра - денежной массы и квазиденег, - то они изменялись в неоди-
наковой степени. В начале периода наибольшую часть ликвидности
составляли квазиденги - свыше 53%. В последующие годы опере-
жающий рост размера денежной массы по сравнению с объемом
квазиденег привел к тому, что в 1983/84 г. доля последних со-
кратилась до 48% и соответственно возрос удельный вес денежной
массы с 47 до 52%.

Возрастание удельного веса денежной массы в обращении, по-
мимо инфляционных процессов, указывает и на то, что она в недо-
статочной степени абсорбируется как банковской системой, так и
сферой потребления. Кроме этого, увеличение денежных знаков
(более чем в 2 раза) происходит без соответствующего товарного
обеспечения и не подкрепляется обязательствами казначейства.
Если взять денежную массу в целом, то вклады до востребования
растут быстрее дензнаков, что свидетельствует о постепенном
перекачивании последних на эти вклады, которые относятся к вы-
соколиквидным средствам. Большой размер вкладов до востребова-
ния говорит о неуверенности клиентуры в завтрашнем дне и о вя-
лой хозяйственной деятельности частного сектора. В пользу по-
следнего тезиса говорит и быстрый рост сберегательных счетов,
объем которых достиг очень больших размеров (37% всей ликвид-
ности).

Таблица 2

Ликвидность частного сектора
(на конец года - 20 марта^х)

млрд. риал.

	1979/80	1980/81	1981/82	1982/83	1983/84	1984/85	1985/86
Ликвидность, всего	3550,0	4337,8	5111,7	6350,7	7456,2	7901,1	8700
в том числе							
1. Денежная масса в обращении	1665,8	2203,3	2707,5	3483,9	3869,6	4068,0	4068,0
денежные знаки	927,9	1231,2	1407,2	1642,7	1856,1	...	...
вклады до востребования (текущие счета)	737,9	972,1	1300,3	1841,3	2013,5	...	...
2. Квaziденег ^{хх}	1884,2	2134,5	2404,2	2866,8	3586,6	...	...
сберегательные счета	1293,3	1513,6	1875,8	2185,8	2737,3	...	...
срочные депозиты	590,9	620,9	528,4	681,0	849,3	...	...
Доля 1 и 2 в ликвидности в целом	47:53	51:49	52:48	54:46	52:48		

Источник: Отчет ЦБ ИРИ за 1362 г.: "Джомхурийе эслами", 20.04.86; "Эттелаат", 06.05.86.

^х Иранский год по солнечному календарю хитрон начинается 21 марта текущего года европейского календаря и кончается 20 марта следующего года.

^{хх} Квaziденег - различные виды ценных бумаг.

Выявленные тенденции позволяют сказать, что в средствах частного сектора преобладают высоколиквидные элементы. Менее ликвидные средства, к которым относятся срочные депозиты, составляют лишь 11% всего объема ликвидности.

Правительство обеспокоено как ростом ликвидности частного сектора, так и неблагоприятным изменением ее структуры и заинтересовано в сокращении высоколиквидных средств и соответственно в повышении доли наименее ликвидных с преобладанием средне- и долгосрочных средств. Кроме того, судя по заявлениям руководителей финансово-банковской системы ИРИ, прилагаются усилия по привлечению (с помощью этой системы) средств частного сектора в производственные отрасли экономики. О том, в какого рода банки и в какие виды депозитов предпочитает частный сектор Ирана вкладывать свои средства, показывает приводимая ниже таблица.

Данные табл.3 позволяют увидеть, что размер вкладов частного сектора в банковскую систему за семь анализируемых лет вырос на 61%. Если сравнить этот показатель с показателем роста ликвидности частного сектора за тот же период (59,2%), то, на первый взгляд, это может показаться положительным результатом функционирования банковской системы. Однако, согласно последним имеющимся данным (на 1982/83 г.)⁴ структура привлеченных средств частного сектора такова, что доля коммерческих банков во всех привлеченных средствах чрезвычайно высока (92,5%), в то время как в специализированные банки вкладывается лишь 7,5% фондов частного сектора. При сравнении ликвидности частного сектора и его вкладов в банковскую систему необходимо также учитывать и такой факт, что в 1985/86 г., по словам бывшего управляющего ЦБ ИРИ Мохсена Нурбахша⁵, 95% всей ликвидности приходилось лишь на 3% населения. Но самым характерным является то, что во вложенных частным сектором в банковскую систему средствах в 1983/84 г. лишь небольшую часть (15%) составляли срочные депозиты, из которых в основном формируются наименее ликвидные ресурсы банков (849,3 млрд.риал.). Рост объема срочных депозитов происходит медленно: так, в 1983/84 г. по сравнению с 1979/80 г. он увеличился на 30%. Для сравнения укажем, что размер сберегательных вкладов за тот же период увеличился на 53%, а текущих счетов еще больше - на 63%.

Такое положение приводит к тому, что оперативные возможности банков, из-за небольшого размера срочных депозитов, край-

Таблица 3

Привлечение средств частного сектора в банковскую систему (в том числе по видам банков) на 20 марта

	1979/80	1980/81	1981/82	1982/83	1983/84	1984/85	1985/86
млрд. риал.							
1. Текущие счета	739,9	972,1	1300,3	1841,3	2013,5	2509,0	2747,0
2. Сберегательные вклады	1293,3	1513,6	1875,8	2185,8	2737,3	1936,0	3055,0
3. Срочные депозиты	590,9	620,9	528,4	681,0	849,3	...	...
4. "Беспроцентные" вклады						1497,0	905,0
Всего вкладов	2622,1	3106,6	3704,5	4708,1	5600,1	5942,0	5705,0
из них:							
в коммерческие банки	2466,6	2877,9	3424,0	4357,7	...	...	...
в специализированные банки	155,5	288,7	280,5	350,4	...	...	...

Источник: Отчет ЦБ ИРИ за 1362 г.; Экономическое приложение к "Эттедаат", 31,09.86.
x 0 "беспроцентных вкладов" см. в Спб. № 3(242); 1986 г.

не ограничены, что предопределяет наличие благоприятных условий для процветания рынка ростовщического капитала.

Таблица 3 показывает также, что в 1984/85 г. было открыто "беспроцентных вкладов" на сумму 1497,0 млрд. риал. в рамках так называемой "исламской беспроцентной банковской системы". О ее введении много говорили сразу же после установления исламской республики, тем не менее Закон о беспроцентных банковских операциях вступил в силу лишь в марте 1984 г. По замыслу религиозного руководства Ирана, закон должен был усилить роль кредитно-банковской системы в оживлении экономики страны. Однако только за один год в 1985/86 г. по сравнению с предыдущим годом объем "беспроцентных вкладов" в банковскую систему сократился почти на 40%. В иранской прессе все чаще стала появляться информация, свидетельствующая о трудностях, с которыми сталкивается правительство по "исламизации" банковской системы. Так, по сообщению газеты "Кейхан", в связи с наступлением 1365 г. (1986/87 г.) величина вознаграждения (банковский процент), выплаченного лицам, хранившим деньги в банках, колебалась от 6 до 8%. О непопулярности "беспроцентных" банковских операций косвенно свидетельствует тот факт, что, по данным западных наблюдателей, правительство ИРИ, испытывающее нехватку финансовых средств, предполагает использовать вклады частного сектора в банковскую систему для строительства экономических объектов, а вкладчикам вместо денежных выплат, выдавать акции будущих предприятий.

Итак, краткий анализ функционирования кредитно-банковской системы ИРИ показал следующее. Быстрый рост совокупных банковских активов и пассивов сопровождается ухудшением их структуры, что свидетельствует о нарастании неблагоприятных тенденций в банковской деятельности. Рост активов — следствие постоянного увеличения внутреннего государственного долга, покрываемого эмиссией денег. Это, а также увеличение в совокупных активах доли активов ЦБ ИРИ и сокращение удельного веса активов коммерческих, и особенно специализированных банков, ведет к тому, что банковская система в возрастающей степени обслуживает непроизводительные расходы государственного сектора, создает и воспроизводит условия для существования в стране инфляции.

Значительное сокращение доли задолженности государственных компаний и предприятий свидетельствует о вялой производственной деятельности государственного сектора, поскольку оно происходит при незначительном росте объемов кредитов этим предприятиям.

Подтверждением тому может служить тот факт, что (по нашим подсчетам) в экономике ИРИ наблюдается тенденция сокращения удельного веса госсектора в производстве ВВП (с 75 в 1983 г. до 69% в 1986 г.) и в производстве промышленной продукции (соответственно с 89 до 83%).

Сокращение задолженности частного сектора банковской системе и рост его ликвидности – это две стороны одного и того же процесса, означающего сосредоточение огромной наличности в руках у населения. Сложившаяся структура ликвидности свидетельствует о том, что средства частного сектора вкладываются в основном на текущие и сберегательные счета. Сильная инфляция заставляет торговцев базара и буржуазию для предотвращения потерь превращать свои капиталы в товарные запасы. Это в свою очередь ведет к дефициту многих товаров и способствует дальнейшему росту цен. Высокая доля вкладов частного сектора в коммерческие банки говорит о том, что банковская система не способна в достаточной степени привлечь эти средства в производственные отрасли экономики и продолжает финансировать преимущественно коммерческую деятельность частных предпринимателей. Свидетельством этому может служить доля сектора услуг в структуре ВВП Ирана, находящаяся на очень высоком уровне – до 50%.

Неэффективные формы и методы кредитования обуславливают сохранение в стране рынка ростовщического капитала. Существование параллельных кредитных источников, функционирующих на различных условиях, отвлекает представителей частного сектора от вложений в банковскую систему, что отрицательно влияет на расширение финансовой базы государства.

И наконец, попытки властей "исламизировать" банковскую систему приводят к сильной бюрократизации работы банков из-за стремления религиозно-политического руководства Ирана к постоянному укреплению своей власти.

Наглядное представление о состоянии государственных финансов ИРИ дает государственный бюджет и связанная с ним бюджетная и в частности фискальная политика. Формирование и использование основного финансового плана Ирана – государственного бюджета в 80-е годы выглядит следующим образом.

Таблица 4

Государственный бюджет ИРИ

	1980/81	1981/82	1982/83	1983/84	1984/85	1985/86	1986/87 ^x	1987/88 ^{xx}
Доходы	1326,0	1652,0	2376,0	3242,4	3573,1	3780,4	2800,0	2666,0
Расходы	2298,0	2707,0	3264,3	3727,9	4087,8	4134,8	3500,0	4000,0
Дефицит	-972,0	-1055,0	-888,3	-485,5	-514,7	-354,4	-700,0	-1334,0

^x Ожидаемое исполнение.

^{xx} Проект.

Источник: Отчет ЦБ ИРИ за 1361 г.; Отчет ЦБ ИРИ за 1362 г.; MEED, 22.08.1987; "Эттелаат", 18.08.1987.

Из таблицы нетрудно заметить, что отличительная черта госбюджета ИРИ - это отчетливо выраженный дефицит, который принял уже хронический характер. Примечательно, что в проекте бюджета на 1987/88 г. запланирован дефицит, размер которого составляет больше половины доходной части госбюджета и почти в два раза превышает соответствующий показатель предыдущего года. В целом за период 1980/1981 - 1986/87 гг. совокупный размер государственного дефицита ИРИ составил чуть менее 5 трл. риал. Следует однако отметить, что иранские периодические печати приводят цифровые выкладки, касающиеся дефицита, намного превышающие официальные данные администрации ИРИ. В частности, по данным газеты "Кейхан", реальный размер дефицита госбюджета страны за аналогичный период приближается к уровню в 6,5 трл. риалов⁶.

Постоянный рост государственного долга ИРИ привел к тому, что он более чем в два раза превышает величину госбюджета. Политике дефицитного финансирования пока нет никакой альтернативы, так как руководство страны официально держит курс на отказ от привлечения внешних источников финансирования. Неблагоприятное положение усугубляется еще и тем, что правительство не предпринимает никаких мер по погашению своего долга, который, по всей вероятности, в будущем вообще будет списан, а это ляжет тяжким бременем на активы банковской системы страны, и прежде всего на активы Центрального банка.

В сложившихся условиях администрация вынуждена идти по пути сокращения абсолютного размера доходной части госбюджета, что может служить признаком напряженного положения, в котором находится система государственных финансов ИРИ на современном этапе. Но в то же время бюджет составляют со все возрастающим дефицитом. Так, расходная часть его остается достаточно высокой и уже перевалила уровень 4 трл. риал., что обусловлено в первую очередь, военными расходами. С учетом автономных бюджетов КСИР и министерства обороны военные расходы составляют до 40% всех бюджетных расходов иранского государства. Что касается ассигнований на развитие экономики, то их доля в расходной части бюджета имеет тенденцию к сокращению. Так, в 1986/87 фин.г. на экономическое развитие было выделено лишь 23% бюджетных расходов, по сравнению с 31% в 1980/81 фин.г.

Анализ структуры доходной части госбюджета ИРИ (табл.5) показывает, что в ее формировании уменьшается удельный вес нефтяных доходов и растет доля поступлений от налогов.

Таблица 5

Структура доходной части госбюджета ИРИ

в %

	1980/81	1981/82	1982/83	1983/84	1984/85	1985/86	1986/87	1987/88 ^{xx}
Доходы, всего,	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе								
от экспорта нефти	67,0	56,8	65,8	61,0	53,7	45,1	42,3	27,0
от налогов . . .	25,6	33,5	25,8	30,6	26,0	38,8	36,2	43,9
Прочее	7,4	4,7	8,4	8,4	20,3	16,1	21,5	29,1

x Ожидаемое исполнение.

xx Проект.

В бюджете 1986/87 г. доля поступления от экспорта нефти составила 42,3% (против 67% в 1980/81 г.), доли налоговых поступлений возросла до 36,2% (против 25,6% в 1980/81 г.), прочих поступлений выросла с 7,4 до 21%. В проекте бюджета на 1987/88 г. предусмотрено дальнейшее сокращение поступлений от нефти до 27%.

Исходя из вышеприведенных данных, складывается впечатление, что выдвинутые сразу же после прихода к власти шиитским руководством планы относительно уменьшения зависимости страны от нефтяных поступлений, на первый взгляд, претворятся в жизнь. Но так ли это в действительности?

Во многом ответ на это дают показатели динамики добычи, экспорта и доходов от нефти ИРИ, приводимые в следующей таблице.

Таблица 6

Добыча, экспорт и доходы
от нефти ИРИ

	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986
Добыча, млн.т	84,1	75,6	136,8	139,6	116,2	125,3	95,5
Экспорт, млн.т	45,8	40,6	96,7	99,5	76,1	85,2	55,4
Доходы от экспорта нефти, млрд.долл.	13,5	9,3	16,4	19,6	12,5	13,4	7-8

Источник: "Petroleum Economist", Feb. 1985; MEED, N 51/52, 1985; MEED, 22 August 1987.

Сопоставление данных табл.6 с показателями доли доходов от нефти в доходной части госбюджета в табл.5 выявляет определенную закономерность. Падение добычи и экспорта нефти, начавшаяся с 1983 г. из-за эскалации боевых действий в Персидском заливе и неблагоприятной конъюнктуры на мировом рынке этого сырья, вполне соотносится с уменьшением доли доходов от нефти в бюджете страны. Исходя из этого, можно сказать, что процесс формирования бюджета ИРИ в том виде, как он эволюционирует в

последние годы, не есть прямой результат деятельности правительства, а в большей степени предопределяется положением дел в нефтяном секторе, остающимся основой иранской экономики и финансов. Достаточно сказать, что до 98% поступлений иностранной валюты Ирана в настоящее время обеспечивает экспорт жидкого топлива. О том, как происходит изменение объема и структуры поступлений от налогов в госбюджет ИРИ можно судить из табл.7.

Из таблицы видно, что основной рост совокупных налоговых поступлений происходит за счет роста косвенных налогов. В 1984/85 г. по сравнению с 1979/80 г. их размер увеличился в 4,7 раза, в то время как прямые налоги возросли лишь в 1,7 раза.

Опережающие темпы роста косвенных налогов привели к тому, что в исполненном бюджете 1984/85 г. они составили 63% всех налоговых формирований, тогда как в бюджете 1979/80 г. — 38%.

Медленный рост прямых налогов можно объяснить тем, что фискальная политика правительства сталкивается с серьезными трудностями. Главная трудность заключается в том, что деятельность иранского правительства в этой немаловажной области осуществляется в "законодательном вакууме". До сих пор в ИРИ не принят Законопроект о налоговой системе — постоянный предмет острых дискуссий между правительством и консервативным крылом меджлиса вместе с Советом экспертов. Консерваторы считают, что любые другие налоги, кроме религиозных, противоречат шариату и должны вводиться только в чрезвычайных случаях и на определенный срок, продолжительность которого необходимо объявлять заранее. На этом "основании" частные предприниматели и торговцы базара противятся Закону о прямом налогообложении, сохранившемуся с шахских времен и все больше апеллируют к исламским формам налогов. К чему это приводит видно из следующих цифр. По данным газеты "Файнэншл таймс", в ИРИ насчитывается 2,5 млн. торговцев базара, которые ежегодно уплачивают 2,8% всех налогов, или 20 млрд.риал. В тоже время за счет рабочих и служащих госпредприятий, то есть лиц с фиксированными доходами, обеспечивается 7% совокупных налоговых поступлений (свыше 60 млрд.риалов ежегодно)⁷. Если к этому добавить, что частники предпочитают скрывать истинные размеры своих доходов, то налоговая ситуация в ИРИ выглядит еще более удручающей.

Таблица 7

Динамика изменения объема и структуры
налоговых поступлений в госбюджет ИРИ

млрд. риал.

	1979/80	1980/81	1981/82	1982/83	1983/84	1984/85	1985/86	1986/87 ^x
Налоговые поступления, всего,	368,3	340,4	554,1	614,0	796,5	1062,6	1138,2	1024,8
в том числе							II	XX
прямые налоги	228,1	129,2	321,9	295,5	318,5	396,0	...	...
косвенные налоги	140,2	211,2	232,2	318,5	478,0	666,6	...	...

x Ожидаемое исполнение.

xx Данные отсутствуют.

Источник: Отчет ЦБ ИРИ за 1361 и 1362 гг.; "Газейхайе-амар", № 3, 1363; "Экономический вестник", 22.05.84, 19.04.87.

В условиях падения нефтяных доходов и необходимости обеспечения растущих военных расходов правительство, несмотря на сопротивление консерваторов, добивается повышения налогов на представителей частного сектора по меньшей мере в 5 раз.

Превращение проблемы налогов из экономической в религиозно-политическую свидетельствует, с одной стороны, о попытках дальнейшей исламизации отдельных сторон жизнедеятельности иранского общества, с другой — отражает общее состояние неопределенности его экономической структуры. Об этом лучше всего говорят некоторые представители самой администрации, как например, председатель планово-бюджетной комиссии меджлиса Нури: "Необходимо принципиально определить экономические основы нашего общества и уяснить, на базе какого экономического строя покоится наша налоговая система"⁸.

Затягивание решения проблемы налогообложения — острейшей проблемы финансово-экономической политики — увеличивает вероятность осложнения опасной ситуации как для государственных финансов ИРИ, так и социально-политической обстановки внутри страны, ибо рост косвенных налогов отрицательно сказывается прежде всего на малоимущих слоях населения, а основным плательщиком прямых налогов остаются лица с фиксированной зарплатой.

Важнейшими аспектами финансовой политики любого государства являются обеспечение стабильного валютно-финансового положения и поддержание платежеспособности на должном уровне. Основные показатели валютно-финансового положения и платежеспособности ИРИ приведены в данной таблице.

Как видно из табл. 8, за годы войны произошло ухудшение валютно-финансового положения Ирана. В связи с сокращением экспортных поступлений, а также выплатами в погашение внешнего долга платежный баланс сводится с отрицательным сальдо, что негативно сказывается на уровне платежеспособности страны.

Правительство ИРИ с целью компенсировать снижение валютных поступлений от продажи нефти предпринимает ряд мер, среди которых можно выделить следующие: увеличение ненефтяного экспорта, урезание расходов по импорту, ужесточение мер по экономии валюты. Некоторый эффект приносят лишь две последние из перечисленных мер. Объем импорта в 1986 г. по сравнению с 1983 г. был сокращен почти вдвое. Благодаря этому удалось избежать громадного дефицита во внешней торговле. Вместе с тем, поскольку экономика Ирана в целом на 75% зависит от импорта сырья

и на 95% от импорта оборудования, сокращение ввоза в ИРИ многих товаров производственного и непроизводственного назначения ведет к консервации застойных явлений во многих отраслях и отрицательно сказывается на уровне жизни населения.

Таблица 8

Основные показатели валютно-финансового
положения и платежоспособности ИРИ

млрд.долл.

	1980	1983	1986
Экспорт товаров и услуг	14,1	19,5	7,5
Импорт товаров и услуг	12,2	18,3	9,3
Сальдо платежного баланса	-4,26	-1,3	-3,2
Золото-валютные резервы	7,7	9,0	5,0-5,5
Совокупный внешний долг	10,3	7,6	5,5
Платежи в погашение долга	2,0	1,7	0,61 ^x
Валютный курс (риалов за доллар)	70,6	86,3	95,0

^x Намечаемые.

Источник: International Financial Statistics. Oct, 1987; MEED, 22 August 1987. External debt of developing countries, 1985 Survey OECD, Paris, 1986; External debt statistics, Paris, OECD, 1987.

Что касается экономии валюты, то значительно урезаются валютные квоты, выделяемые различным министерствам, за исключением квот, связанных с военными нуждами. Так, ежегодные валютные затраты только в промышленном секторе должны составлять по меньшей мере 7-8 млрд., а фактически выделяемые средства не превышают 3 млрд.долл. Сокращаются также расходы валюты на поездки за границу, обучение студентов за рубежом и даже на нужды паломников. В целом потребление валюты сектором услуг уменьшилось с 1071 млн. в 1985/86 до 730 млн.долл. в 1986 г.⁹

Очень низки объемы контрактов, заключаемых с иностранными подрядчиками, и подписываются только в том случае, если отвечают потребностям военной экономики. Кроме того, реализация ранее подписанных контрактов проводится с большими трудностями. Из-за вооруженного конфликта с Ираком ряд объектов оказался в районе боевых действий, поэтому работы на них приостановлены, а иностранные специалисты эвакуированы. Правительство ИРИ ввело в практику пересмотр многих контрактов, пытаясь производить расчеты по ним на бартерной основе, предлагая нефть в качестве средства платежа.

Несмотря на предпринимаемые меры по экономии валютных средств, их запасы сократились по сравнению с 1979 г. в три раза и, по оценкам западных источников, составили в 1986 г. 5,0-5,5 млрд.долл., включая золотой запас. Следует отметить, что у ИРИ существуют потенциальные возможности по увеличению валютных резервов на 2,0-2,5 млрд.долл. за счет возвращения займов, предоставленных шахом крупнейшим капиталистическим государствам, главным образом, США и Франции. Однако окончательное официальное урегулирование взаимных претензий затягивается, так как оно связано с политическими разногласиями Ирана с этими странами. Даже если учесть эти потенциальные возможности пополнения валютных средств, их явно не будет хватать для ведения дорогостоящей войны с Ираком. По нашим подсчетам, потребности в валюте в 1,5-2 раза превышают их обеспечение за счет собственных источников. Тем не менее, Иран продолжает войну, что может свидетельствовать о негласном привлечении им иностранной финансовой помощи.

Таким образом, рассмотрение некоторых важнейших сторон деятельности правительства ИРИ в валютно-финансовой сфере позволяет сделать вывод, что эта сфера находится в кризисном состоянии. Финансовая политика как составная часть экономической политики в целом отражает то общее состояние Ирана, когда религиозно-политические амбиции берут верх над реальными потребностями развития экономики страны. Многие из доставшихся от прежнего руководства проблем и трудностей финансового характера еще больше усугубились. Учитывая неутешительные прогнозы по поводу будущего развития мирового нефтяного рынка и неизменяющийся курс на войну с Ираком "до победного конца", можно предположить, что у исламского режима нет обнадеживающих перспектив по улучшению своего валютно-финансового положения.

- 1 Цифра эта — явно завышенная и носит, по всей вероятности, пропагандистский характер. По данным нейтрального источника "Мидл Ист экономик сервэй", война между Ираном и Ираком в период до 1986 г. обошлась этим странам примерно в 400 млрд. долл., включая военные расходы, потери от сокращения нефтяных доходов, а также производственные (экономические) потери.
- 2 Конституция ИРИ (на перс. яз.). Тегеран, 1980, ст. 43, § 9.
- 3 Западные источники оценивают ежегодные темпы инфляции в размере 50-70%.
- 4 Более поздними данными по этим показателям мы не располагаем.
- 5 В ноябре 1986 г. Управляющим ЦБ ИРИ назначен Маджид Гасеми.
- 6 Кейхан, 11.06.1987.
- 7 Financial Times, 01.04.1986.
- 8 Эттелаат, 08.05.1986.
- 9 Кейхан, 28.12.1986.

Л.Скляров

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА В ИРАНЕ

В работах советских и зарубежных исследователей делаются многочисленные попытки определить исторический тип исламского режима в Иране, выявить его социально-классовый характер. К наиболее распространенной (но отнюдь не единственной) относится точка зрения, согласно которой исламский режим в Иране представляет собой теократическую диктатуру духовенства. При определении его классово-социальной сущности имеются значительные расхождения. Можно встретить взаимоотрицающие утверждения, что исламский режим носит мелкобуржуазный характер (доктор исторических наук С.М.Алиев), что он — режим бюрократически-капиталистического типа (доктор исторических наук С.Л.Агаев), что он прежде всего выражает сословно-корпоративные интересы самого духовенства, для которого сохранение власти превратилось в самоцель, и крупного торгового капитала, ставшего в условиях ИРИ наиболее значительной экономической силой (доктор экономических наук А.З.Арабаджян).

Дебатируется, хотя и не слишком широко, тезис о наличии у исламского режима фашистских черт. Такую оценку можно встретить у федаев и моджахедов¹, у отдельных западных исследователей². Сопоставление исламского режима с фашизмом ведется и некоторыми советскими учеными. В первую очередь среди них нужно назвать Н.А.Кузнецову, кандидата исторических наук, сотрудника Института востоковедения АН СССР, опубликовавшего по этому вопросу статью (пока что первую и единственную на эту тему в советской истористике)³.

Следует заметить, что оценки, которые даются федаями, моджахедами и некоторыми другими левыми организациями, носят скорее пропагандистский, нежели научный характер. Они именуют исламский режим фашистским из-за его методов подавления левых сил. На гру-

бом политическом насилии и терроре по отношению к противникам режима и инакомыслящим делают упор и западные исследователи в поисках сходства исламского режима с фашистскими режимами.

Научный анализ проблемы дает Н.А. Кузнецова. Он у нее базируется на поиске набора характерных черт, присущих как исламскому режиму, так и фашистским режимам Европы 20-40-х годов. Что касается исследования, сделанного Н.А. Кузнецовой, то его можно дополнить, если подойти к вопросу с другой стороны и попытаться выявить исторические закономерности условий возникновения фашистских режимов и механизма их функционирования. Представляется, что лишь при сравнении условий возникновения и функционирования исламского режима в Иране и фашистских режимов в Европе можно решить вопрос о правомерности отнесения исламского режима к режиму фашистского типа (или, по крайней мере, приблизиться к его решению). Конечно, при этом не следует забывать, что речь может идти лишь об общих признаках, свойственных режимам фашистского типа, а не о полном совпадении всех особенностей и деталей. Ведь и в Европе германский фашизм отличался от итальянского, а последний от испанского. "Вторичные" модели фашизма (болгарского, венгерского, греческого, португальского) имели свои особенности по сравнению с "классическими" образцами. Еще больше отличий у неофашизма. Тем не менее, у всех фашистских движений и режимов можно найти общие признаки и критерии, по которым их можно отнести к режимам и движениям именно данного типа.

"Фашизм — политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных сил империалистической буржуазии. Фашизм у власти — террористическая диктатура самых реакционных сил монополистического капитала, осуществляемая с целью сохранения капиталистического строя" (БСЭ, М., 1977, т. 27, с. 223). Однако из этой характеристики мы ничего не можем узнать о роли и месте мелкой буржуазии в генезисе фашизма, не раскрывает она, как и почему режим, установленный мелкобуржуазным по своему социальному содержанию фашистским движением, неизбежно оказывается во власти крупного капитала.

Фашизм действительно возникает в период, когда капитализм в той или иной стране переживает кризис. Но в начальный период фашизм отнюдь не является выражением интересов "наиболее агрессивных и реакционных сил империалистической буржуазии". Он возникает как реакция мелкой буржуазии на капиталистический

кризис и несет в себе заряд мелкобуржуазного антикапитализма, попытку разрешения капиталистических противоречий на мелкобуржуазной основе.

Показательна в этом отношении официальная программа фашистской Национал-социалистической рабочей партии Германии, принятая в 1920 г. и специально подтвержденная Гитлером в связи с возникшими разногласиями в ее руководстве в 1926 г. Программа предусматривала экспроприацию нетрудовых доходов, конфискацию военных прибылей, передачу государству концернов, обобществление и раздел среди мелких торговцев универсальных магазинов (пункты II—I3, I6). Аграрная часть программы содержала обещание провести радикальную аграрную реформу, экспроприровать без выкупа помещичьи земли, отменить земельную ренту и запретить спекулятивные сделки на землю⁴. Выступая по радио 14 июля 1932 г., один из лидеров фашистского движения Штрассер заявлял: "Народ протестует против экономической системы, которая мыслит лишь в категориях денежных купюр, прибылей, дивидендов и которая забыла думать о работе, о созидании. Интересна и значительна у нас в стране огромная антикапиталистическая тяга. Она является естественным протестом против разлагающегося общества, и она требует от государства, чтобы оно отстаило свое право на жизнь и покончило с демонами золота капиталистической экономики, с материализмом и со всем образом мышления, основанным на статистике экспорта и на векселях рейхсбанка. Народ добивается от государства, чтобы оно снова обеспечило людям честную плату за честный труд"⁵.

Именно идеи мелкобуржуазного эгалитаризма, "социальной справедливости", ограничения крупной частной собственности, равномерного распределения и другие идеи, свойственные мелкобуржуазной психологии и взятые на вооружение фашистскими идеологами, обеспечили фашизму массовую, главным образом мелкобуржуазную, опору.

С самого начала своего возникновения фашизм вступил в противоборство с организованным рабочим движением, поскольку пролетарский вариант разрешения капиталистических противоречий (ликвидация частной собственности на средства производства) чужд мелкобуржуазной собственнической психологии. Тем более, что у мелкой буржуазии Европы был перед глазами опыт Советского Союза, где была ликвидирована не только крупная капиталистическая собственность, но и взят курс (в конце 20 — начале 30-х годов) на уничтожение и мелкой частной собственности. Антипролетарская и

антикоммунистическая направленность фашистского мелкобуржуазного движения делала его приемлемым для буржуазии, несмотря на некоторую антикапиталистическую направленность, что в свою очередь и обусловило возможность союза фашистских лидеров с определенными кругами буржуазии.

Но союз этот сложился не сразу. Фашистские лидеры шли к власти как представители мелкой буржуазии, отстраненные от государственной власти представителей буржуазии. Вместе с тем, в борьбе за власть против буржуазных правительств эти лидеры нередко пользовались тайной финансовой поддержкой отдельных банковских и промышленных магнатов, рассчитывавших затем "купить" фашистскую верхушку и использовать ее в своих целях. Однако это была скорее личная уния, нежели союз с буржуазией как классом.

Но вот на волне массового мелкобуржуазного движения (и пользуясь тайной поддержкой некоторых групп буржуазии) фашистские лидеры пришли к власти. И здесь они оказались в положении, которое К.Маркс по другому поводу и в другое время описывал следующим образом: "Самым худшим из всего, что может предстать вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он может сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он должен сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринами и требованиями... Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии, а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными"⁶.

Действительно, фашистские лидеры идут к власти как представители интересов мелкой буржуазии, что и обеспечивает им массовую поддержку в борьбе против буржуазных правительств, но оказываются они у власти в стране с господством капиталистических отношений. Реализовать свою широковещательную мелкобуржуазную программу они не в состоянии хотя бы потому, что у мелкой буржуазии отсутствуют экономические рычаги борьбы с крупным капиталом. То, что они должны сделать, то есть удовлетворить интересы мелкой буржуазии и других слоев трудящихся масс, невыполнимо. А то, что они могут делать, — это управлять капиталистическим государством, в котором экономически господствует буржуазия. Таким образом, фашистскому режиму (представленному узкой группой лидеров, стоявших непосредственно у руля государственного руководства), имеющему мелкобуржуазное социальное происхождение, ничего не остается делать, как ради сохранения власти переориентироваться на обслуживание интересов экономически наиболее могущественного слоя общества — крупной, а там где она сложилась, монополистической буржуазии. От тех же широких масс, с помощью которых фашистские лидеры пришли к власти, режим вынужден, с одной стороны, отделяться фразами, обещаниями, увертками, то есть применять безудержную и беззастенчивую социальную демагогию, с другой стороны, с целью удержания этих масс в покорности, фашистский режим вынужден создать мощный разветвленный аппарат военно-политического насилия и террора.

Фашистский режим отстраняет буржуазию от прямого участия в государственной власти, но вынужден оставлять за ней экономическое господство в обществе и опосредованное воздействие на государственную политику. Такое положение имеет под собой исторически обусловленную закономерность. Мелкая буржуазия принципиально неспособна покончить с капитализмом. Буржуазия же в условиях кризиса капитализма и политических потрясений терпит возможности непосредственно управлять государством. Поэтому она вынуждена мириться с мелкобуржуазным по своим генетическим корням режимом, который служил бы своеобразным буфером между широкими массами и буржуазией. Широкие, главным образом мелкобуржуазные, массы питают доверие к такому режиму, как якобы поставленному у власти ими самими, а своей социальной демагогией фашистские лидеры стремятся поддерживать у масс иллюзию, что они защищают их интересы. В своей же практической деятельности фа-

шистский режим теперь уже вынужден обслуживать интересы буржуазии, а точнее — наиболее влиятельной на данном этапе развития капитализма группировки внутри класса буржуазии.

Исторически закономерным является и установление после прихода фашистских лидеров к власти жесточайшей террористической диктатуры, хотя идут они к власти, как правило, под лозунгами демократии, "народного государства", социального равенства и т.п. В условиях острых классовых противоречий, вырастающих из кризиса капитализма, мелкобуржуазный по своей социальной сущности режим не может быть ничем иным, кроме как диктатурой, опирающейся на грубое военно-политическое насилие. Чтобы удерживаться у власти, фашистскому режиму приходится бороться с левыми силами, подавлять недовольство мелкой буржуазии и препятствовать попыткам буржуазии вернуть государственную власть. По мере ослабления кризиса и относительного затухания политической напряженности фашистский режим неизбежно утрачивает свою, так сказать, социально-полезную функцию буферного механизма, теряет социальную мелкобуржуазную опору и продолжает удерживаться у власти за счет опоры на разветвленный репрессивный аппарат. Фашистский режим способствует сохранению капиталистического строя потому, что сам он этот строй изменить не в состоянии и не желает допустить, чтобы этот строй был изменен пролетариатом, так как это означало бы установление власти пролетариата, а следовательно, и гибель фашистского режима. Такая ситуация и обеспечивает своеобразный союз-компромисс фашистского режима с буржуазией: буржуазия мирится с утратой государственной власти в обмен на то, что фашистский режим методами военно-политического насилия обеспечивает "классовый мир" и сохраняет в стране капиталистический строй.

Таковы, на наш взгляд, наиболее общие закономерности возникновения и функционирования фашистского режима.

Рассмотрим теперь условия возникновения исламского режима в Иране. Как известно, во второй половине 70-х годов страна вступила в полосу экономического кризиса, вызванного противоречиями развития капитализма в стране. Развернувшееся как реакция на кризис массовое движение в Иране несомненно носило мелкобуржуазный характер. Внешне оно было направлено против шаха, но в глубинной его основе лежал стихийный мелкобуржуазный протест против капитализма. Естественно, в антишахском движении наблюдались и либерально-буржуазное и пролетарское течения, однако при данной

конкретной расстановке классовых сил в стране мелкобуржуазное течение оказалось преобладающим, в общем и целом определив характер антишахской борьбы. Шахский режим по своему классовому содержанию был режимом буржуазным, активно насаждавшим капитализм в стране, причем преимущественно в государственно-монополистической форме. Таким образом, первое условие возникновения фашизма — подъем мелкобуржуазного движения со стихийным антикапиталистическим зарядом в условиях капиталистического кризиса — в Иране имелось.

Соблюдено было и другое условие: конфронтация мелкобуржуазных сил с левыми силами. Еще в ходе антишахской борьбы Хомейни и другие лидеры мелкобуржуазного движения вели яростную кампанию против левых сил, подстрекали толпы фанатиков к нападениям на демонстрации и митинги левых организаций. Все это было направлено на то, чтобы не допустить возникновения и развития самостоятельного организованного пролетарского движения под руководством левых сил. Эта задача облегчалась тем, что иранские левые оказались введенными в заблуждение "народным антишахским и антиимпериалистическим курсом" имама Хомейни и безраздельно (как Народная партия Ирана) или с оговорками (как федаи и моджахеда) поддерживали его. Характерно, что и германские и итальянские коммунисты не сразу разглядели опасность фашизма в своих странах, поверяя поначалу "народному духу" фашистской идеологии.

В советской иранистике бытует тезис о том, что руководство иранской революцией захватило духовенство во главе с Хомейни. На наш взгляд, этот тезис не вполне соответствует действительности. Руководителем антишахского движения стало не само духовенство как таковое, а сравнительно узкая группа лиц духовного и светского происхождения, объединившихся вокруг Хомейни и стоявших на позициях мелкобуржуазного радикализма. Именно эти позиции обеспечили группировке Хомейни массовую поддержку мелкобуржуазных слоев, значительно превосходивших по численности любой другой социально-классовый слой. Не случайно эту массовую поддержку не получили ни такой религиозный авторитет как аятолла Шаркатмадари, оказывавший содействие либерально-буржуазной оппозиции шаху, ни аятолла Талегани, симпатизировавший левым.

В советской и зарубежной иранистике существует и другой тезис: духовенство сумело встать во главе революции потому, что в стране существовал "политический вакуум", образовавшийся в результате репрессий против левых и демократических сил; в этих

условиях ислам стал единственно возможным каналом выражения протеста, а сеть мечетей дала духовенству удобную организационную базу движения. Представляется, что все в этом тезисе поставлено с ног на голову. Не "политический вакуум" стал причиной того, что главе движения оказалась группировка Хомейни. И в стране, и за рубежом существовали различные оппозиционные шаху левые, революционно-демократические и либерально-буржуазные организации. Но они не стали во главе движения, поскольку их идеи, платформы, программы были чужды настроениям мелкобуржуазных масс, и они не пошли ни за одной из этих организаций. Характерно, что то же духовенство во главе с Хомейни, обладая той же сетью мечетей, в 1963 г. не смогло повести за собой массы. Тогда устремленного духовенства, выступившего против проведения реформ, направленных на выход страны из глубокого структурного кризиса, еще не отвечали настроениям масс. Все, на что духовенство оказалось в то время способным, это поднять мятеж городской черни, который был легко подавлен властями. Массы же, при всей их приверженности к исламу, остались глухи к призывам Хомейни, и даже шахские репрессии к участникам мятежа не побудили их подняться на борьбу против монархии. В 1978 г. тот же призыв Хомейни (находившегося в эмиграции в Неджефе за сотни километров от Ирана, а затем в Париже) к свержению шаха сделал его лидером антишахского движения, поскольку в изменившихся по сравнению с началом 60-х годов экономических условиях этот призыв стал созвучен устремлениям многомиллионных, главным образом мелкобуржуазных, масс. Так что не "политический вакуум" и не сеть мечетей, а мелкобуржуазный радикализм группировки Хомейни обеспечил ей руководящее положение в антишахском движении. Исламские одежды, в которые был облечен этот радикализм, и наличие сети мечетей как организационной базы лишь облегчили группировке Хомейни руководство движением, но отнюдь не были причиной, позволившей им встать во главе движения.

Выдвижение Хомейни, главы всех шиитов, на роль лидера антишахского движения обуславливалось не только и не столько приверженностью иранцев к исламу (хотя этот фактор и сыграл определенную вспомогательную роль), сколько социальной позицией аятоллы, импонировавшей широким мелкобуржуазным массам. К тому же, Хомейни был органически включен в группировку (так и хочется сказать — клику. — Л.С.) таких мелкобуржуазных по своим идеям воззрениям деятелей как Базарган, Банисадр, Язди, Готбаде,

Чамран, аятолла Бехешти, Хашеми-Рафсанджани и других, составлявших его ближайшее окружение и объединенных идейной общностью. Без их повседневной помощи и поддержки Хомейни не стал бы Хомейни (точно так же, как Гитлер не стал бы Гитлером без Рема, Гесса, Геринга, Гиммлера, Геббельса). А поскольку Хомейни был неотъемлемой частью этой мелкобуржуазной группировки, то он не мог не разделять ее идейных воззрений, не рискуя утратить авторитет и влияние, ибо именно люди из его ближайшего окружения создавали ему ореол "национального лидера". Без их активной повседневной деятельности он продолжал бы оставаться безвестным широким массам изгнанником в забытом богом провинциальном Неджефе или шумном Париже.

Таким образом, во главе антишахского и антиимпериалистического движения стояла узкая клика рвущихся к власти мелкобуржуазных деятелей, оседлавших и направлявших стихийный протест традиционных мелкобуржуазных масс против современного капитализма. Тот факт, что к этому движению из тактических и конъюнктурных соображений присоединилась часть либеральной буржуазии в лице организации Национальный фронт^х, а также обманутая социальной демагогией хомейнистов часть левых и пролетариата, не менял мелкобуржуазной сущности хомейнистского движения. Несомненно, в борьбе против монархии была и революционная струя, соединявшая в себе левых, пролетариат и отдельные группы революционно-демократической интеллигенции.

Кажущаяся слитность различных классов и слоев, борющихся против общего врага, может вызвать обманчивое впечатление революционности всего движения в целом, создать видимость "народной", "общенациональной" революции, как это и получилось в случае с антишахским движением.

В своих работах большинство советских исследователей иранской революции подчеркивали именно общность борьбы различных классов и социальных слоев, выводив отсюда "народный характер" ее. "С точки зрения широты участвовавших в ней социальных сил — это подлинно народная революция", — считал, например, С.М.Алиев⁷. Такую же аргументацию выдвигал и А.З.Арабаджян: "По своим

^х Национальный фронт, выражавший интересы этой части буржуазии, в ноябре 1978 г. официально заявил о полной поддержке курса Хомейни.

движущим силам революция была народной, ибо в ней принимали участие мелкая буржуазия (предпринимательская и служилая), часть интеллигенции и студенчества, городские низы и пролетариат, прежде всего фабрично-заводской, сыгравший решающую роль в крушении монархии"⁸. Но в этой аргументации игнорируется **р а з л и ч и е** классовых интересов участников антишахского движения. Во всех буржуазных революциях в Европе и мелкая буржуазия, и собственно буржуазия, и пролетариат боролись против общего врага — дворянства, олицетворявшего умиротворяющий феодализм, и потому все эти классы были революционны (хотя степень революционности в различные периоды и в различных революциях у них тоже была различна). Вектор их борьбы был направлен в одну сторону — в сторону социального прогресса, хотя, пользуясь математической терминологией, длины этих векторов были различны. В условиях же победившего капитализма ситуация меняется коренным образом. Здесь уже точкой приложения силы является буржуазия, а векторы борьбы против нее мелкой буржуазии и пролетариата направлены в **п р о т и в о п о л о ж н ы е** стороны, хотя борются они против одного и того же врага. А поскольку они направлены в разные стороны, то и не могут быть направлены в одну сторону — в сторону социального прогресса, поэтому эти две силы не могут быть революционны.

Одна из них — мелкая буржуазия — реакционна и контрреволюционна. История Европы 20-40-х годов подтвердила это на практике. Если бы в условиях победившего капиталистического способа производства мелкая буржуазия обладала хоть какими-то революционными потенциями, то ее победа (даже в случае поражения пролетариата) и приход к власти мелкобуржуазных лидеров все равно означал бы собой революцию, пусть не столь глубокую по своим социальным последствиям, как это могло бы быть в случае победы пролетариата, но все равно революцию. Однако это теоретическое предположение было отвергнуто самым беспристрастным судьей — историей: мелкобуржуазные движения в Европе привели к фашизму. Если продолжить и дальше сравнивать с помощью математических средств, то можно сказать, что, как и в физике, тело движется в сторону приложения большей силы, так и "воз истории" движет тот класс, который в данных условиях обладает большей силой. Иными словами, в борьбе пролетариата и мелкой буржуазии против капитализма ее исход зависит от соотношения сил между ними: окажется

пролетариат сильнее — он продвинет этот "воз" вперед, будет сильнее мелкая буржуазия — она оттянет этот "воз" назад.

Исследователи иранской революции совершенно справедливо отмечали, что против шахского режима выступали и часть буржуазии, мелкая буржуазия и пролетариат, а также различные слои интеллигенции и духовенство. Но делая на этом основании вывод о "народном характере" революции, большинство исследователей не учитывало того, что революция — это не только и не столько борьба против конкретного режима власти, сколько борьба классов, и неправомерно причислять к лагерю революционных сил всех тех, кто выступает против данного режима из своекорыстных интересов. В условиях господства капиталистических отношений (что имело место в Иране) буржуазия принципиально не могла быть революционной, поскольку абсурдно предполагать, что она способна бороться с капитализмом (в лучшем случае она может выступать с реформистских позиций). Мелкая буржуазия в условиях капиталистического Ирана также утратила революционные потенции (речь, естественно, идет о "классе" мелкой буржуазии, занимающем определенное место в общественном производстве, а не о различных слоях мелкобуржуазной интеллигенции), поскольку ее социально-экономические интересы относительно крупного капитала носили исторически реакционный характер.

Эта коренная ошибка — отнесение и части буржуазии, и мелкой буржуазии, и пролетариата к революционным силам лишь на основании их общей борьбы против диктатуры шаха — и привела к такому нагромождению противоречий в оценке антишахского движения советскими исследователями. Эти противоречия снимаются, если признать, что хомейнистское движение, мелкобуржуазное в своей основе, не было революционным, революционное же движение пролетарских сил оказалось слишком слабым, чтобы одержать победу.

Собственно говоря, в этом заключается еще одна закономерность возникновения фашизма: он имеет шансы на успех лишь в тех странах, где слабо самостоятельное пролетарское движение, где слаба политическая организация пролетариата и руководящая роль левых партий в пролетарском движении. В этом случае пролетариат оказывается неспособным стать гегемоном движения и увлечь **з а с о б о й** мелкую буржуазию, используя ее стихийный антикапитализм в собственных, пролетарских целях. Самостоятельное же выступление мелкой буржуазии под руководством собственных лидеров, как правило, ведет к установлению фашистского режима в случае прихода их к власти в условиях капиталистического общества.

Хотя после падения монархии были национализированы предприятия и банки полусотни наиболее крупных предпринимателей, а сами они либо бежали за границу, либо были физически истреблены "революционными трибуналами", капитализм в Иране как система общественного производства поколеблен не был. В результате национализации лишь расширился государственный сектор, но госкапитализм — это тоже капитализм. Таким образом, группировка Хомейни оказалась у власти в стране, где капитализм уже являлся определяющим в структуре экономики. Достаточно сказать, что к кануну развертывания антишахского движения капиталистические предприятия давали примерно 3/4 условно-чистой продукции.

Свержение монархии и резкое сокращение внешнеэкономических связей с капиталистическими государствами не только не способствовали выходу страны из экономического кризиса, но, наоборот, обострили проблемы капиталистического производства и еще больше усугубили этот кризис. Попытки правящих кругов ИРИ воплотить в жизнь, хотя бы некоторые из своих мелкобуржуазно-исламских воззрений, сразу же оказались несостоятельными. Так, например, отмена платы для бедных слоев населения за коммунальные услуги — воду, электричество, городской транспорт — поставили на грань краха водопроводные, электрические и транспортные компании, и эту меру пришлось вскоре отменить. Пришлось отменить и запрет на ввоз в страну мороженого мяса, которое по исламским канонам употреблять в пищу запрещено. Не удалась попытка создать "исламские" банки, действующие на беспроцентной основе (поскольку взимание ростовщического процента противоречит нормам ислама). Правда, процент был сохранен, изменилось лишь его название. В условиях обострения экономического кризиса махровым цветом расцвел торгово-ростовщический капитал, спекуляция. Введение "справедливого" распределения по карточной системе привело к бурному росту "черного рынка", разгулу спекулятивных махинаций. Сама жизнь убеждала правящую верхушку в утопичности мелкобуржуазных экономических воззрений и в необходимости продолжения капиталистического развития страны.

Хомейнистская группировка оказалась не в состоянии выполнить свои обещания и удовлетворить интересы не только широких трудящихся масс, но и мелкой буржуазии, составляющей значительную их часть. Чтобы удерживаться у власти, правящей верхушке пришлось прибегнуть к беспардонной социальной демагогии, с одной стороны, а с другой — спешно создавать репрессивно-каратель-

ный аппарат в лице Корпуса стражей исламской революции и огромных банд так называемой "Партии Аллаха".

В период борьбы против шаха светские и религиозные мелкобуржуазные лидеры широко пропагандировали идеи свободы и демократии. Но после свержения монархии, когда в стране де-факто установилась своеобразная атмосфера демократии, она оказалась опасной для них. С одной стороны, угрозой для мелкобуржуазных лидеров представлял пролетариат, который стихийно начал создавать рабочие советы на предприятиях и устанавливать свой контроль над производством; с другой стороны, левые организации развернули широкую пропаганду в массах и все чаще стали критиковать власти за бездеятельность; с третьей стороны, на мелкобуржуазных лидеров оказывали давление представители либеральной буржуазии, стремившиеся оттеснить их от государственной власти. В этих условиях острой политической борьбы мелкобуржуазным лидерам пришлось, возможно, даже вопреки своим прежним взглядам, шаг за шагом осуществлять мероприятия по установлению собственной диктатуры. В противном случае им могла угрожать потеря власти. Таким образом, курс группировки Хомейни на установление диктаторского режима обуславливался не злой волей той или иной личности: он был закономерным следствием прихода к власти мелкобуржуазных деятелей в обществе, в котором нет условий для господства мелкобуржуазных отношений в производстве. В этих условиях, не имея экономической основы для своего господства (поскольку мелкая буржуазия экономически бессильна перед крупным капиталом, мелкобуржуазный режим, пришедший к власти в капиталистической стране, неизбежно вынужден прибегнуть к опоре на грубую военно-политическую силу, чтобы удерживаться у власти, вынужден установить наихудший вид диктатуры: диктатуру узкой клики стоящих у власти лиц против всех классов и слоев общества, в том числе и против мелкой буржуазии, поставившей этот режим у власти. (Здесь и заключается коренное отличие диктатуры мелкобуржуазного режима от диктатуры пролетариата, устанавливаемой в интересах большинства эксплуатируемых против меньшинства эксплуататоров. Мелкобуржуазный же режим, не имеющий возможности обеспечить интересы даже мелкой буржуазии, "своего" класса, вынужден осуществлять диктатуру и по отношению к нему самому). В этом видится одно из оснований рассматривать самостоятельное мелкобуржуазное движение в условиях капитализма как явление сугубо реакционное: несмотря на стихийный порыв широких мелкобуржуазных масс к

свободе, демократии, социальной справедливости (в понимании мелкой буржуазии), в результате победы этого движения не может родиться что-либо, кроме тоталитарной диктатуры захвативших власть в стране мелкобуржуазных лидеров.

Часто говорят об уникальности иранской революции, имея в виду приход к власти шиитских богословов. Но уникальность этой "революции" заключается в другом: впервые в истории Востока широкое мелкобуржуазное движение развернулось и одержало победу в стране, где капиталистические отношения развились до такой степени, что стали господствующими отношениями в структуре общественного производства. И потому результаты этого движения так резко отличаются от результатов мелкобуржуазных движений периода национально-освободительной борьбы, когда во многих странах Востока капиталистические отношения были относительно слабо развиты, а некоторые страны вообще находились на докапиталистической стадии.

Но иранская "революция" уникальна лишь в масштабах Востока. Взятая же в рамках мировой истории, она только подтвердила закономерности, выявившиеся в развитии мелкобуржуазных движений Европы 20-40-х годов (которые, кстати, фашистские лидеры тоже именовали не иначе как "революциями").

То, что к власти в Иране пришли именно представители духовенства, является особенностью иранского варианта мелкобуржуазного движения, обусловленной социально-историческими условиями страны. Но эта и некоторые другие особенности отнюдь не подчеркивают основных закономерностей возникновения и функционирования исламского режима как мелкобуржуазного, вынужденного управлять капиталистическим государством и в силу этого продолжать его развитие по капиталистическому пути, а следовательно, вопреки всем своим мелкобуржуазным воззрениям и идеалам служить интересам буржуазии, отстраненной от государственной власти.

Исламская специфика отразилась и на развитии политической борьбы в стране после свержения монархии. Общим для европейских фашистских режимов и исламского режима было подавление пролетарского движения и террор по отношению к левым организациям, а также недопущение представителей буржуазии к государственной власти. Особенным же был характер борьбы внутри правящей клики. Поскольку в группировку Хомейни входили как религиозные, так и светские мелкобуржуазные деятели, то после завоевания власти между ними началась схватка, обусловленная наличием у религиоз-

ных деятелей особых сословно-корпоративных интересов. Именно этим, а не классовыми мотивами, определялась борьба религиозной части правящих кругов против светской: вначале против правительства Базаргана, а затем против группировки Банисадра. Ведь и Базарган, и Банисадр были до мозга костей деятелями мелкобуржуазными и столь же выставляли себя последователями курса Хомейни, как и Бехешти, Хашеми-Рафсанджани, Раджаи. Иное дело, что в стремлении упрочить свои личные власть и влияние они пытались опереться на буржуазию, хотя не только на нее. Их криминал заключался не в том, что они действовали в интересах буржуазии, а в том: что делали они это, чтобы ослабить власть и влияние своих соперников из числа религиозных деятелей. Иными словами, речь шла не о классовых "принципах" исламского режима, а об обыкновенной "грызне пауков в банке". Ведь после устранения Базаргана и Банисадра правящие исламские деятели продолжали все тот же курс на поддержку экономических интересов буржуазии, особенно торгово-ростовщической.

Атмосфера интриг, политических убийств и личного соперничества весьма характерна для фашистских режимов. Достаточно вспомнить широко известные факты: убийство Рема и физическое истребление членов его группировки, устранение Штрассера, интриги и личное соперничество между Герингом, Гиммлером, Кальтенбруннером, Геббельсом. Не исключено, что Бехешти и его коллег убрали потому, что после отстранения Банисадра Бехешти со своей Партией исламской республики приобрел слишком большой вес и влияние (как в свое время Рем со штурмовыми отрядами) и стал представлять угрозу для соперничающих группировок внутри исламского режима, да и для реальной власти самого Хомейни.

Таким образом, если только нам удалось достаточно убедительно это показать, исторические условия возникновения фашистских режимов в Европе и исламского режима в Иране имели большое сходство, что и обусловило общие закономерности функционирования этих режимов. В этом свете представляется не случайным и совпадение широкого набора черт, присущих европейским фашистским режимам и исламскому режиму. Это позволяет отнести их к одному и тому же типу режима политической власти. Суть, однако, не в том, чтобы навесить на исламский режим ярлык. Главное — это понять механизм, общие условия, в которых режим подобного типа может возникать.

Учитывая, что большинство стран Востока развивается по капиталистическому пути, не исключено, что в них на основе обострения капиталистических противоречий могут возникнуть мелкобуржуазные движения со стихийным антикапиталистическим зарядом, как это было в Иране. И в этом случае ясное понимание характера этих движений и предвидение их результатов даст возможность исследователям не попасть впросак, провозгласив их очередными "революциями".

В.Сажин

- 1 См.: Negahdar F. Problems of the Revolution and Positions. O.I.P.F.(M), Б/м, 1984.
- 2 Bordewich F.M. Fascism without Swastikas. - Misreading the Iranian Revolution. - Harper's Magazin, vol.261, 1980, N 1562, p.66.
- 3 Кузнецова Н. К вопросу о типологии исламского республиканского режима в Иране. - Спецбуллетень ИВ АН СССР, 1986, № 3(242), с.7-41.
- 4 Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1981, с.55.
- 5 Там же, с.134.
- 6 Маркс К., Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Сочинения. Т.7, с.422-423.
- 7 Алиев С. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985, с.236.
- 8 Арабаджян А. Иранская революция: причины и уроки. - Азия и Африка сегодня, 1986, № 3, с.34.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ

Уже 8 лет ведут ожесточенные и изнурительные бои Иран и Ирак - две крупнейшие державы Персидского залива, две соседние страны, обладающие схожестью исторических судеб. Место, которое занимают Иран и Ирак в современном мировом сообществе, а также роль этих двух государств на международной арене во многом идентичны.

Каковы же истоки вражды, приведшей к столь кровопролитной войне? Их надо искать глубоко в истории отношений между персами-шиитами и арабами-суннитами. Именно в V-VIII вв. начали вызревать противоречия и разногласия, которые за долгие беспокойные годы и столетия сплелись в сложнейший клубок. В отношениях этих стран свою коварную роль сыграли турки, затем в XIX - первой половине XX в. - англичане, в настоящее время - американцы и израильтяне, настойчиво проводившие и проводящие сейчас политику "разделяй и властвуй", целенаправленно разжигая вражду между двумя народами и углубляя исторически сложившиеся разногласия.

Из всей совокупности противоречий между Ираном и Ираком можно выделить религиозные (шииты - сунниты), этно-национальные (персы - арабы), территориальные (межгосударственная граница, использование реки Шатт-эль-Араб, спорные острова), которые в целом правомерно условно объединить в группу традиционных, а также новейшие - идеологические, возникшие со сменой руководства и режимов в двух странах ("арабский национализм" Саддама Хусейна - "шиитский панисламизм"^х аятоллы Хомейни).

^х Термин, определяющий идеологию исламского руководства в Иране, условен. Правомерен и такой термин, как "неошиизм".

Религиозные противоречия. Различия между суннитами и шиитами в рамках единого ислама существуют уже много веков. Однако (и это существенно), в отличие от христианской церкви, где раскол на направления и ветви начался с разногласий в теологии, которые лишь позже приобрели политическую окраску, раскол в исламе начался с политических разногласий.

Главное различие между суннизмом и шиизмом – различие, имеющее чисто политическое содержание – вопрос о власти в религиозной общине (государстве), вопрос о признании или непризнании светской власти в мусульманской стране. Немаловажен и тот факт, что на протяжении всей истории ислама суннизм был и остается преобладающим и господствующим в мусульманском мире. Шииты составляли оппозиционное (практически всегда угнетенное) меньшинство в различных государственных образованиях и, лишь придя к власти в Иране в 1502 г., объявили шиизм в стране государственной религией. Такое событие было политическим вызовом остальному мусульманскому миру и вселяло надежду оппозиционным силам шиитского меньшинства в других исламских странах.

Иран таким образом стал политическим центром противостояния суннизму. На протяжении почти пяти веков господства шиизма в Иране как государственной религии, собственно религиозная вражда суннитов и шиитов в силу высокой степени политизации практически всегда играла чисто служебную роль, – она использовалась как оружие для достижения политических целей, для затухивания других, в том числе и этно-национальных противоречий.

Этно-национальные противоречия. После падения в 651 г. Сасанидской персидской державы и завоевания Ирана арабами, начался процесс миграции арабского населения в Иран и как следствие – создание общемусульманской культуры. Естественно, что иранцы оказывали противодействие завоевателям, которое постепенно переросло в идеологическую войну. Она получила название "шуубийа", в ее основе лежала догма о равенстве всех народов в исламе, не признававшая превосходства арабов в новой религии. Свою цель последователи "шуубийа" видели в том, чтобы в условиях арабского завоевания и ислама сохранить персам свою этническую самобытность. Быть мусульманином, повторяли иранцы, не означает стать арабом. В этой неустанной борьбе персы, приняв ислам, сумели сохранить свои этнические и культурные особенности. Однако такое длительное противостояние привнесло в национальную психологию персов определенную дозу антиарабизма. При этом следует подчеркнуть, что

стихийное возникновение в УП в. антиарабского этно-национального, культурного течения "шуубийа", не было ни следствием, ни причиной появления персидского шиизма как формы протеста против арабов-суннитов. Шиизм – это не национальное персидское, это общемусульманское явление, которое в определенной, конкретно-исторической ситуации наиболее полно отвечало политическим чаяниям иранцев.

Таким образом, религиозные и этно-национальные различия персов и арабов, умело используемые правящими кругами обеих сторон в своих политических целях, объективно формировали взаимную неприязнь у двух народов на национально-психологическом уровне, создавая на протяжении многих веков стереотип врага.

Политико-идеологические противоречия. В отношениях между персами и арабами этнокультурный фактор всегда выполнял политическую функцию, однако вплоть до нового времени не приобрел собственной политической формы. Лишь позже он сложился в идеологию национализма. До иранской революции 1979 г. персидский национализм играл важную роль в идеологии пехлевизма, в политической деятельности шахского Ирана и часто являлся причиной напряженности и столкновений между Ираном и Ираком. Аятолла Хомейни же имел и имеет собственное мнение в отношении национализма. Отражая взгляды Хомейни, будущий первый президент Исламской Республики Иран Банисадр заметил во время предвыборной президентской кампании в январе 1980 г., что национализм, в том числе и арабский, едва ли лучше, чем сионизм. В Багдаде, где партия БААС считает панарабизм священным и видит в сионизме смертельного врага, это заявление расценили как удар. Но Банисадр сказал это не для того, чтобы спровоцировать Ирак – его замечание полностью согласуется с положениями шиизма. Лица, стоящие у власти в ИРИ и именующие установленный ими режим "исламской революцией", не являются сторонниками какого-либо национализма и рассматривают его как чисто западное явление, враждебное исламу. "Шиитский панисламизм" Хомейни, или "неошиизм" призывает мусульман к политической гармонии (как они следуют этому призыву – вопрос другой). По мнению шиитских идеологов ИРИ, все существующие ныне исламские государства, как минимум, должны тесно сотрудничать во всех областях, в идеале – упразднить свои границы и объединиться в одно государство. Это, как они говорят, полностью соответствует учению Мухаммада, хотя практически не воплощается в мусульманском мире (который объединяет около мил-

лиарда мусульман от Сенегала до Филиппин). Все же такие идеи остаются привлекательными и даже жизненно важными для многих из них. Подтверждение тому – общий исламский бум и успех агентуры Хомейни, действующей во многих странах мира.

Иракские панарабисты, в отличие от иранских панисламистов, игнорируют этнические и культурные различия мусульман, заботятся только об арабоязычных народах, составляющих лишь 1/6 часть всех мусульман. Панарабисты никоим образом не отвергают ислам, однако ограничивают панисламизм арабскими национальными рамками. "Пан-арабизм" Саддама Хусейна схож с "шиитским панисламизмом" Хомейни в их общей надежде и стремлении создать нечто большее, чем существующая ныне система суверенных государств. Но их принципиальное отличие заключается в том, что иранская идеологическая доктрина направлена в конечном счете на объединение всех мусульман под эгидой иранских шиитов и их лидера Хомейни, в то время как иракский панарабизм предусматривает объединение только мусульман-арабов под эгидой, естественно, Ирака и С.Хусейна.

Главной причиной ирано-иракской войны стали идеологически окрашенные (воинствующий неопиизм Хомейни и воинствующий панарабизм С.Хусейна) политические противоречия. При этом идеологические и политические разногласия оставались в потенции до тех пор, пока правящие круги двух стран не приступили к практической реализации своих идеологических концепций через внешнюю и внутреннюю политику. Эти лидеры пришли к власти практически одновременно – в 1979 г. и сразу же провозгласили курс на воплощение в жизнь своих идеологических концепций. Политика Хомейни, проводившаяся с помощью "экспорта исламской революции", столкнулась с политикой С.Хусейна, направленной на установление иракского гегемонизма в арабском мире (после Кэмп-Дэвида авторитет Египта упал, и Ирак попытался срочно занять место лидера арабов).

Одновременный взрывообразный рост политических амбиций как Ирана, так и Ирака – двух крупнейших держав ближне- и средневосточного региона, амбиций, базирующихся на взаимоисключающих политико-идеологических концепциях, "оплодотворенных" исторически сложившейся взаимной неприязнью (где не последнюю роль сыграла и личная ненависть двух лидеров), вылился в эскалацию пропагандистской и психологической войны друг против друга, и нужен был лишь толчок, чтобы она переросла в новое качество – вооруженную борьбу.

Поводом к этому толчку стал пограничный вопрос.

Территориальные противоречия. Разногласия между Ираном и Ираком по приграничному вопросу происходили в течение многих столетий и не раз были причиной и поводом острейших конфликтов и войн в этой "горячей точке". Изменялось соотношение сил между приграничными государственными образованиями – менялась линия границы между ними. В этой многовековой истории противоборства выделяют три периода. Первый – VII–XIII вв. – соперничество между империями персов и арабов, а затем и османских турок, когда пограничные конфликты объяснялись сменой вассальной зависимости приграничных племен от столиц великих империй. Второй период – XIII – начало XX в. – усиливающееся вмешательство европейских стран (прежде всего Англии и России) во внутренние дела государств региона, переросшее в империалистическую борьбу за сферы влияния. Третий период – долгая, перманентная ирано-иракская приграничная конфронтация, усугубленная националистическими и империалистическими амбициями молодой иракской нации (сложившейся к моменту образования Ирака как самостоятельного государства в 1920 г.) и политикой самодовольного пехлевийского Ирана. Сюда же надо приплюсовать провокационную деятельность империалистических государств, действующих через свою агентуру в этих двух странах.

С середины XVI в. по 1980 г. между Ираном и Ираком (то есть государственными образованиями, существовавшими в территориальных рамках современного Ирака, где традиционно проживали арабы) было заключено 18 договоров и соглашений по пограничным вопросам. Последнее соглашение было подписано в Алжире в 1975 г.

Однако все эти международные законодательные акты действовали лишь до тех пор, пока соответствовали политическим интересам той или другой стороны, а затем выступали, как правило, в качестве повода к началу конфронтации.

Так было и в 1980 г. Неполная урегулированность территориальных споров между Ираном и Ираком (к 1980 г. территориальные разногласия относились лишь к небольшим участкам общей площадью около 300 кв. км, которые в соответствии с Алжирским соглашением Иран должен был вернуть, но не вернул Ираку) послужила удобным поводом для попытки окончательного и безусловного решения политических и идеологических задач с помощью вооруженной борьбы. Этот повод был использован для перехода от "холод-

ной" войны к войне "горячей". Территориальные разногласия и на этот раз стали ширмой, заслоняющей истинные причины вспыхнувшей войны.

Итак повод был найден, толчок к войне сделан. И был он как бы равнодействующей нескольких составляющих: комплекса внутренних проблем в самих странах и внешнего влияния третьих сил.

Только что пришедшему к власти президенту Ирака, верховному главнокомандующему иракской армии Саддаму Хусейну, претендующему на роль "отца нации" и лидера всего арабского мира, необходимо было любой ценой укрепить свое положение внутри страны и за ее пределами. Ему нужно было также покончить с опасностью распространения "исламской революции" по хомейнистскому образцу сначала на Ирак, затем на весь мусульманский мир (в том числе и арабский). Именно арабский мир, который в соответствии с идеологическими концепциями Хомейни и Хусейна является сферой жизненных интересов обоих режимов (в различных планах), стал яблоком раздора между ними.

Кроме того, хомейнистская установка на поэтапный "экспорт исламской революции" предполагала шиитскую экспансию, которая несомненно угрожала (и угрожает) собственному политическому благополучию С.Хусейна. У него были основания для беспокойства — 60% жителей Ирака исповедуют ислам шиитского толка, а арабы-сунниты составляют лишь 20% населения страны. И в то же время сегодня, как и в XVI в., арабы-сунниты доминируют в иракской политике. Они уже много веков удерживают реальную власть в стране, пройдя через все кардинальные изменения в правительствах. Так было во времена Османской империи, британского мандата, монархии, республики. И сейчас политика правящей БААС направлена на укрепление положения арабов-суннитов, причем, в настоящее время большинство высшего военно-политического руководства страны являются выходцами из единственного крупного суннитского города в Ираке — Такрита^х.

В Иране лидер "исламской революции" аятолла Хомейни столкнулся с экономическими, социальными и политическими трудностями, разногласиями в руководстве и оппозицией. Антиамериканская кампания, возникшая в результате захвата дипломатов США (на определенном этапе сыгравшая свою роль в консолидации масс), стала к осени 1980 г. терять свой политический накал. В этой ситуации война, по мысли иранских руководителей, становилась прекрасным

^х Основная часть арабов-суннитов Ирака проживает в сельской местности.

продолжением решения внутривнутриполитических проблем. Шиитским богословом нужно было еще раз (после захвата американского посольства) попытаться сплотить иранский народ под предлогом защиты родины и чистоты ислама, разделаться с политической оппозицией во всех ее проявлениях. Тогда ведь можно будет свалить вину за социально-экономические просчеты режима на войну, ее суровые условия и попытаться взять под контроль все рычаги экономической и политической власти.

Примечательно, что схожие проблемы во внутренней политике стояли и стоят перед С.Хусейном.

Однако нельзя не сказать о роли третьих стран. Продолжая свою традиционную политику в отношении Ближнего и Среднего Востока, США и Израиль сделали много для того, чтобы столкнуть Иран и Ирак, используя при этом свое влияние в арабских странах с консервативными режимами. Не случайно в 1979–1980 г., еще до начала боевых действий, С.Хусейн и его представители совершили вояжи по странам Персидского залива и всего Ближнего Востока. Известно, что спецслужбы США передали иракскому руководству через каналы этих стран данные о состоянии вооруженных сил Ирана и свою оценку, при этом тенденциозную, внутривнутриполитической обстановки в ИРИ накануне войны. Опираясь на эти данные, С.Хусейн принял решение о начале активных боевых действий крупными соединениями, то есть войнами, которая, по его мнению (в чем его старались поддержать США), должна была носить быстротечный и победоносный характер.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на подстрекательскую роль США, Израиля и некоторых арабских режимов, война была бы невозможна, если бы не отвечала целям внутренней и внешней политики как Ирана, так и Ирака.

Таким образом, в настоящее время уже нет никаких сомнений в том, что истинные причины войны кроются внутри режимов С.Хусейна и аятоллы Хомейни, в существе их взаимоисключающих политико-идеологических концепций, претворяемых в жизнь. Ирано-иракская война — это война противоборствующих идеологий за господство в арабском мусульманском мире.

Внешнее империалистическое вмешательство в ситуацию региона усилило процесс конфронтации, и сегодня, спустя 8 лет, оно является серьезным препятствием в деле достижения мира и спокойствия в зоне Персидского залива.

С.Багдасаров

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИРИ

Воинствующий характер внешнеполитического курса руководства Исламской Республики Иран, проявившийся с полной силой в ходе войны с Ираком, обусловил необходимость наращивания военно-экономического потенциала страны. Опираясь на перешедшее в наследство от прежнего режима относительно развитое военно-промышленное производство, правящие круги ИРИ взяли курс на его дальнейшее наращивание. При этом была выдвинута цель — достичь возможно большего самообеспечения в военной продукции, что и нашло отражение в первом пятилетнем плане социально-экономического развития страны (1983/84—1987/88 гг.)¹.

В связи с этим иранское руководство приняло курс на широкое привлечение частного национального капитала в сферу военного производства. Это — новое явление в военно-экономической политике правящих кругов ИРИ. Для стимулирования частного предпринимательства в военной сфере правительство ввело соответствующие льготы, в том числе в вопросах налогообложения и кредитования. Предпринятые меры обусловили создание частного сектора военного производства, в котором к середине 1987 г. функционировало свыше 12 тыс. частных предприятий и мастерских, занятых выполнением государственных военных заказов². Предпринятые меры позволили в сравнительно короткие сроки не только восстановить военные предприятия, парализованные в ходе революции 1978—1979 г., но и построить новые.

Продолжается развитие военного производства в государственном секторе, активизируются военные НИОКР, диверсифицируется номенклатура выпускаемой продукции в таких отраслях промышленности,

как радиоэлектронная, производство боеприпасов и взрывчатых веществ, артиллерийско-стрелкового вооружения, расширяются ремонтно-сборочные возможности в таких видах техники, как авиационная, автобронетанковая, военно-морская. Такого рода предприятия государственного сектора переведены на трехсменную работу³, контроль и руководство их деятельностью (государственных и частных) осуществляет Организация военной промышленности министерства обороны страны.

Заметно повысилась эффективность военных НИОКР, сконцентрированных в 7 специальных конструкторских бюро и 115 колледжах и университетах страны⁴. В результате НИОКР в Иране:

получены высокопрочные сплавы (предположительно на металлургическом предприятии в Исфагане), используемые в производстве ракет оперативно-тактического назначения⁵;

освоен выпуск управляемых противотанковых ракет "Тоу", ракет "Мейверик" ("воздух-земля");

разработано и внедрено в производство электронное оборудование для самолетов F-4, F-5, F-14 (на предприятиях компании "Иран электроник инк" в Ширазе);⁶

налажено производство автоматов, минометов, противозенитных и артиллерийских орудий (в Султанабаде и Фаррахабаде^х), артиллерийских стволов на исфаганском заводе, боеприпасов и взрывчатых веществ (заводы в Султанабаде, Парчине и Исфагане).

К концу 1987 г. по сравнению с 1986 г. производство артиллерийско-стрелковых боеприпасов возросло вдвое. К 1989 г. планируется завершить в Исфагане строительство двух крупных предприятий по производству широкого набора боеприпасов⁷ и беспилотных разведывательных самолетов⁸. Таким образом военные НИОКР повысили уровень ремонтно-восстановительных работ F-4, F-5, F-14, вертолетов, учебно-транспортных самолетов, проводящихся в мастерских Мехрабада^х, Исфагана, Бушира, Шираза, Тебриза, Мешхеда. Налажены сборка и ремонт танков, бронетранспортеров и выпуск военных автотранспортных средств. Ремонт танков и

^х Район Тегерана.

производство двигателей к ним сосредоточено на предприятиях Дизфуля и Алигударза (р-н города Доруда)⁹.

Продолжаются НИОКР по изучению ядерной энергетики, имеющие военную направленность. Начало этим работам было положено еще при шахском режиме в 70-х годах. Вынашивались планы создания атомной бомбы, над проектом которой работала группа иранских специалистов в составе 7 человек во главе с одним из ведущих ученых — Фешараки¹⁰. Научно-исследовательские работы в области ядерной энергии возложены на Организацию по атомной энергии, которая располагает тремя реакторами (суммарная мощность — около 20 МВт). Два из них находятся в столице — в Тегеранском университете и Технологическом университете, третий — в научно-исследовательском центре Исфагана. Организация по атомной энергии располагает четырьмя американскими новейшими газовыми лазерами, используемыми при обогащении урана. Руководством ИРИ предусмотрено купить в Аргентине современную ядерную технологию¹¹, планируется также возобновить строительство с помощью компании "Крафтверк унион" (ФРГ) двух ранее запроектированных АЭС (общей мощностью 2400 МВт) в районе Бушира (известных в настоящее время как проект "Иран-1", "Иран-2").

Ведутся также предварительные переговоры с французской компанией "Фраматом" о строительстве двух запланированных АЭС (общей мощностью 900 МВт). Иран оставил за собой право на приобретение ранее 10% акций во французском урановом консорциуме "Евродиф" и закупку обогащенного урана для эксплуатации реакторов¹². Одной из целей возобновления программы атомной энергии в Иране, по-видимому, будет создание материально-технической базы, обеспечивающей доступ к технологии производства ядерного оружия. Помимо исследований в области ядерной энергии, продолжают работы по налаживанию производства химического оружия¹³.

В интересах дальнейшего наращивания военно-экономических возможностей в ИРИ предусматривается развитие базовых военно-ориентированных отраслей промышленности, прежде всего металлургической, машиностроительной, нефтехимической, автотракторной, радиоэлектронной. Так, только в нефтехимической промышленности пятилетним планом социально-экономического развития (1983/84–1987/88 гг.) было намечено увеличить капиталовложения более чем в три раза (с 80,4 млрд. риал. в 1983 г. до 253,1 млрд. в 1988 г.). Остальным отраслям промышленности намечалось выделить более 50% всех капиталовложений¹⁴.

Не ослабевает тенденция к увеличению средств на военно-экономические цели. Это прослеживается, в частности, в росте официальных военных расходов, которые в 1986 г. достигли 14,1 млрд. долл., по сравнению с 1980 г. — 4,2 млрд. или возросли более чем в три раза. Общая сумма военных расходов в 1980–1986 гг. составила 103,7 млрд. долл. Доля их в ВВП возросла в 1986 г. до 18% (1980 г. — 3,9%), в расходной части госбюджета — до 40% (1980 г. — 19,1%)¹⁵.

Немаловажное место в наращивании военно-экономического потенциала страны продолжают занимать военно-экономические связи. Они в основном направлены на приобретение вооружения и запасных частей для закупленного еще шахским режимом иностранного, прежде всего американского оружия и военной техники, а также освоения технологии производства некоторых систем вооружения. С началом ирано-иракской войны число государств — поставщиков вооружения Ирану возросло с 5 до 16 к 1987 г.¹⁶. К ним в первую очередь относятся: Великобритания, Израиль, Франция, Италия, Южная Корея, КАР, Аргентина, Швеция. В результате восстановления военно-экономических связей с Великобританией начались поставки в Иран отдельных компонентов для оперативно-тактических ракет "земля-земля", запасных частей для двигателей танков "Чифтен-Шир", бронетранспортеров "Скорпион", а также оборудования для радарных установок на общую сумму около 35 млн. ф. стерлингов. В начале 1987 г. заключен был контракт с компанией "Виккерс" в размере 36,4 млн. долл. на поставку оборудования и монтаж цеха сборки бронетранспортеров при исфаганском военно-промышленном комплексе. Эти связи с Великобританией осуществляет так называемый иранский центр по обеспечению тыловых операций, который размещается в Лондоне и поддерживает связи с английским министерством обороны¹⁷.

Были возобновлены или вновь установлены контакты с частными американскими компаниями, которые (как показывает следствие по "ирангейту"), несмотря на эмбарго, поставили в Иран боевые вертолеты, свыше 2500 противотанковых ракет "Тоу", более 230 ракет "Хок" класса "земля-воздух", артиллерийские снаряды, запасные части к танкам М-48, самолетам F-14, F-4, а также радиоэлектронное оборудование. Только в 1986 г. было доставлено в Иран, как правило, через третьи страны (Израиль, страны Западной Европы, Южная Корея) американского военного груза стоимостью до 60 млн. долл.¹⁸.

Расширяются военно-экономические связи с ФРГ, в ходе которых, например в районе Султанабада, западногерманские специалисты компании "Орбиталь транспорт унд ракетен гезельтшафт" (ОТРАГ) в сотрудничестве с иранским инженерно-техническим персоналом участвуют в создании установок для запуска ракет класса "земля-воздух". Скандинавские специалисты принимают участие в налаживании производства химического оружия на предприятиях Исфагана¹⁹.

С началом ирано-иракской войны Израиль продолжает регулярно снабжать Иран различными системами артиллерийских орудий, стрелковым вооружением, в том числе новейшими автоматами "Узи" и запасными частями к ним, боеприпасами, комплектующими деталями для боевых и военно-транспортных самолетов F-4, F-5, C-130, а также основными компонентами для ракет "земля-земля". Среднегодовой объем военных поставок Израиля превышает 600 млн.долл.²⁰.

Наметилось сближение в военно-экономической сфере с ЮАР: в соответствии с достигнутым соглашением она поставит вооружение, в том числе 155-мм гаубицы G-5 на общую сумму 750 млн.долл. На этих гаубицах могут использоваться химические снаряды²¹.

Иран поддерживает военно-экономические связи также и с Китаем. По сообщению иностранной прессы, Китай подписал соглашение о поставках Ирану 40 ракет класса "земля-земля", дальность действия которых 300 км, стрелкового вооружения и боеприпасов. Аргентина поставляет легкое вооружение, боеприпасы и взрывчатые вещества. Иран уже получил от Швеции 30 скоростных патрульных катеров, оснащенных гранатометными установками²².

Военная политика режима Хомейни отчетливо прослеживается в настоящее время не только в событиях на ирано-иракском фронте, но и в действиях ИРИ в Персидском заливе. Внешнеполитический курс шиитских богословов ведет к милитаризации страны, развитию и диверсификации военного производства, расширению связей со странами - поставщиками вооружения, освоению в дальнейшем технологии производства оружия массового уничтожения - химического и ядерного. Такая политика - непроизводительные финансовые затраты, огромные человеческие потери, разрушение производительных сил - в итоге отбросит Иран в его социально-экономическом развитии назад.

- ¹ План по ряду причин не был утвержден меджлисом. Здесь и далее мы используем его как документ, отражающий помыслы планово-бюджетной организации ИРИ.
- ² Middle East economic digest, 02.05.1987.
- ³ Ibid.
- ⁴ Атлас № 27, 1987.
- ⁵ Agency IRNA, 11.05.1987. 5.
- ⁶ Arms production in the Third world, SIPRY, 1986.
- ⁷ Financial Times, 11.05.1987.
- ⁸ Middle East economic digest, 02.05.1987.
- ⁹ Arms production in Third world, SIPRI, 1986, p.154; Middle East economic digest, 02.04.1987.
- ¹⁰ Hindustan Times, 14.04.1979.
- ¹¹ Los-Angeles Times, 26.07.1979; Атлас №27,1987, с.46.
- ¹² Monde, 08.05.1979; Middle East economic digest, 14.01.1983.
- ¹³ Sundy Times, 24.03.1985.
- ¹⁴ Первый укрупненный план социально-экономического и культурного развития ИРИ (1983/84-1987/88 гг.), Тегеран, 1983, с.61;
- ¹⁵ Military balance, 1981/82-1986/87.
- ¹⁶ Gulf war N 4, 1984, p.24; Newsweek, 22.12.1987.
- ¹⁷ Middle East economic digest, 28.06.1987.
- ¹⁸ Newsweek, 22.12.1986.
- ¹⁹ Agency Global Press, 24.12.1985.
- ²⁰ Атлас № 4,1985.
- ²¹ Washington Post, 30.12.1986.
- ²² Pakistan Guif Economist, 30.05.1987.

Н. Кузнецова, В. Крячко

О НАРУШЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИРИ

Вопрос о нарушении прав человека в Исламской Республике Иран обычно связывают сейчас с характером исламского режима, установившегося в стране после свержения династии Пехлеви, забывая, что в Иране уже давно нарушаются права человека. Международная общественность неоднократно указывала на это, особенно в период монархии Пехлеви.

Шиитские улемы в ходе антишахского движения объявили себя выразителями интересов и защитниками всего угнетенного иранского народа. Особое положение в иранском обществе, тесные связи с мелкобуржуазными слоями — основными составными "исламской революции", владение тактикой политической борьбы, слабость либеральной буржуазии и левodemократических сил позволили шиитскому духовенству возглавить и взять под контроль общенародное антишахское и антиимпериалистическое движение 1978–1979 гг. (начавшееся не по инициативе духовенства) и захватить власть в стране. Конечной целью "исламской революции" улемы провозгласили создание "исламской республики" и "духовное возрождение личности в исламе" в условиях "справедливого исламского общества", объявив светскую власть монархии Пехлеви "не соответствующей нормам Корана и шариата".

По утверждению Р. Хомейни, только шиитское духовенство "в соответствии с указаниями Аллаха, Кораном и шариатом" может и должно "воплотить в жизнь божественное предписание" и во главе с духовным руководителем — имамом управлять шиитской общиной (уммой). Остальные же смертные, с точки зрения догматов ислама, несовершенны из-за "первородной греховности", склонны отступать

от исламских законов, — в особенности это относится к светской власти, которая, по мнению улемов, по своей сути является "богопротивным делом"¹. Таким образом, проводимые в жизнь положения об управлении шиитской уммой сводились улемами к их единоличному праву вершить судьбу Ирана. Если учесть при этом, что к 1979 г. все шиитское духовенство составляло примерно 160–180 тыс. человек, а прослойка улемов, стремившихся к власти, представляла собой несколько десятков человек, то становится ясным — подавляющее большинство населения страны вообще не могло принимать участия в решении вопросов о дальнейшем пути развития Ирана.

"Исламское правление", идею которого выдвинули улемы, для многих представителей духовенства осталось до конца неясным. Аятолла Н. Ширази, видный шиитский идеолог, заявил в 1978 г., что "исламское правление до сих пор остается для народа неясным. Многие боятся исламского правления... Может быть, в некоторых странах исламское правление имеет свои особые жестокости и создало о себе нехорошее впечатление". Ничего конкретного об "исламском правлении" не смог сказать и сам аятолла Ширази, кроме того, что оно создается "на основе справедливости, свободы и борьбы с разложением в шахском аппарате"². Еще менее определенно высказался об этом (объявленный впоследствии преемником Хомейни) аятолла Монтазери: "Цель иранской революции — замена нынешнего режима на основе положений Корана, сунны и изречений святых имамов, режимом, который соответствует уровню развития века"³.

Демократические и особенно левые силы обращали внимание на неопределенность программы шиитских улемов, опасались установления антидемократического, диктаторского, теократического (даже "фашистского клерикального") режима⁴. Опасался "однопартийной диктатуры" улемов даже аятолла К. Шариатмадари, сомневавшийся в необходимости поспешного провозглашения "исламской республики".

Весь ход последующего развития событий в Иране убедительно показал, что истинной целью "исламской революции" были захват

¹ См. Спб. № 3(242), 1986.

шиитским духовенством политической власти в стране и создание такой политической структуры, которая обеспечивала бы сохранение господства высшего шиитского духовенства. Выполнение обещанных в ходе революционного движения социально-экономических преобразований и предоставление свобод "угнетенным" играли второстепенную роль для шиитских лидеров.

Придя к власти в феврале 1979 г., исламское руководство стремилось узаконить (конституировать) свое политическое руководство страной и устранить с политической арены конкурентов. Решая параллельно эти две принципиально важные задачи, шиитские богословы не останавливались ни перед чем. Они грубо нарушали права человека, охраняемые не только международным сообществом, но и той самой конституцией 1906 г., за восстановление которой они ратовали в ходе антишахского движения, и даже оговоренные исламскими канонами.

Одним из первых нарушений суверенных прав иранского народа можно считать проведение референдума, на который улемы вынесли единственный вопрос: "Согласны ли вы на установление исламской республики взамен существующего режима?" Большинство населения Ирана было против монархии Пехлеви. Альтернативы выбору "исламской республики" не было, и поэтому 98% принявших участие в референдуме, проголосовало за исламскую республику. Первого апреля 1979 г. была провозглашена Исламская Республика Иран.

При выработке Основного закона (конституции) вновь был ограничен суверенитет иранского народа. В выработке и обсуждении проекта конституции не принимали участия полномочные представители народа, так как шиитское руководство отказалось избрать учредительное собрание, а обсудило проект конституции на узком Совете экспертов, обеспечив себе большинство. Затем улемы вынесли проект конституции на референдум 2-3 декабря 1979 г. и добились его одобрения. Это им удалось сделать во многом благодаря антиамериканской истерии, спровоцированной захватом американского посольства "Студентами-мусульманами - последователями курса имама" 4 ноября 1979 г. Новая Конституция ИИИ открыла перед богословами практически неограниченные возможности манипулировать властью.

В "Преамбуле" Конституции ИРИ говорится, что "Конституция является гарантом неприятия всякого рода социального и интеллектуального деспотизма и экономического монополизма и ведет

курс на разрыв с любой деспотической системой и передает судьбу народа в его собственные руки". Далее отмечается, что "конституция создает всем членам общества возможность участвовать на всех этапах принятия политических решений, определяющих судьбу людей, при которой человек в процессе своего совершенствования был бы вовлечен в процесс развития и руководства обществом, а также ощущал бы свою ответственность. Это и будет тем самым осуществлением правления обездоленных на земле"⁴. Хорошие слова. Однако этот тезис тут же в Конституции оговорен рядом условий.

Во-первых, правят государством "справедливые и компетентные люди, основываясь на положениях ислама". К этой категории "обездоленные" не относятся. Во-вторых, законодательством могут заниматься "справедливые, воздержанные и постоянно занимающиеся этим делом знатоки ислама", то есть улемы. "Обездоленные" вновь не подходят к этому разряду. И аналогичная оговорка многократно повторяется в Конституции ИРИ, например, в разделе "Средства массовой информации".

В тексте Конституции очень много декларативных заявлений. Статья 3, например, предусматривает "искоренение любого деспотизма, эгоизма и монополизма", "обеспечение в рамках закона политических и социальных свобод", "участие всего народа в определении своей политической, экономической, социальной и культурной судьбы", "устранение недостойной дискриминации и создание справедливых возможностей для каждого во всех материальных и духовных сферах", "обеспечение всесторонних прав людей, как женщин (?!), так и мужчин, справедливой защиты для всех и всеобщего равенства перед законом". В ст.9 утверждается также, что "никакой орган государственной власти не имеет права под предлогом защиты независимости и территориальной целостности страны лишать кого-либо законных свобод путем принятия законов и положений".

Но все эти принципы сводятся на нет часто встречающимися в конституции оговорками о том, что те или иные права граждан обеспечиваются только "в рамках закона", "в соответствии с исламскими нормами", "если не противоречат основам ислама" и т.п. "Соответствие" может определить исключительное духовное лицо (компетентное в вопросах ислама), и никто не сможет с ним спорить. Причем, как заявил в Комитете ООН по правам человека

представитель ИРИ, "в случае расхождения положений Пакта"^х и учения ислама предпочтение отдается последнему"⁵. Аналогичные оговорки есть в ст.24 о свободе печати и прессы, ст.25 о запрещении перлюстрации, записи и разглашении телефонных разговоров, слежки за людьми, ст.26 о партиях, обществах и организациях, ст.27 о собраниях, ст.28 о профессиях. Однако все перечисленные запрещения перестают действовать "в случаях, предусмотренных законом".

Отсутствие в Иране "исламского" гражданского и уголовного кодексов заставляет судью в отдельных случаях прибегать к кодексам шахского времени. Нет в ИРИ и единого мнения о том, что соответствует "положениям ислама", так как они трактуются неодинаково даже великими аятоллами, не говоря уже о деревенских муллах. Это обстоятельство дает большой простор для "самостоятельности" в судопроизводстве.

Процесс утверждения в Иране исламского режима протекал не только в классовом противоборстве, но и в острой борьбе различных группировок внутри самого духовенства.

Став у власти, улемы начали физическое уничтожение политических противников, прежде всего сторонников шахского режима (газеты пестрели сообщениями об арестах, осуждениях и казнях бывших шахских деятелей). Был устранен с политической арены популярный в Иране аятолла М.Талегани^{хх}, первый председатель Исламского революционного совета⁶, расстреляны сенаторы и депутаты меджлиса, министры и генералы, офицеры и агенты САВАК, крупные чиновники и мелкие служащие. Казни проводились по приказу и или с одобрения шиитских руководителей руками членов исламских ревтрибуналов, куда обязательно входили мулла и активисты исламского движения, не имевшие достаточных юридических знаний, творившие скорый суд и расправу по своему усмотрению и пониманию норм исламского судопроизводства. Эти ревтрибуналы какое-то время вообще никому не подчинялись и даже не всегда отчитывались о содеянном, что открывало путь произволу и беззаконию. Смертные

^х Имеется в виду Международный пакт о правах человека.

^{хх} М.Талегани умер при весьма загадочных обстоятельствах еще в сентябре 1979 г.

приговоры выносились личным врагам, а также лицам на чье имущество претендовали "судьи". Свой суд вершили и пасдары - "стражи исламской революции". Такая практика "шиитских судов" и произвол пасдаров вызывали массовое возмущение (несмотря на страх и запуганность) и даже осуждение со стороны некоторых шиитских улемов.

С августа 1979 г. улемы повели открытое наступление на демократические свободы, завоеванные иранским народом в ходе антишахского движения. Свели на нет ст.23 Конституции ИРИ, где говорится о существующей в стране свободе убеждений⁷, заявлением Хомейни о необходимости борьбы с марксистами, атеистами, бе-хаитами и другими противниками, вплоть до их физического уничтожения. Седьмого августа 1979 г. Верховный трибунал запретил издавать газету "Аяндеган", критиковавшую действия шиитского духовенства, 9 августа был опубликован Закон о печати, вводивший строгую цензуру и предусматривавший тюремное заключение за публикацию антиисламских материалов. После разгона хезболлахи и пасдарами двухсоттысячной демонстрации протеста, организованной Национально-демократическим фронтом, последовали указы о закрытии демократических газет, запрещении немусульманских организаций и не санкционированных исламскими властями митингов и демонстраций. Отряды КСИР и "Хезболла" стали громить штаб-квартиры и редакции газет левых партий и организаций, физически расправлялись с теми, кто оказывал сопротивление. Де-факто был положен конец политической свободе, существовавшей в стране с начала 1979 г. Началась длительная кампания по дискредитации и расколу левого движения, буржуазно-демократических сил. Но поскольку тогда левые и буржуазно-демократические силы еще пользовались поддержкой масс, исламские власти направили острие политической борьбы только против буржуазно-либеральных сил⁸.

В ноябре 1979 г. был спровоцирован уход правительства М.Базаргана, весной 1980 г. улемы провели в меджлисе 70% своих депутатов, в июне 1981 г. отстранили А.Банисадра от поста президента Исламской Республики Иран, обвинив его в "политической некомпетентности". В настоящее время в Иране действует единственная легальная оппозиционная властям партия М.Базаргана "Ассоциация по защите свободы и суверенитета иранского народа", чья газета "Мизан" выходит без официального разрешения исламских властей на ее издание.

Первый удар исламских властей против левых сил был направлен на Организацию партизан-федаев иранского народа (ОФИН). Преследования начались с августовских событий 1979 г., усилились в конце 1981 – начале 1982 г., когда было раскрыто 60 явочных квартир и казнено 83 члена этой организации.

Но самым опасным своим конкурентом шиитские улемы считали Организацию моджахедов иранского народа (ОМИН). Именно на нее и был обрушен мощный удар со стороны исламского режима. В этой борьбе власти даже и не пытались сохранить видимость соблюдения прав человека. Об этом убедительно (на основе конкретных фактов и документальных материалов) свидетельствует сборник "О войне с человечностью... Рапорт о нарушении прав человека режимом Хомейни", изданный в Париже в мае 1982 г. эмигрантским бюро М.Раджави⁹. Здесь приводятся факты (до марта 1981 г.) грубых насилий над моджахедами: было избито 1046 человек, подвергнуто порке – 250, над 523 осужденными провели психологические пытки. Описаны также способы физического издевательства над людьми: подвешивание к потолку с заведенными за спину руками, прижигание различных частей тела раскаленным железом или сигаретой, изнасилования девушек и женщин, выкалывание глаз, принуждение смотреть на пытки товарищей, насильственное бодрствование по несколько суток и т.п.

После 500-тысячной демонстрации сторонников ОМИН в поддержку А.Банисадра 20 июня 1981 г. исламские власти начали массовые казни противников режима. По данным ОМИН, с 20 июня 1981 г. по март 1982 г. было казнено около 13 тыс. человек, в 1983 г. – 25 тыс., с сентября 1984 г. по сентябрь 1985 г. – более 2 тыс. человек. В тюрьмах содержалось в 1984 г. до 100 тыс. политзаключенных¹⁰.

По утверждению кумских улемов, эти факты всего лишь "справедливые меры с точки зрения ислама"¹¹. На самом же деле это явное нарушение статьи 19 Всеобщей декларации прав человека – лишение человека права на жизнь. В письме руководителя Национального совета сопротивления М.Раджави от 22 марта 1983 г., переданном Генеральному секретарю ООН, сообщается о грубом нарушении прав человека в ИРИ, которое проводится под прикрытием указа Хомейни, разрешающем пытки над "неправедными". Согласно этому указу, над ними можно всячески издеваться: запретить спать длительное время, содержать раздетыми в холоде, у них разрешается вырвать язык, прижечь и обрезать любой орган тела, разбить

череп, конечности и челюсть. Над "неправедными" допускаются пытки в присутствии родных и близких, заключенные женщины рассматриваются как "военная добыча" тюремщиков. По личному распоряжению Хомейни у приговоренных к смерти собирали кровь, необходимую для раненых на фронте¹².

Не считаются исламские власти и со ст.5 Международного пакта о гражданских и политических правах, когда казнят детей и беременных женщин. Из 10 тыс. казненных к началу 1984 г. погибли 27 детей и 45 беременных женщин¹³. За нарушение "исламских норм" практиковалось забрасывание женщин камнями. В ИРИ используется новая машина для отсечения пальцев и электрическая машина для отсечения рук¹⁴.

Все это противоречит статьям 32 и 39 Конституции ИРИ, запрещающим пытки с целью признания и получения информации и посягательства на честь и достоинство заключенных. Правда, в декабре 1984 г. представитель ИРИ в Комитете ООН по правам человека д-р Раджави (однофамилец М.Раджави) заявил: "Мы считаем, что если казни и телесные наказания проводятся в соответствии с исламом, то они не могут расцениваться как пытки"¹⁵.

Власти ИРИ, не считаясь ни с международными, ни с конституционными правами граждан, практикуют массовые расстрелы в тюрьмах: за одну ночь в тегеранской тюрьме "Эвин" были убиты 497 заключенных. Так же за одну ночь в сентябре 1983 г. были расстреляны 450 жителей города Резаи (Урмии), в числе которых были дети и беременные женщины. Суд над каждым длился от двух до пяти минут. Трупы не выдавали для погребения, так как они были искалечены, носили следы изнасилований¹⁶.

Смертные приговоры выносятся в Иране по обвинению в "коррупции на земле", "войны против бога", "войны против собственности бога". Что означают эти "преступления" конкретно, представитель ИРИ в Комитете ООН по правам человека объяснить не смог¹⁷.

Граждан в Иране власти отправляют в тюрьму без всяких ордеров на арест (в нарушение ст.32), заключенные находятся там без суда и следствия¹⁸. В конце 1982 г. генеральный прокурор и председатель Высшего судебного совета аятолла Мусави-Ардебилли признал, что в стране царит постоянный страх, люди боятся за свою жизнь, боятся попасть в тюрьму, потерять имущество. Органы безопасности, чтобы заполучить подозреваемого, заставляют членов семьи давать против него показания. По мнению Хомейни, их действия, оправданы исламом. Стремясь держать в повино-

вании население, на него оказывают вооруженное давление пасады, спецотряды штурмовиков (группы "Асадулла", Нематулла", "Отделение смерти", возглавляемое Х.Гаффури). Обстановка страха и террора в стране усугубляется изгнанием бежающих из Ирана, которые преследуются духовенством, обвинившим членов этой общины в шпионаже в пользу САВАК, США и Израиля¹⁹.

По инициативе аятоллы Монтазери были созданы исламские трибуналы КСИР, ревкомы и другие карательные службы, что можно расценивать как тактический прием улемов переложить "грязные дела" с духовенства и шариатских судов на другие органы власти.

Уже к 1984 г. духовенство сумело разгромить основные оппозиционные силы, и беззаконие властей приняло такие масштабы, что стало угрожать авторитету "исламского образа правления". Шитское руководство сочло необходимым разрядить обстановку и увести от удара наиболее оголтелых исламских функционеров, а также несколько остудить пыл зарвавшихся "деятелей" шариатских судов. Хомейни был вынужден даже издать специальные указы, направленные на наведение порядка в системе судопроизводства (декабрь 1982 – начало 1983 г.). В связи с этим был создан комитет по делам амнистий во главе с аятоллой Монтазери.

Шитское руководство не успокоилось и после разгрома буржуазно-либеральных и леводемократических сил, по-прежнему в стране продолжается борьба с любым инакомыслием и проявлениями протеста. В самих исламских группировках также ведется скрытая от наблюдателей жестокая и напряженная схватка за лидерство. Об этом свидетельствуют и смерть аятоллы М.Талегани, и отстранение от власти аятоллы К.Шариатмадари, казнь С.Готб-заде (министра иностранных дел ИРИ, близкого для Хомейни человека). Остались нераскрытыми обстоятельства гибели крупного шитского политического деятеля аятоллы Бехешти и с ним 73 других депутатов меджлиса из числа членов Партии исламской республики в результате взрыва бомбы 28 июля 1981 г. Из-за преследований со стороны властей и угрозы физического уничтожения вынуждены были бежать из Ирана аятоллы Зенджани, Тегхрани и другие известные улемы. Подвергались гонениям глава суннитской общины курдов шейх Эззеддин Хосейни, глава суннитской общины Белуджистана Моулави Абдолазиз. Что касается суннитов Ирана, то 8 млн. их дискриминируются "законно", на основании конституции ИРИ.

Грубо нарушаются права национальных меньшинств, женщин, молодежи. Шитские власти по сути придерживаются прежней шах-

ской политики в национальном вопросе. Все мусульмане считаются членами единой мусульманской общины-уммы, поэтому не признаются никакие национальные требования курдов, белуджей, туркмен. С 1984 г. суннитов обязывают принимать участие в выборах в меджлис: "Кто не будет участвовать в них, – предупреждал Р.Хомейни, – тот нарушает ислам. Таких следует привлекать к ответственности"²⁰.

К числу примеров ущемления новым режимом прав иранского народа относится и насильственно проводимая властями "исламская культурная революция".

Международная общественность в лице ООН, многочисленные международные и общественные организации осудили нарушения прав человека в Иране.

И в самом Иране, как свидетельствуют факты конца 1986 – начала 1987 г., поднимается протест против репрессий, дискриминации, нарушения элементарных прав человека и демократических свобод. Политзаключенные стали объявлять голодовки. Шестого января 1987 г. 400 родственников заключенных провели в Тегеране многочасовую демонстрацию протеста против пыток и бесчеловечного обращения с арестованными.

Методы неограниченного политического насилия, террора, погромов и репрессий, с помощью которых утвердились у власти и правят улемы, ставят исламский режим в один ряд с самыми деспотическими диктатурами, которому зарубежные авторы дают различные определения – "авторитарный режим в форме исламской деспотии", "фашистская и жесткая диктатура", "самый репрессивный фашистский режим", "фашистско-клерикальный режим".

¹ Хомейни Р. Велаят-е факих (Правление богослова). Тегеран, 1980, с.21-22.

² Эттелаат, 05.09.1978.

³ Кейхан, 18.01.1979.

⁴ Конституция ИРИ. Тегеран, 1980 (перс.текст).

⁵ Доклад Комитета по правам человека на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи, пункт доклада № 300. – Гене-

ральная Ассамблея. Официальные отчеты. XXXVII сессия. Дополнение № 40 (A/37/40). Нью-Йорк, 1982.

- 6 См. Авдеев Г.П. Аятолла Махмуд Талегани (1911-1979). Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., ИВ АН СССР, 1987.
- 7 В статье 23 конституции ИРИ говорится, что "никто не может быть подвергнут преследованию и наказанию лишь за свои убеждения". Исламские власти обходят эту статью, ссылаясь на "антиисламскую деятельность" всех инакомыслящих, относя их к оппозиционным силам.
- 8 Sh. Chubin. Leftist forces in Iran. - Problems of Communism. W. 1980, vol.2, 29, N 4, pp.1-25.
- Крутихин М.И. Левые группировки в Иране. - Спб. №1(229), 1984, ИВАН СССР, с.78; Агаев С.Л. Левые силы и исламский режим в современном Иране (1979-1983). - В кн.: Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984, с.347; см. также Крутихин М.И. Левые силы Ирана и проблема их единства. Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1985.
- 9 At War of the Humanity ... A report on the Human Rights record of the Khomeini Regime. A Publication of PMOJ, may 1982.
- 10 International Gerald Tribune, 07.02.1984.
- 11 Эттелаат, 26.09.1982.
- 12 At War of the Humanity, p.129-130.
- 13 Атлас, ТАСС, 18.09.1985.
- 14 Кейхан, 07.02.1985.
- 15 Vie ouvriere, 08-14.07.1985.
- 16 International Gerald Tribune, 06.10.1983; Sunday Times, 02.10.1982.
- 17 Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. XXXVII сессия. Дополнение № 40 (A/37/40), пункт доклада № 308.
- 18 Le Matin, Paris, 18.10.1983.
- 19 Более подробно см. Базиленко И. Спб. № 3(242), 1986.
- 20 Эттелаат, 03.01.1984.

Е.Дорошенко

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Секуляризация и вестернизация Ирана, которая проводилась династией Пехлеви в течение более 50 лет, безусловно, отразилась как на образе жизни иранской семьи, так и на положении женщины, добившейся некоторых социальных прав, возможности получить образование, участвовать в спортивных состязаниях и т.п.

Согласно переписи населения Ирана 1976 г., из 33,6 млн. человек - 16,4 млн. составляли женщины. Из 14 млн. неграмотных - 9 млн. неграмотных были женщины¹. Общее число студентов в стране составляло 152 тыс. человек, из них 47 тыс.² были представительницы женского пола, при этом на гуманитарных факультетах их было 44,5%, на медицинском - 43,8, зубоврачебном - 35,8, юридическом - 28,6, административно-хозяйственном - 54,6%. Небольшой процент составляли девушки на технологическом, экономическом, ветеринарном и сельскохозяйственном факультетах³. В обеспеченных семьях девушки имели возможность получить образование в странах Западной Европы и США (число их составляло около 40 тыс. человек).

Во времена шаха около 2 млн. женщин работало, среди них наибольшее число составляли женщины сельской местности - 1 млн. 84 тыс. человек, в фабрично-заводской и мелкой промышленности их было занято примерно полмиллиона. В министерствах и офисах работающие женщины из средних и высших прослоек общества составляли 86 тыс. человек. В системе сервиса работало 74 тыс.; в женских начальных и средних школах - 55 тыс. женщин-учителей, в ву-

зах и университетах - 1,5 тыс.; нянечек и акушеров в стране было 20 тыс., женщин-врачей - 880 человек, женщин-дантистов - 248. Среди инженеров женщин насчитывалось всего 350 человек⁴.

В период шахского режима в правительстве была только одна женщина, Ф.Парса - министр образования, в министерстве юстиции работали всего 5 женщин. Депутатами меджлиса были женщины (21 человек) и одна женщина-сенатор⁵. Однако за фасадом этих "успехов" в женском вопросе, по-прежнему около 85% женщин были неграмотными и малограмотными, и большинство мужчин-иранцев (особенно это чувствовалось в традиционных семьях "базари" и духовенства) считали женщину существом низшего порядка.

Перед революцией в крупных иранских городах существовало несколько категорий работавших женщин. Женщины из средних слоев служили в ведомствах, министерствах, офисах, преподавали в школах и университетах. Одетые по-европейски, следя за лицом и руками, с обязательным маникюром и макияжем, они как бы демонстрировали "западный образ жизни" в Иране. Общая коррумпированность шахского бюрократического аппарата коснулась женщин-служащих. Агенты САВАК подкупали их за большие деньги, чтобы те следили и доносили о деятельности влиятельных чиновников правительства, меджлиса, высокопоставленных офицерских чинов.

Проводя политику вестернизации, шах демонстрировал "независимость" иранских женщин, проявлявшуюся в том, что депутатами меджлиса и участниками международных симпозиумов и конференций были в основном представительницы знатных иранских семей. Шахиня, ее мать, сестры шаха, его невестки и свояченицы и их подруги возглавляли многие благотворительные организации.

Существовала еще одна категория женщин и молодых девушек-студенток и преподавательниц, преимущественно из средних городских слоев, которые интересовались политикой и участвовали в нелегальных антиправительственных группировках⁶. Накануне революции и во время ее, эти женщины принимали активное участие в антишахском движении в Иране и за его пределами. Многие из них были членами партизанского движения левых и прогрессивных группировок, в том числе организаций "Моджахедин-е хальк" и "Федаян-е хальк". Наравне с мужчинами они активно выступали против монархии в стране, многие из них были замучены в застенках САВАК⁷. Поскольку антишахское движение в Иране жестоко преследовалось, оппозиционно настроенные к режиму женщины в 70-х годах надели кто чадру, кто хиджаб, подчеркивая публично свое

несогласие с действиями властей. Когда в САВАК наконец поняли, что таким способом выражается протест, полиция начала преследовать женщин, одетых в традиционную одежду. Студенткам и преподавательницам в такой одежде запрещалось приходить в учебные заведения⁸, они не допускались к занятиям. Женщины, со своей стороны, продолжали упорно ходить в хиджабе и чадре, вызывая раздражение у властей, которые прекрасно понимали, что молодые и образованные иранки их носят отнюдь не из религиозных убеждений.

Иранские женщины, безусловно, сыграли важную роль в политических демонстрациях накануне и в период иранской революции, проявив большую активность. Однако эмоциональный настрой наиболее внушительных антишахских городских манифестаций определялся большинством тех женщин в чадре, которые были связаны с базаром и традиционными семьями: это были фанатично верующие, экзальтированные женщины, которые во время траурных дней мохаррама маршировали отдельной колонной, иногда впереди мужчин, чем создавали большие затруднения для полиции, занятой разгоном демонстраций и манифестаций. Во время подобных манифестаций двери домов, принадлежащих женщинам базара, были открыты, хозяйка и ее дочери, одетые по мусульманскому обычаю, оказывали помощь пострадавшим участникам демонстраций, прятали их от полиции. Во время революции почти каждая семья из мелкобуржуазных слоев участвовала в антишахских демонстрациях⁹.

Женщина также вышла на улицу вместе с мужем и сыновьями, протестуя против шаха и выступая "за свободу", однако не предъявляя никаких требований, касающихся ее собственного положения в стране. В связи с этим аятолла Шаритамадари говорил: "Исламская женщина находится на особом положении. Коран обеспечивает ей экономическую независимость. У нас женщины, даже старые, пользуются большим уважением. Их не выбрасывают на свалку, как на Западе, их ценят. Здесь женщины участвуют в борьбе за право и свободу и семья приобретает решающее значение, она - основа общества..."¹⁰.

Существует мнение, что Хомейни во время своего пребывания в Париже в 1978 - в начале февраля 1979 г., обращаясь к иранской женщине-мусульманке, расценивал ее как равного партнера в социально-политической и экономической жизни Ирана, когда говорил о женском равноправии, справедливости, но придя к власти, имам якобы резко изменил свое отношение к положению женщи-

ны в ИРИ. На самом же деле все обстоит несколько иначе. Если в некоторых вопросах Хомейни выступал как "реформатор" шиизма, то в женском вопросе он занимал традиционную позицию, которая полностью отражала положения, идущие еще от школы шиитского консервативного теолога теоретика Мохаммеда Багира Маджлиси (XVI в). Равенство женщин? Да! Именно ислам предписывает равенство всех людей перед богом. Справедливость? Да! Освобождение от шахской диктатуры и образование государства на основе исламского правления и есть справедливость, которая распространяется и на женщин. Права? Имам Хомейни с гордостью указывал на права женщины, подтвержденные как Кораном, так и новой конституцией. Аятолла особо выделял право женщин на личную собственность, считая ее показателем женской экономической независимости при исламском руководстве страной. Что касается взаимоотношений мужа и жены в семье, то тут всегда, по мнению Хомейни, действует божественный закон, который не подлежит обсуждению. К тому же Коран подтверждает, что "мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины — благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них, — поистине, Аллах возвышен, велик"^X.

Возглавив революцию и прибыв в Иран, Хомейни издал фетву, согласно которой все женщины-мусульманки в городах, независимо от возраста, образования, социального положения и происхождения должны соблюдать "божественные предписания" и носить чадру. Многие из них, получившие образование и привыкшие во времена шаха к современному образу жизни, надеялись поначалу при новом режиме получить большую свободу, чем при шахе, и так как этого не случилось, они были глубоко разочарованы действиями Хомейни и какое-то время даже старались им противостоять.

В марте 1979 г. последовало новое резкое выступление имамом, в котором он гневно отозвался о "моральной распушенности" некоторых женщин, которую он объяснял "той порочной системой образования, полученной при шахе, когда игнорировался ислам и исламские нравственные ценности"^{II}. Однако для работающих в учреждениях и офисах женщин Хомейни пошел на уступки, предписав

^X Коран, сура 4, стих 38(34).

им носить хиджаб-косынку на голове, закрывающую волосы, платье с длинными рукавами и глухим воротником, закрывающим шею, на ногах толстые чулки, либо длинные шаровары и туфли без каблучков. Одновременно Хомейни дал унижительное для женщин указание: всем поступающим на работу незамужним женщинам представить медицинскую справку о своем целомудрии и без таковой на работу не принимать¹².

Жесткий тоталитарно-теократический режим дал понять, что в ИРИ женское образование будет ограничено. Женщина не сможет учиться там, где она хочет, не сможет стать инженером, юристом, врачом-акушером, дантистом, не получит права заниматься спортом. Мусульманская женщина, по мнению властей ИРИ, должна готовить себя прежде всего к тому, чтобы стать женой, матерью, хранительницей домашнего очага, хозяйкой дома и семьи.

В связи с выступлениями Хомейни, в которых говорилось о социальном статусе иранской женщины, в прессе появились многочисленные статьи и интервью шиитских улемов, высказывавших согласие с имамом. Теперь женщин, не желавших носить чадру, стали называть "пережитками династии Пехлеви", их подвергали оскорблениям, с ними жестоко расправлялись "стражи исламской революции". Чтобы навести страх на тех, кто не желал подчиняться указаниям Хомейни, муллы организовывали внушительные по массовости демонстрации фанатично религиозных женщин — представительниц базара, пауперизированных слоев и традиционных семей в защиту чадры. Они шли по улице, беспрестанно скандируя: "Смерть западным куклам-марионеткам!"¹³. Именно эта часть неграмотных и невежественных женщин имела перевес над своими современными, образованными подругами и сестрами. Разумеется, здесь сыграла свою роль и сильная социальная поляризация, ненависть к тем, кто до этого находился в лучших условиях, чем женщины, вышедшие на улицы города. Не случайно в западных газетах приводились высказывания иранских женщин, свидетельствующие об их отношении к режиму ИРИ. Западногерманский журнал "Вельт" цитирует молодую иранку, сказавшую, что она боится исламского правления, но больше всего боится самого Хомейни, французский "Монд дипломатик" приводит слова другой иранки, которая очень сожалела о том, что женщины Ирана проявили наивность, когда ради единства согласились отойти от собственных требований и поверили муллам.

Противники ношения чадры, — пока еще можно было, — выступали в печати, ссылаясь на Коран, в котором действительно нет

слова "чадра". По мнению некоторых ученых, чадра (как предмет одежды) возникла еще в доисламский период. Этим покрывалом от взглядов посторонних укрывались женщины богатых и знатных семей, оставляя открытым лишь небольшое пространство для глаз. Черный цвет чадра, видимо, приобрела в XIX в. В Коране больше внимания уделено понятию "хиджаб" (завеса, преграда), означавшему косынку, платок или накидку, закрывавшую голову и шею женщины. В Коране говорится, что, по предписанию Мухаммеда, жены пророка должны носить хиджаб, однако, впоследствии это предписание распространилось и на всех женщин мусульманской общины¹⁴.

Начиная с 1979 г. теократическое руководство и лично Хомейни не уставали издавать строгие указания, касающиеся женщин, в принципе не приемля идее эмансипации, в которой имам видел причину распада семьи¹⁵. Был аннулирован закон 1967 г., разрешающий разводы, запрещено употребление противозачаточных средств. За измену мужу, проституцию, употребление алкоголя в ИРИ женщине грозит смерть, избиение плеткой или же быть забитой насмерть камнями. При этом камни не должны быть очень большими или очень маленькими, а такими, от которых бы женщина долго и мучительно умирала.

Горожанка должна быть одета по-мусульмански, где бы она ни находилась — в транспорте, на улице, в личном автомобиле. По указанию Хомейни, женщины должны купаться отдельно от мужчин и только в чадре. Сидеть женщине рядом с мужчиной запрещено. Дома в присутствии очень близких людей — отец, муж, сын, дочь — она может лица не закрывать.

Мужчина имеет право в любое время развестись с женой, даже не поставив ее об этом в известность, может отобрать у нее сыновей двухлетнего возраста. Во время тяжбы в суде в первую очередь берутся показания у мужчины-свидетеля, а затем у женщины-свидетельницы. Против одного мужчины должны выступить со свидетельскими показаниями две женщины¹⁶.

Не без молчаливого согласия имама Хомейни, "стражи Корпуса", как и члены экстремистской партии "Хезболла", взяли на себя право контроля за соблюдением женщинами религиозных предписаний и расправы с ними, иногда прибегая к ничем не оправданным жестоким волюнтаристским акциям. После коротких шариатских судов именно они становились палачами и забивали женщин камнями.

Во время революции, когда уже началась расправа с женщинами за несоблюдение указаний имама, дочь аятоллы Талегани, всегда ходившая в чадре, проявила беззаветную храбрость, выступив в

меджлисе и осудив закон об избииении женщины плетью и камнями, назвав при этом политику теократического режима в женском вопросе антиисламской¹⁷.

Власти ИРИ очень ловко объясняют неравноправное положение иранской женщины, ссылаясь на разные биологические особенности мужчин и женщин, выполняющих в обществе неодинаковые функции, подчеркивают их физические различия, что в конечном итоге, по мнению шиитского руководства, приводит к естественному неравенству полов.

Не следует, однако, представлять, что в своей семье женщина-мать не имеет голоса и прав. Многие женщины-мусульманки обладают сильным характером, их слово имеет решающее значение в семейных делах. С ней советуются муж, братья, сыновья. Однако, главой семьи в мусульманском обществе всегда считался мужчина, и все решения исходили от него, хотя в них принимали участие мать и старшие сыновья.

Всевозможные ханжеские запреты властей, распространяемые на поведение иранской женщины в обществе, не мешают им в то же время привлекать женщин к участию в войне. В одном из своих выступлений сам Хомейни приветствовал воинов-женщин, добавив, однако, при этом, что им можно воевать только в том случае, "если есть непосредственная угроза исламу и мусульманской территории". Ирано-иракская война в пропагандистском плане трактуется как война за ислам, за спасение мусульман, поэтому КСИР дана команда вербовать молодых девушек и женщин для прохождения военного обучения в специальных лагерях. Лидеры "Хезболла" вербуют иранских девушек в террористические группировки для того, чтобы в дальнейшем они помогали экстремистам брать заложниц из западных стран, в особенности американок, француженок, англичанок. Будущих террористок обучают иностранным языкам, владению оружием, приемам карате, самбо¹⁸.

Уже действуют 7 женских лагерей. Зохра Рахнавад, жена премьер-министра Мусави (из клана Мусави, прославившегося своей террористической деятельностью по всему Ближнему и Среднему Востоку) руководит лагерем Бехештийе (где готовят террористов), который находится к Западу от Тегерана. Сама Зохра получила военную подготовку в палестинских лагерях. В лагере у нее обучаются 700 девушек в возрасте от 17 до 30 лет¹⁹.

Теократический режим не щадит женщин, обвиняемых в государственной измене, покушении на режим или даже в простом не-

желании выйти замуж за инвалидов, возвращающихся с ирано-иракского фронта. По личному указанию аятоллы Монтазери, — будущего преемника Хомейни — "стражам иранской революции" разрешено при-
нуждать к сожительству женщин, содержащихся в тюрьме и обвиня-
емых в борьбе против режима. Женщина, нарушившая божественные
предписания, по законам ИРИ, считается врагом ислама и, согласно
шиитской традиции, она "военнопленная", а следовательно, с ней
могут делать что угодно. Родители и родственники осужденных де-
вушек, выпущенных за недоказанность вины на свободу, обвиняют
пасдаров в изнасиловании их дочерей и сестер. Однако их протес-
ты встречаются со стороны руководящего звена КСИР полным молча-
нием²⁰.

В тюрьмах женщин подвергают жестоким пыткам. Член органи-
зации "Моджахедин-е хальк" провела в заключении три с половиной
года, сумела бежать с помощью курдских повстанцев. Позже она
рассказала об ужасном обращении тюремщиков с женщинами. Ее, на-
пример, привязали к кровати лицом вниз, один тюремщик держал ей
голову, а второй — поставил свои ноги в ботинках на ее руки,
начав хлестать электрическим проводом по ногам, говоря: "Носила
обувь тридцать шестого размера, теперь будешь носить сорок пя-
тый размер". Пытка началась утром, а закончилась вечером, при-
чем женщина неоднократно теряла сознание. Потом ее перевели в
другую тюрьму, где заключенные женщины сидели в клетках и не
могли пошевелиться, другие — в ящиках, которые выдвигались и
задвигались как в морге²¹.

Информация о таких фактах никогда не появлялась на стра-
ницах иранской печати.

Формально новая Конституция ИРИ позволяет иранской женщи-
не заниматься любым видом общественной деятельности (кроме
юриспруденции), в том числе быть депутатом в меджлисе, членом
правительства, руководить каким-либо ведомством. Из 270 депу-
татов меджлиса — 4 женщины, хотя их имена нигде не приводятся²².
В одном из выступлений премьер-министр Мусави лицемерно заявил,
что "иранские женщины в своем большинстве были далеки от того,
чтобы заниматься политической деятельностью, хотя двери его ми-
нистерств всегда открыты, однако ни одна женщина не предложила
своих услуг"²³.

В связи с ирано-иракской войной и отправкой мужчин на
фронт, теократический режим несколько изменил отношение к ра-
ботающим женщинам. В настоящее время из 11 млн. работающего на-

селения 15% составляют женщины. В 1985 г. принят закон, на
основании которого женщины могут работать на государственных
предприятиях половину рабочего дня, остальное время — они долж-
ны проводить дома, в семье²⁴. Работающая женщина в офисах, шко-
лах выглядит приблизительно так: она одета в платье до колен
серого, бежевого или коричневого цвета, под ним такого же цве-
та шаровары, голова повязана косынкой, закрывающей волосы. Од-
но время разрешали надевать косынки синего и голубого цвета,
но сейчас снова возвратились к более строгим тонам.

Женщины в ИРИ обязаны посещать общественные молитвы по
пятницам, носить чадру, обязательно приглашать муллу в дом на
праздники, на свадьбу, похороны и т.п.

Теоретически женщины, особенно горожанки из обеспеченных
семей, до революции имели больше прав, чем после революции, но
такие составляли примерно 20% всех женщин Ирана. Обучавшиеся в
университетах и других вузах Ирана, занимавшиеся преподаванием
и служившие в государственных учреждениях женщины продолжают,
насколько это возможно, сопротивляться давлению и репрессиям
со стороны властей. В худшем положении находятся те женщины, ко-
торые получили образование на Западе, и после революции оста-
лись в Иране, им гораздо труднее привыкнуть к указаниям Хомейни
и смириться с теми порядками, которых теперь должно придержи-
ваться женское население в стране.

Прошло девять лет после революции. В городах выросло но-
вое поколение иранской молодежи. Средства массовой информации
стараятся внушить населению, что иранские женщины одобряют ис-
ламский образ жизни, считая его единственно верным. Одни сле-
дуют предписаниям ислама и становятся матерями, другие — добро-
вольно проходят военное обучение в лагерях.

У 80% женщин, живущих в деревнях, положение очень тяже-
лое, хотя в деревне женщины чадру не носят (надевают только,
когда приезжают в город или идут в мечеть). У деревенских де-
вочек нет детства. С 4-5 лет девочка запрягается в работу, она
несет ответственность за младших братьев и сестер, ухаживает за
мелким домашним скотом, помогает матери в поле. В 14 лет выхо-
дит замуж. Жениха выбирает отец. В деревнях у мужчин принято
считать женщин существом "низшего порядка", и иранская кресть-
янка с этим смирилась. Изнурительная работа в поле и дома, по-
стоянное деторождение превращают молодую женщину в старуху в
25 лет. В сельских семьях по-прежнему рождается по 8-10 детей

и в 30 лет деревенская женщина становится бабушкой. Если муж уходит на заработки в город, сельская женщина, чтобы содержать семью, зимой занимается еще и ковроткачеством²⁵. Таким образом при режиме ИРИ в семьях "обездоленных" положение иранской женщины не улучшилось. Более того, если при бывшем шахе были открыты для женщин курсы по борьбе с неграмотностью, то в настоящее время они фактически упразднены.

С весны 1987 г. в период поста власти ужесточили ограничения по отношению к иранским женщинам. Министр внутренних дел ходжатольтеслам Акбар Мохташами сообщил, что с одобрения меджлиса был принят закон, лишавший женщин права на неопределенный срок появляться в государственных учреждениях и общественных местах, если они не одеваются в соответствующую мусульманским канонам одежду. Всем, кто нарушает указанный режим, угрожает исключение из школ, училищ и вузов. Независимо от погоды и температуры, предписательно, чтобы мусульманки носили черные пла-ток, чадру. Рекомендуются истово верующим, фанатичным мусульманским женщинам паранджа как символ уважения к семьям героев, погибших на ирано-иракском фронте. Даже в традиционном одеянии иранским женщинам запрещен доступ в гостиницы, парки, кинотеатры, аэропорты²⁶.

Свободнее себя чувствуют те женщины, которые всегда, и при бывшем шахе, носили чадру. Это преимущественно представительницы традиционных семей духовенства и базара, городская беднота. Следуя предписаниям мулл, они участвуют в массовых митингах и демонстрациях городов, куда их привозят целыми автобусами, и покорно выкрикивают нужные режиму лозунги, доводя себя до экзальтации. Они покорно отправляют своих мужей и сыновей на ирано-иракский фронт и публично не проявляют своего горя, если теряют членов своих семей. Более того, их фанатизм проявляется в том, что эти женщины даже хотят, чтобы в их доме появился "мученик", убитый во время войны²⁷.

На средства "Фонда шахидов" женщин возят на паломничество в Кум к гробнице шиитской святой Фатимы Масуме, сестре 8-го шиитского имама Али Резы, а также в Дамаск, где находится усыпальница внушки пророка - Зейнаб. Однако, некоторые женщины, отправляющиеся в Дамаск не только ради паломничества. После окончания религиозной церемонии шиитки могут заключать временные браки "сиге". Особенно приветствуются браки с вдовами погибших на войне иранцев. Обычно их партнерами соглашаются стать бедные

сирийцы, которые получают определенную плату из "Фонда шахидов". Несмотря на то, что Хомейни по-прежнему придерживается лозунга: "Война! Война до победного конца!" и ничего не хочет слышать о мире, среди образованных иранских женщин ощущаются совсем другие настроения. Вот мнение одной из них: "Я никогда не позволю своим сыновьям служить в армии Хомейни... Эти муллы уничтожают страну, они убивают народ, они сумасшедшие..."²⁸. Можно пред-ставить себе, что ее ожидало, если бы эти слова слышали фанатичные сторонники Хомейни, которые выполняют строгие указания имама в отношении женщин. Разъезжающие на мотоциклах по улицам городов отряды членов партии "Хезболла" контролируют выполнение закона режима, они выкрикивают угрозы в адрес женщин, если те, по их мнению, не соблюдают правил, при этом нападают даже на христианок, которые вынуждены также носить на голове косынку. Уже созданы так называемые "лагеря по перевоспитанию" наиболее строптивых девушек и женщин под руководством "стражей исламской революции". За нарушение женщинами законов и предписаний ИРИ им грозит избиение, тюремное заключение до 2 лет и даже смертная казнь²⁹.

- I Iran Almanac and Book of Facts. Tehran, 1976, p.343.
- 2 Ibid., p.348.
- 3 Ibid.
- 4 Ibid., p.351.
- 5 Ibid.
- 6 Kotobi M., Chasseure F., Simon D., Les liens des Parenté-Iran. Une première République. 1983, p.123-124.
- 7 Keddie N.R.(with a section by Jan Richard). Roots of Revolution, Yale Univ., 1982, p.247.
- 8 Ibid.
- 9 Brière C.C., Blanchet P., Iran: Le Revolution au nom du Dieux, Paris, 1979, p.459.
- 10 Кейхан, 06.12.1978.
- 11 Джомхурийе эслами, 09.03.1979.

- I2 Ferdous Ad., Shariati and Khomeini on Women - Iranian Revolution and the Islamic Republic, W., 1982, p.81.
- I3 Ibid., p.80.
- I4 Kotobi M., Chasseure F., Simon D., Les liens des Parenté..., p.125.
- I5 Ferdous Ad., Shariati and Khomeini ..., p.78.
- I6 Iran. Plaidoirie pour droit de l'homme - Mouvements de Résistance nationale iranienne, P., 1982, p.147.
- I7 Ferdous Ad., Shariati and Khomeini ..., p.86.
- I8 Paris Match, 13.02.1987.
- I9 Washington Post, 06.03.1986.
- 20 Iran. Plaidoirie pour ..., p.146.
- 21 Ibid.
- 22 MEED, 8-14 March, 1986, p.17.
- 23 Ibid.
- 24 Ibid.
- 25 Асатрян Г.С. Обряды детства и воспитания детей в традиционной культуре персов - "Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии". М., 1983, с.75,80.
- 26 Le Monde, 02.05.1987.
- 27 New York Times, 05.02.1987.
- 28 Ibid.
- 29 Le Monde, 02.05.1987.

О.Жигалина

К ВОПРОСУ О СОЮЗНИКАХ КУРДОВ В ИХ БОРЬБЕ ЗА АВТОНОМИЮ В ИРАНСКОМ КУРДИСТАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУРДСКОГО ДВИЖЕНИЯ

После свержения шахского режима лидеры курдских организаций, выступавшие за автономию, стремились к сотрудничеству с политическими силами, которые могли оказать поддержку курдскому движению.

Попытки урегулировать курдский вопрос весной 1979 г. срывались не только из-за отказа властей ИРИ выполнять свои обещания, но также из-за антиправительственной деятельности промонархически настроенной части иранской оппозиции. Она сосредоточилась в районах расселения курдов и опиралась на армейские подразделения, которые после возвращения Хомейни в Иран были отведены из центральных районов в северо-западную часть страны. Эти военные подразделения находились под командованием генерал-лейтенанта Азизуллы Пализбана, которого поддерживал бывший командующий сухопутными войсками генерал Овейси, объединивший свои силы с отрядами Пализбана. Цель военных состояла в том, чтобы через два-три месяца после падения шахского режима совершить новый государственный переворот, свергнуть власть шиитского духовенства и установить режим, "свободный от представителей кумских священнослужителей".

Этот заговор готовился на территории Иранского Курдистана, где в это время активизировалось курдское движение за автономию, которое преследовало свои цели, действуя независимо от промонархических группировок. Между тем, в Тегеране некоторые представители мелкобуржуазных кругов, выходцы из Курдистана, распространяли слухи о том, что цели курдского повстанческого движения не

ограничиваются достижением автономии, а ведут якобы к отделению курдских районов от Ирана.

В действительности курдские политические группировки, которые весной-летом 1979 г. только еще выходили из подполья, не были способны на такой серьезный шаг. Однако промонархически настроенные слои в Иране распространяли версию, что Пализбан является руководителем курдского движения, и утверждали об имеющихся в Тегеране свыше 500 тыс. его сторонников. Говорилось также и о том, что конфликт в Курдистане и Западном Азербайджане является началом далеко идущих планов. По слухам, через два месяца контрреволюция должна была развернуть свои действия в Тегеране¹. Все это ставило курдов в двусмысленное положение.

Согласно американским источникам, не было никаких реальных фактов, которые бы могли подтвердить, что генерал Пализбан — глава курдских повстанцев. Усилия курдов тогда были сосредоточены в основном на борьбе за подлинное самоуправление и стремлении добиться как можно больше привилегий от режима Хомейни².

Вместе с тем, нельзя до конца быть уверенным, что курдские группировки не сотрудничали с промонархическими силами. Многим курдским политическим лидерам свойствен прагматизм, поэтому они не очень разборчивы в выборе своих союзников. Известно также, что "Комала", "Разгари" и некоторые другие оппозиционные политические группировки в свои программы включали задачи свержения режима Хомейни и установление демократического режима в Иране. Так, во главе "Комала" в то время находился Ибрагим Али-заде, который провозгласил борьбу за социалистическое общество. Эта группировка находилась "под сильным влиянием опыта китайской революции"³, анализировала события с позиций маоизма. Она ставила перед собой задачу в короткое время организовать пролетариат, чтобы подготовить его к захвату политической власти в результате социалистической революции, провозгласить Демократическую и Революционную республику, диктатуру пролетариата. Конечная цель "Комала" (с 1985 г. она стала называться Коммунистическая партия Ирана — КПИ) — построение социализма, а потом и коммунизма. Ее программе свойствен антисоветизм и отрицание опыта построения социализма в Советском Союзе. Представления "Комала" о сущности политической власти в Советском Союзе формируются под сильным воздействием иранской официальной пропаганды. Свои же цели она видит в том, чтобы "организовать и руководить классовой борьбой за победу социалистической революции пролетариата, которая

освободит не только рабочий класс, но и все общество"⁴. Для мобилизации масс "Комала" попыталась использовать курдское суннитское духовенство, позиции которого в вопросе о роли религии в государственной политике были близки руководству "Комала". Политизация суннитского духовенства могла вызвать обострение суннитско-шиитских противоречий и осложнить политическую ситуацию в Иранском Курдистане. Предвидя возможность накала религиозных противоречий, новое иранское руководство приняло меры для их нейтрализации.

Другая курдская политическая организация — Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК), которая, подобно "Комала", претендовала на роль лидера курдского движения, ратовала за ограниченное участие суннитского духовенства в политической жизни Иранского Курдистана. Ее руководитель А.Касемлу уже в начале 1979 г. выступил с обоснованием непролетарской социалистической концепции, которая впоследствии легла в основу программы ДПИК, опубликованной в 1981 г. Главной целью партии была борьба за социалистический путь развития. ДПИК выступала за ликвидацию эксплуатации, решение аграрного вопроса в интересах крестьян, защищала мелких производителей, стремилась улучшить положение трудящихся. Она привлекала массы к активной политической жизни, выступала за утверждение государственной собственности на основные средства производства и передачу в руки государства таких важных отраслей, как внешняя торговля, финансы и армия⁵. Эта программа имела светский характер и не была связана с религиозной идеологией, в данном случае с исламом. Однако проведение в жизнь этих задач было не под силу одному лишь курдскому движению, поэтому лидеры ДПИК стали искать себе союзников.

В середине лета 1979 г. ДПИК выступила инициатором создания Единого национального фронта. Это была первая попытка найти себе союзников. ДПИК объявила о созыве "Конгресса угнетенных народов Ирана", назначенного на 25 августа 1979 г., куда были приглашены делегации от туркмен, белуджей, арабов и азербайджанцев. Но уже 17 августа 1979 г. иранская армия начала наступление на курдские города, и к 5 сентября большинство из них уже находилось под контролем армии, а курдские повстанцы были вынуждены передислоцироваться в горные районы. Армия не преследовала их, а заняла в основном городские районы с хорошими подъездными путями⁶.

При этом власти Ирана очень опасались активности промонархических группировок, стремившихся свергнуть режим шиитского духовенства, и примкнувших к ним курдских повстанцев. Деятельность ДПИК пока опасности для режима не представляла, поскольку тогда она еще не ставила цели его свержения. Для Хомейни и его ближайшего окружения курдское движение было единым. Поспешив задуть промонархические группировки в Иранском Курдистане, власти направили туда войска. Затем последовала антиамериканская акция иранских студентов, которая на некоторое время отвлекла внимание властей от курдов.

У Хомейни о курдском движении укоренилось мнение, как о движении контрреволюционном, связанном с промонархическими, проимпериалистическими (проамериканскими) силами, стремящимися свергнуть его власть в стране и отделить курдские районы от Ирана. Этого было достаточно, чтобы разорвать все отношения с курдами.

Между тем, курдский вопрос не выходил из поля зрения некоторых светских государственных деятелей ИРИ, допущенных к исполнительной власти. Так, например, осенью 1979 г. комиссия во главе с премьером Базарганом разработала проект ограниченной автономии из 14 пунктов для всех неперсидских этнических групп, населяющих Иран. Этот же курс стал поддерживать и первый президент Ирана Банисадр. Он выступал за политическое урегулирование курдской проблемы с помощью переговоров и предоставление ограниченных прав всем этническим меньшинствам. В своей практической деятельности Банисадр опирался на некоторые объединения курдов, например, "Мусульманские пешмерга" или "Школа Корана". Организация "Школа Корана" объединяла не только мусульман-шиитов, но и суннитов, она действовала вначале в г.Сенендедже, затем в районе Керманшаха. Ею руководил шейх Мофти-заде, окончивший курс в Аль-Азхаре в Египте. Взгляды Мофти-заде и Банисадра в отношении курдов были довольно близки и к тому же совпадали в этом вопросе с позицией иранской либеральной буржуазии. Всех их сближало стремление предоставить курдам право культурной и административной автономии, равно, как и их антикоммунистические и антисоветские настроения.

Организация Мофти-заде была одной из немногочисленных курдских организаций, выражавших готовность сотрудничать с правительством. Ее члены считали, что суннитско-шиитские противоречия не могут влиять на отношения с властями. Они выступали в

интересах всех мусульман, независимо от принадлежности к тому или иному направлению ислама. Между тем, позиция, которую занял Банисадр в курдском вопросе, позволяла ДПИК и "Комала" обратиться к нему с просьбой удовлетворить их требования^х. Это, однако, не привело к желаемым результатам. После богства Банисадра из Ирана в июле 1981 г. политическая значимость "Школы Корана" пала на нет.

Эмигрировав во Францию, Банисадр там сблизился с М.Раджави, руководителем Организации моджахедов иранского народа, отойдя в свое время в первых рядах антишахского движения и выступавшей за переход страны на путь национально-демократического развития. М.Раджави и Банисадр стали искать пути к укреплению нового блока антиправительственной оппозиции в курдских районах. В ноябре 1981 г. они образовали Национальный совет сопротивления (НСС), в который пригласили и курдские политические организации — ДПИК и "Комала". Задачи свержения власти и установление демократического правления в Иране объединяли НСС и "Комала". Войдя в блок с НСС, ДПИК расширила свои задачи, включив в программу пункт свержения власти шиитских богословов. Этот шаг руководства ДПИК, как известно, повлек за собой выход нескольких старейших членов партии из рядов ДПИК, а также разрыв с Народной партией Ирана (Туде). Вместе с тем, для курдских организаций вступление в НСС означало то, что курдское движение не останется в изоляции и заручится поддержкой такой авторитетной иранской организации как Организации моджахедов иранского народа. А.Касемлу принял программу НСС исключительно ради достижения курдами автономии, поскольку ни ДПИК, ни любая другая курдская политическая организация в отдельности на данном этапе не может добиться автономии.

Однако, как показало развитие ситуации в Иранском Курдистане, без внешней помощи курдское движение в Иране не может длительное время оставаться жизнеспособным. Учитывая это, А.Касемлу с начала ирано-иракской войны установил взаимовыгодные отношения с С.Хусейном, главой иракского государства. К этому стремился и М.Раджави. Но Банисадр высказался отрицательно на этот счет. Между обоими лидерами НСС по этому вопросу обнаружились серьезные разногласия. В этой ситуации А.Касемлу, естественно, принял

^х См. СПб. № 1(219), 1982.

сторону М.Раджави. Видя то, что членство в НСС не помогает сдвинуть решение курдского вопроса с мертвой точки в пользу ДПИК, последняя весной 1984 г. решается на разрыв с НСС.

Находясь в составе НСС в 1981-1984 гг., ДПИК с 1981 г. одновременно контактировала и с режимом С.Хусейна, открывшем ей коммуникационный канал со странами Западной Европы и предоставившем ей некоторые другие привилегии. С этого времени участились поездки А.Касемлу за рубеж, где ему удалось установить отношения с Социнтерном, направившим курдское движение на путь новой стратегии в целях уничтожения исламского режима в Иране. В 1980 г. Социнтерн оказал материальную поддержку А.Касемлу, включая предоставленную Францией сумму в размере 9 млн. франков, а также помощь по линии других западных режимов⁷. Сближение ДПИК с Социнтерном, а также изменение ее стратегии, вызвали острую внутрипартийную борьбу. Участились случаи выхода курдов из ДПИК. Стремясь пополнить свои ряды, ДПИК стала принимать в члены лиц не только курдской, но и других национальностей.

Сближение А.Касемлу с руководителями Социалистической партии Франции повлияло и на его отход от подлинно социалистических идеалов и переход в лагерь тех, кто придерживался принципов "демократического социализма", провозглашаемых социалистами Франции. Это изменение позиций А.Касемлу, однако, не нашло отражения в программе ДПИК, потому что иначе бы не удалось сгладить противоречия между сторонниками А.Касемлу и теми, кто стремился в ДПИК руководствоваться положениями марксизма-ленинизма. Боясь выхода из партии ее членов, А.Касемлу всячески скрывал эти разногласия.

На УП съезде ДПИК в 1985 г. он призывал к единству рядов своей партии и выступил с инициативой создания Единого фронта сопротивления. Задачи нового объединения курдов он сформулировал так: "Свержение исламского режима, замена его демократическим режимом во имя подлинной независимости, установление демократии, обеспечение гражданских свобод и прав угнетенным народам Ирана в форме автономии и федерации и реализация политических и социальных требований трудящихся"⁸. А.Касемлу связывал проблемы создания такого фронта с главенством ДПИК в этом объединении. Однако ни одна из политических организаций, оппозиционных нынешнему иранскому режиму, не откликнулась на этот призыв.

В 1987 г. А.Касемлу продолжил поиски более сильных и надежных союзников. В марте 1987 г. он посетил Францию, а затем Испанию, где выступал в печати с заявлениями по курдскому вопросу.

В частности, он сообщил, что ДПИК не против сотрудничества с Соединенными Штатами, и даже попытался привлечь внимание к курдскому вопросу американскую общественность с помощью испаноязычной прессы. Это им делалось с учетом того, что американские стратеги в своих внешнеполитических интересах делают ставку на использование и поддержку национальных движений. Курдское движение не является исключением. Действительно, с 1986 г. наблюдается некоторое усиление внимания к курдскому вопросу ряда внешнеполитических ведомств и организаций США. Так, например, в курдские районы Ирана для выяснения обстановки были направлены американские журналисты и посланы туда для проведения полевых работ ученые-этнографы по линии Организации по правам человека и т.п.⁹.

Активность А.Касемлу, проявленная им при установлении связей с США, снова вызвала негативное отношение к лидеру ДПИК некоторых ее членов. Внутри организации возобновились разногласия, группа, составившая оппозицию курсу А.Касемлу, высказалась против сближения с США.

На УШ съезде ДПИК, состоявшемся 18-22 января 1988 г. обсуждались проблемы стратегии и тактики ДПИК, а также проблемы международной политики. Был избран новый состав центрального комитета ДПИК. 23 января 1988 г. состоялось первое заседание нового состава ЦК ДПИК, на котором генеральным секретарем был вновь избран А.Касемлу. Он заявил, что УШ съезд ДПИК положил начало новому этапу борьбы в реализации целей ДПИК, сформулированном в лозунге - "Демократия - Ирану, автономия - Курдистану".

Еще в июле 1987 года, касаясь вопроса политического курса ДПИК, А.Касемлу заявил: "Наша партия в основе демократическая, и мы поддерживаем общие идеалы достижения демократии в Иране и автономии для Курдистана. Наша партия хочет совершить не только политические преобразования, но и изменить социальную жизнь. Достигнув власти, мы предпочтем строить социализм, но демократический социализм, поскольку мы не верим, что имеется противоречие между социализмом и демократией"¹⁰.

Однако попытки создать антиправительственный альянс на основе демократии и автономии в Иранском Курдистане пока не увенчались успехом. По заявлениям А.Касемлу, сделанным им западной прессе в 1987 г., пока нет основ для создания в курдских районах Ирана Единого фронта сопротивления. Большую стоворчивость, чем США, проявляют западноевропейские союзники ДПИК.

Так, руководство Социнтерна хорошо понимает, что означает в стратегическом плане для ИРИ вооруженное курдское движение, которое во многом может способствовать уничтожению исламского режима и восстановлению в Иране прозападного. Немаловажную роль играет курдский фактор в войне Ирака против режима Хомейни. ДПИК, со своей стороны, с готовностью принимает подачки государств, входящих в Социнтерн, что объясняется свойственным ей прагматизмом. Этим при желании могут воспользоваться и США, которые пока не проявляют особой политической активности в этой части Ближнего и Среднего Востока.

В сравнении с ДПИК "Комала" (КПИ) отличается меньшей активностью в поисках союзников. Националистическая амбициозность не позволяет ей создать блок политических сил. Она соперничает и враждует с организацией марксистского направления "Пейкар" ("Борьба"), действующего в Иранском Курдистане, а также Организацией федаев иранского народа (меньшинство).

ДПИК и "Комала" объединяет лишь то, что разрешение курдского вопроса на данном этапе они видят только в вооруженной конфронтации с правящим режимом.

Оценивая перспективы курдского автономистского движения, можно предположить, что упомянутые выше политические организации иранских курдов будут оказывать всяческое сопротивление проведению исламской модели решения национального вопроса в курдских районах Ирана на основе мусульманской уммы. Члены этих организаций опасаются, что это повлечет за собой "распыление курдского этноса" и в итоге сведет на нет курдский вопрос.

Милитаризм иранских властей, направленный на распространение идеи "исламской революции" за пределы страны, отражается и на курдском движении, которое вынуждено разрабатывать свою стратегию, исходя из реальных условий политической борьбы. В связи с этим ДПИК, не имея надежной пролетарской опоры в массах, делает ставку на национального вождя, каковым сейчас является А.Касемлу, придерживающийся политики лавирования в курдском вопросе. Однако проводимый им курс приводит лишь к тому, что ДПИК утрачивает массовую силу, постепенно лишается поддержки и сочувствия большинства курдского населения Ирана. Неспособность курдов объединиться в Единый фронт сопротивления свидетельствует о политической слабости ДПИК. Это же характерно и для "Комала", лидеры которой обнаруживают большую политическую

незрелость. Следовательно, слабость курдского движения в современном Иране кроется в его идейной, политической, организационной и социальной рыхлости.

- 1 Аснаде ланей-е джасусий-е, Кордестан, т.31, Тегеран, 1979, с.82.
- 2 Там же.
- 3 Ch.More. Le Kurds aujourd'hui, mouvement national et partis politiques. Paris, 1984, p.163.
- 4 Программа Коммунистической партии Ирана (Комала), Париж, 1983, с.3.
- 5 Программа Демократической партии Иранского Курдистана. Париж, 1981.
- 6 People without a country: the Kurds and Kurdistan. L. 1979, p.230.
- 7 Арабия, Лондон, 6.02.1982, с.25.
- 8 Документы УП съезда ДПИК, Франция, 1985, с.56.
- 9 Kurdistan today, France, N 3, 1987.
- 10 Ibid., N 5, 1987.

ИРАН И АФГАНСКАЯ ВООРУЖЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ В ПАКИСТАНЕ

Прежде чем рассмотреть отношения между хомейнистским руководством Ирана и основным отрядом афганской исламской вооруженной оппозиции – Исламским союзом моджахедов Афганистана, называемым еще "альянсом семи", "пешаварской семеркой", определим, какое место отводится Республике Афганистан в планах хомейнистского руководства Ирана.

Еще задолго до антишахской революции в Иране в отношении иранского руководства и определенной части иранцев к своим соседям – мусульманским странам просматривались черты некоего преемства. С отдаленных времен в Иране воспринимали своих соседей – арабов как "осоногих", "пожирателей саранчи", афганцев – как разбойников, бродяг, бандитов. Единственный в мире феномен успешной "исламской революции", наложенный на этот персидский великодержавный шовинизм, если не породил, то укрепил современную иранскую доктрину "экспорт исламской революции" в другие страны.

В развитие этой доктрины шиитское руководство Ирана ведет многолетнюю войну против Ирака с целью ликвидировать баасистский режим и установить шиитское правление, продолжает необъявленную войну в Ливане, проводит активную работу по консолидации шиитских меньшинств в Саудовской Аравии, Кувейте, арабских эмиратах, на Бахрейне, в Пакистане. Афганистан занимает в экспансионистских планах современного Ирана одно из важнейших мест. Так, ныне покойный руководитель распущенной Партии исламской республики, он же председатель Высшего суда ИРИ, аятолла Бехешти заявлял: "Вскоре на земле Афганистана будет создана Исламская республика Афганистан, в Ираке – Исламская республика Ирак, на других исламских землях одна за другой появятся независимые от сверхдержав

исламские республики, и это сообщество истинных исламских республик засверкает как великая моральная, культурная, научная, экономическая и социальная сила, опирающаяся на ислам"¹.

Издающийся в Тегеране для афганцев, живущих в Иране, журнал "Хабльулла" в редакционной статье "Ислам и мировые проблемы" писал: "Сегодня Ливан и Афганистан превратились в узловые артерии сверхдержав. Как только эти артерии будут перерезаны, интересы высокомерных (так в иранской современной риторике называют СССР и США. – В.С.) окажутся под угрозой". И в этой же статье далее говорилось: "Как только Афганистан станет свободным и на этой земле утвердятся исламский режим, пустопорожние основы, на которых держится режим Саддама, рухнут сами собой. Под влиянием исламских революций в Иране и Афганистане на землях Средней Азии, завоеванных Россией, начнутся восстания, и иракская армия, опирающаяся на Россию, сразу же будет уничтожена"².

Подобные высказывания, а также политическая практика хомейнистского руководства позволяют сделать вывод, что современный Иран рассматривает Афганистан как один из основных объектов своей экспансионистской политики, теории и практики исламской революции.

Под свои экспансионистские устремления хомейнистское руководство пытается подвести теоретическое обоснование, выдвигая лозунг: "Ни Запад, ни Восток", призванный создать впечатление, что "истинно" исламский строй – это третий путь социального развития, противостоящий и капитализму, и социализму, и США, и СССР. У некоторых советских исследователей и практических работников этот лозунг вызывает определенные надежды: ведь в нем имеется, мол, какой-то антиимпериалистический потенциал! Однако анализ всей практической деятельности современных исламских фундаменталистских движений, в том числе возглавляемого Хомейни, показывает, что исламский фундаментализм как политическое течение после ликвидации колониальной системы исчерпал свой антиимпериалистический потенциал, своими экстремистскими действиями он наносит ущерб социальному прогрессу, национально-освободительным движениям, создает кризисные ситуации и угрозу военных коллизий в различных районах мира, перекрывает пути разблокирования региональных конфликтов.

Здесь нельзя совмещать понятия: исламские фундаменталистские движения и исламские движения вообще. По нашему мнению, ни

одно из изощренных ныне исламских фундаменталистских движений, таких как "Братья-мусульмане" в арабском мире, "Джамаат-и ислами" в Пакистане и другие, не может увязываться ни с одним национально-освободительным движением, это экстремистские движения с антикоммунистической направленностью.

Таким образом, теоретическая база для вмешательства в дела других стран у Ирана есть – это фундаменталистская концепция "экспорта исламской революции" в другие мусульманские страны. Но одной теории недостаточно: нужны классовые, сословные, национальные, религиозные или иные факторы, опираясь на которые можно было бы практически осуществлять свои внешнеполитические концепции. Такой фактор есть – это шиитские меньшинства в мусульманских странах. Именно им отводится роль проводников идей хомейнистского руководства, именно на них рассчитывает это руководство, проводя в жизнь свои экспансионистские планы. Но лидеры ИРИ понимают недостаточную прочность своих позиций: ведь шиитские меньшинства, даже если они бывают настроены воинственно и проявляют готовность поддержать внешнеполитические акции Ирана, остаются меньшинствами, "исламские революции", несмотря на усилия Ирана, ни в Ливане, ни в Ираке не состоялись.

Это обстоятельство побуждало фундаменталистов ИРИ искать способы привлечения к процессу "исламских революций" мусульман, принадлежащих к другим школам ислама. В Тегеране при Корпусе стражей исламской революции (КСИР) было создано Бюро по освободительным движениям, цель которого, по словам одного из его руководителей, заключалась в следующем: "Наш исламский долг помочь освободительным движениям всеми средствами, даже воюя за их дело, как это предписано Кораном"³. Задача бюро заключалась в наведении мостов между шиитскими и суннитскими организациями, стремлении подключить оппозиционные своим правительствам суннитские организации и группы к проиранской фундаменталистской деятельности. Тот же деятель бюро говорил: "Многие активные члены освободительных движений – наши братья-сунниты, исповедующие учение одной из четырех суннитских школ, и это создает психологические и практические трудности, когда эти движения примыкают к "исламской революции" Ирана, которая зиждется на учении The Household of the Prophet – домоладцев пророка (то есть шииты и сунниты – одна семья, праотцом которой является Мухаммед). Такие противоречия усиливаются теми, кто не осведомлен о высших интересах исламской уммы, а также теми, кто находится под влиянием религиозных дог-

матов"⁴. Чтобы ликвидировать эти "противоречия", иранское руководство провело в 1982 г. в Тегеране так называемый международный семинар исламских освободительных движений, где приняли необычное в истории ислама "революционное" решение: "Разрешить признать руководство имама Хомейни над всеми школами исламской мысли"⁵.

Но вернемся к Афганистану. Шиитское руководство Ирана с первых же дней своего прихода к власти враждебно отнеслось к Республике Афганистан (тогда – ДРА). До марта 1979 г. это выражалось в различного рода недружественных заявлениях, пропагандистской кампании в прессе и по радио, засылке на территорию Афганистана, в Гератскую провинцию политических эмиссаров и агентуры. Все это сыграло решающую роль в том, что первое на территории Афганистана крупное антиправительственное выступление произошло в марте 1979 г. именно в Герате, когда подстрекаемые радиопередачами, листовками, изготовленными в Иране, иранскими эмиссарами, шиитскими муллами, гератские мелкие торговцы, ремесленники, пауперы начали погром государственных и партийных учреждений, убивали членов НДПА, учинили охоту за советскими специалистами, находившимися в Герате. Вот как позднее описывал этот мятеж издававшийся подпольно в Герате "Шехадаат", отпечатанный на ротаторе листов: "... нападали и уничтожали все и везде, где находили следы безбожия и коммунизма. Огромное число пособников безбожников и неверных было отправлено в вечный ад"⁶.

Этот мятеж был спровоцирован иранскими спецслужбами еще до ввода в Афганистан ограниченного контингента советских войск. С апреля 1979 г. на территории Ирана началось формирование афганских вооруженных оппозиционных организаций и групп. Их руководящий состав подбирался из шиитских богословов, проживавших ранее в Иране или бежавших туда после Апрельской революции 1978 г. в Афганистане. В качестве рядового состава в организации вовлекались афганцы, оказавшиеся на территории Ирана. По иранским данным, перед апрелем 1978 г. в Иране на заработках находились до 600 тыс. афганцев. После ввода в Афганистан советских войск под влиянием враждебной пропаганды, угроз и запугивания в Иран направился еще поток неграмотных афганских крестьян с семьями, пожитками, скотом. Общее число афганских беженцев в Иране составило примерно 2 млн. человек. Соответствующ-

щая обработка, посулы, угрозы выдворения из страны делали афганцев послушными и готовыми на все.

Иранское руководство быстро оценило политическое значение пребывания в стране столь громадной массы афганских беженцев. В отличие от руководства Пакистана, которое как бы дистанцируется от афганских оппозиционных организаций на своей территории, делая вид, что оно не имеет никакого отношения к их подрывной деятельности, шиитское руководство ИРИ непосредственно участвовало в создании в Иране афганских оппозиционных организаций, снабжая их оружием, деньгами, средствами пропаганды. В результате этой деятельности, проводимой под личным руководством аятоллы Монтазери, в Иране была создана Коалиция объединенных исламских организаций Афганистана, в состав которой после нескольких объединений вошли 8 основных организаций, принимающих участие в вооруженной борьбе против Республики Афганистан в ее центральных и западных районах, где имеются анклавные шиитского населения.

Сформулируем некоторые особенности коалиции и укажем на ее отличия от афганской вооруженной оппозиции с центрами в Пакистане.

1. Афганские исламские организации с центрами в Иране по своему национальному составу являются непуштунскими, их члены – в основном хазарейцы и туркмены, то есть представители меньшинств Афганистана.

2. По принадлежности к одному из течений ислама – эти организации шиитские. Известна лишь одна небольшая группа афганцев-суннитов, отколовшаяся от афганской оппозиционной организации в Пакистане и перешедшая в Иран.

3. Афганская шиитская оппозиция не имеет собственных политических и идеологических взглядов, она взяла на вооружение навязанные ей иранским руководством установки имама Хомейни. Так, свои обращения и заявления коалиция афганских шиитских организаций в Иране, как правило, заканчивает призывом – "Да здравствует мировая исламская революция под руководством имама Хомейни!"

Эти особенности афганской проиранской оппозиции ограничивают ее потенциальные возможности в борьбе за господство в Афганистане рамками национального и религиозного меньшинства, которое не может претендовать на власть в масштабах всей страны.

Поэтому иранское политическое руководство, сохраняя афганскую шиитскую оппозицию как военно-политический резерв для достижения своих целей, постоянно держит в поле своего внимания основной, суннитский отряд афганской оппозиции – Исламский союз моджахедов Афганистана, или "альянс семи" в Пакистане.

Что представляет собой "альянс семи" в настоящее время? После многочисленных попыток объединения и создания различных союзов, их развала и новых попыток объединения (причем, эти попытки стимулировались как извне – со стороны Саудовской Аравии, Организации исламской конференции и косвенным образом со стороны США и западных стран, так и изнутри – со стороны командиров боевых отрядов афганской оппозиции, которым надоела грязная игра в Пешаваре) в 1985 г. был создан союз семи основных организаций, дошедший до наших дней.

Из этих семи суннитских организаций четыре по своим политическим установкам, планам государственного устройства, отношению к трактовке положений Корана и других исламских догм, заимствованных прежде всего у арабских "Братьев-мусульман", являются фундаменталистскими. Они выступают за возврат к фундаментальным "ценностям чистого ислама", за создание исламского государства, в основу которого были бы положены принципы мединской общины, исламской уммы периода пророка ислама и четырех праведных халифов. Руководящий и кадровый состав этих четырех организаций – представители средних городских слоев, вышедших в Афганистане на политическую арену в 60-х годах нашего столетия.

Фундаменталисты в соответствии с исламским принципом отрицания национальных рамок пытаются в своих организациях преодолеть эти рамки и вобрать в свои ряды представителей всех национальностей Афганистана, но сделать им это полностью не удается. Характеризуя фундаменталистов, следует отметить, что две из фундаменталистских организаций – Исламская партия Афганистана под руководством Г.Хекматияра и Исламское общество Афганистана под руководством Б.Раббани – еще до Апрельской революции 1978г. вели борьбу как против монархического режима Захир-шаха и республиканского режима М.Дауда, так и против прогрессивных сил страны того времени, включая сюда и НДПА.

Остальные три организации альянса, как их принято называть, традиционалистские. Они объединяют в своих рядах представителей правившей элиты времен монархии, высших эшелонов власти

прежних режимов, феодалов крупной торговой буржуазии, бывшего генералитета, видных улемов, пуштунскую родоплеменную знать. Традиционалисты также активно используют исламскую риторику, декларируют необходимость создания исламского государства, но вкладывают в это понятие иной, нежели фундаменталисты, смысл. В своем варианте исламского государства они отводят исламу и мусульманским богословам ведущую роль в идейно-политическом обеспечении деятельности правящего режима, но не посягают на светскую власть, которая, правда, обязана действовать в соответствии с положениями ислама. Эти три организации стремятся к восстановлению прежних традиционных порядков, вплоть до реставрации, если это окажется возможным, монархии. По национальному составу эти организации полностью пуштунские.

Между этими двумя группами оппозиции в рамках одного альянса велась и ведется ожесточенная идеологическая, политическая, а иногда и вооруженная борьба. Единственное, что их объединяет сейчас — это стремление не остаться в стороне при возможном дележе власти. Между ними могут возникнуть союзнические отношения, но в конечном счете их противоречия непримиримы. При определенных обстоятельствах мы, видимо, будем свидетелями распада этого альянса и борьбы за власть между фундаменталистами и традиционалистами.

В каких же отношениях находятся между собой иранское хомейнистское руководство и пешаварский "альянс семи"?

Хомейнисты не могут игнорировать этот основной отряд афганской вооруженной оппозиции. Подняв под себя послушную шиитскую афганскую оппозицию, иранское руководство не могло не попытаться установить союзные или, по крайней мере, "дипломатические" отношения с суннитской оппозицией, которая претендует на власть в Афганистане в масштабах всей страны. В свою очередь, афганская оппозиция с центрами в Пакистане не могла игнорировать Иран, более того, часть этой оппозиции была заинтересована в установлении с Ираном союзнических отношений. И такие отношения, правда, весьма своеобразные были установлены. Сразу оговоримся: иранское руководство, признавая фундаменталистский отряд афганской оппозиции в качестве "истинной" исламской силы, начисто отказывается признавать традиционалистов.

Ни о каких союзнических отношениях между Ираном и сторонниками бывшего короля Афганистана Захир-шаха, по мнению иранцев, не может быть и речи. В своих программных статьях иранское

политическое руководство по этому поводу заявляет: "Революция в Иране оказала на афганских шиитов большое влияние и вдохновила их на подражание этому примеру. С другой стороны, поскольку за 40 лет правления Захир-шаха афганские шииты были самым обездоленным и угнетенным слоем общества, поскольку именно они, более других, ощущали на себе гнет королевского режима, примирение шиитов Афганистана с режимом Захир-шаха абсолютно невозможно"⁷.

Таким образом, если быть точными, то следует сказать, что отношения существуют не между "альянсом семи" и Ираном, а между ИРИ и фундаменталистской частью этого альянса. Отношения эти непростые: были периоды и тесного сотрудничества и взаимных нападков, иногда связи свертывались до минимума. Тем не менее они продолжают существовать, поскольку обе стороны хотят извлечь из них определенные политические и иные дивиденды.

Иран, поддерживая и оказывая некоторую помощь афганским фундаменталистам-суннитам рассчитывает, что в случае победы афганской суннитской оппозиции к власти в Афганистане придут именно фундаменталистские организации во главе с Г.Хекматъяром и Б.Раббани. Учитывая это, руководство ИРИ в то же время стремится реализовать потенциал проиранской шиитской оппозиции и возлагает надежды, во-первых, на наиболее близкие отношения с будущим суннитским фундаменталистским Афганистаном и, во-вторых, на свое будущее влияние в шиитских районах Афганистана, таких как Хазарджат, Герат, в некоторой степени Мазари-Шариф. В разное время и различными иранскими деятелями высказывались планы, а вернее, надежды на создание в Афганистане так называемого Союза федеративных суннитской и шиитской исламских республик или исламской республики по образу и подобию Ирана. При этом подразумевалось, что районы с компактным расселением шиитов находились бы под "культурным" покровительством шиитского Ирана.

Конечно, такие планы в случае победы афганской фундаменталистской оппозиции с центрами в Пакистане можно было бы осуществить, только заручившись согласием самих афганских фундаменталистов, то есть все тех же Г.Хекматъяра и Б.Раббани.

В свою очередь, лидеры афганских фундаменталистских организаций с центрами в Пакистане также заинтересованы поддерживать отношения с руководством ИРИ. Причинами такой заинтересованности можно назвать следующие.

Во-первых, Иран — это единственная мусульманская страна, провозгласившая основой своего внешнеполитического курса фундаменталистский лозунг "Ни Запад, ни Восток", а иранское руководство — единственное пришедшее к власти фундаменталистское руководство, хотя и принадлежащее к шиитскому течению в исламе. С точки зрения "чистоты" исламских принципов, хотя и с определенными оговорками, взгляды хомейнистов в какой-то степени близки афганским фундаменталистам.

Во-вторых, в Иране сосредоточена вторая после Пакистана по численности афганская колония эмигрантов и беженцев, за счет которой, несмотря на сопротивление проиранских исламских групп, возможно пополнение фундаменталистских вооруженных отрядов, действующих в Афганистане.

В-третьих, функционирование в Тегеране, Мешхеде и других городах Ирана официальных представительств Исламской партии Афганистана (ИПА) и Исламского общества Афганистана (ИОА) дает возможность заниматься пропагандистской и издательской деятельностью, а также сбором сведений об афганской колонии, вербовкой сторонников, получением информации от отрядов, действующих в западных районах Афганистана, направлять туда печатные издания, инструкции и указания.

Отношения между руководством ИРИ и афганской суннитской фундаменталистской оппозицией характеризуются и взлетами, и падениями. Например, резко негативную реакцию вызвали у иранцев контакты на высшем уровне между некоторыми фундаменталистскими лидерами оппозиции и администрацией США. Лидер ИОА Б.Раббани, встретившийся в июле 1986 г. в Вашингтоне с президентом США Рейганом, за это подвергся в Иране не просто критике, а самому грубому остракизму. Со ссылкой на положение Корана, который гласит: "И не опирайтесь на тех, которые несправедливы, чтобы вас не коснулся огонь. И нет у вас, кроме Аллаха, помощников, и потом не будете вы защищены" (Коран, сура II, аят II5). Б.Раббани было предъявлено обвинение в том, что он "спрятался от гнета Востока в деснице Запада". Профессор теологии Б.Раббани, сам большой и признанный знаток Корана, в свое оправдание пустил в ход положения из него же, которые разрешают исламскому государству и правительству поддерживать связи с внешним миром. Когда же ему было язвительно замечено, что его организация — это не исламское правительство, он заявил, что афганские мод-

жахеды, контролирующие 90% территории Афганистана, считают себя его правительством⁸.

Отношения с иранским руководством главного афганского фундаменталиста — Г.Хекматяра также не отличаются стабильностью. Следует заметить, что он в своих отношениях с иранским руководством ведет себя достаточно независимо, сохраняя достоинство и самостоятельность, что вызывает болезненную реакцию хомейнистов, полагающих, что иранская революция и тот государственный строй, который они создали, должны быть образцом для всех мусульманских стран, и уж конечно для Афганистана. Обращает в этом плане на себя внимание тот факт, что Г.Хекматяр ни в одном из своих выступлений (даже находясь в Тегеране) ни прямо, ни косвенно не ссылался на Хомейни, хотя в этих же выступлениях он отдает должное иранской революции. Приведем выдержки из его трех выступлений, в которых наиболее полно отражается его отношение к хомейнистскому Ирану.

В своем выступлении на церемонии по случаю праздника курбан — в одной из мечетей Пешавара в 1983 г. Г.Хекматяр говорил: "Мы обращаем внимание на то, что когда защищаем исламскую революцию Ирана, многие не могут нас понять. Но мы считаем эту революцию исламской, мы считаем защиту этой революции долгом каждого мусульманина... Эта поддержка ни в коем случае не связана с отношением иранцев к нашей революции... Если бы даже правоверный народ Ирана не оказывал нам никакой помощи, если бы даже он не принял у себя наших беженцев, то и тогда мы молились бы за исламскую революцию в Иране. Это не все понимают, но мы при этом думаем прежде всего об исламе"⁹.

В 1984 г. тон выступлений Г.Хекматяра в отношении Ирана несколько изменился. В интервью "Рах-е хак", газете своей организации, издававшейся в Иране, он в марте 1984 г., прибыв в Тегеран по приглашению для участия в праздновании 5-й годовщины иранской революции, заявил: "Мы слышали здесь замечания некоторых лиц, которые лучше отнести на счет их неосведомленности. Они говорили, что мы дали-де убежище афганским беженцам, а многие из них занимаются разбоем. Мы сожалеем, что сказавшие это создают среди иранского народа такие настроения. Они заявляют, что некоторые из афганских беженцев — это бродяги и разбойники и к ним нужен революционный подход (в современном Иране понятие "революционный подход" означает самые суровые наказания,

вплоть до смертной казни - В.С.). Мы попросили ответственных лиц, чтобы они обратили внимание на подобные высказывания".

В этом же интервью Г.Хекматъяр выразил и свое мнение о "революционном подходе" иранского руководства к Народной партии Ирана (НПИ): "Мы не преуменьшаем опасности со стороны Запада, но опасность русского коммунизма и групп, ориентирующихся на него, для угнетенных народов этого региона намного серьезнее... Мы и ранее считали существование НПИ большой опасностью и неоднократно заявляли, что игнорировать эту опасность недопустимо. Мы не должны идти на то, чтобы все наши силы были брошены против Запада, чтобы мы сосредоточили усилия народа только на этом фронте и ослабили свое внимание к опасности со стороны Востока"¹⁰. Как видно из этих высказываний Г.Хекматъяра, даже находясь в Иране по приглашению хомейнистского руководства, он довольно высокомерно поучает иранцев, касаясь различных вопросов их внутренней и внешней политики.

Последнее заявление Г.Хекматъяра, имеющее отношение к Ирану, отчетливо отражает его критическую позицию к иранской революции и к той модели государственного устройства, которую Иран хотел бы навязать другим мусульманским странам. В июне 1987 г. в интервью западногерманской газете "Вельт" Г.Хекматъяр заявил: "Наша революция старше иранской. Иранская революция только начиналась, когда мы уже могли записать в свой актив первые успехи. Это наша революция оказала влияние на иранскую, а не наоборот... С режимом Хомейни мы не имеем единомыслия ни в идеологической области, ни в вопросе о форме правления. Правда, у нас с Ираном один общий символ - это ислам. Но в иранской государственной системе существует имам, как религиозный лидер, и есть политический руководитель - президент. Иран испытывает столь многочисленные трудности именно потому, что он имеет и имама, и главу государства. Мой же идеал таков: религиозный лидер должен быть одновременно политическим руководителем. Вся власть в государстве должна быть сконцентрирована в руках одного человека, тогда не будет конфликтов между различными лидерами"¹¹.

Этим своим заявлением Г.Хекматъяр откровенно дал понять иранскому руководству, что надежды последнего на какое-то особое влияние в будущем Афганистане в случае прихода там к власти афганских фундаменталистов иллюзорны и что афганские фундаменталисты намерены следовать своим путем. Противоречия меж-

шиизмом и суннизмом останутся и, следовательно, афганские суннитские фундаменталисты не будут ни с кем делить власть.

В заключение можно сделать следующие выводы:

Иранское руководство рассматривает Афганистан как объект своей идеологической и политической экспансии. Опираясь на шиитскую афганскую эмиграцию, оно пытается повернуть события в Афганистане в сторону создания Исламской республики Афганистан по образу и подобию Ирана и под эгидой имама Хомейни или его преемника. Есть в ИРИ и более "умеренный вариант" - создать на территории Афганистана так называемый Союз федеративных суннитской и шиитской исламских республик.

Иранское руководство и лидеры афганских суннитских фундаменталистских организаций на этапе борьбы против национально-демократического режима в Кабуле вынуждены поддерживать между собой политические и иные связи, однако эти связи носят конъюнктурный характер и не могут послужить прочной основой для будущих межгосударственных отношений в случае прихода фундаменталистов к власти в Афганистане.

Афганские фундаменталисты отдадут себе отчет в том, что Иран стремится поставить их движение под свое влияние и всячески сопротивляются этому. Представляется вероятным, что в случае прихода к власти в Афганистане фундаменталисты будут проводить по отношению к Ирану сдержанную политику, не допуская усиления иранского влияния в Афганистане.

Традиционалистские афганские организации не могут рассчитывать на поддержку со стороны ИРИ. В свою очередь они не рассматривают ее как модель будущего государственного устройства Афганистана и не пытаются искать в Иране союзника в борьбе за власть в Афганистане.

1 Шафак, № 7,8. Пешавар, 1980.

2 Хасбзудла, № II, Тегеран, 1985.

3 Техран таймс, 27.05.1982.

4 Там же.

5 Там же, 16.06.1982.

6 Шахадат, март 1984 г. (архив автора).

- 7 Сборник статей Издательства исламской революции Ирана, Тегеран, 1981, т.2, с.235.
- 8 Джомхурийе эслами, Тегеран, 30.12.1986.
- 9 Брошюра с выступлением Г.Хекматяра, б/м, Ориент, 1983 г.
- 10 Рах-е хак, Тегеран, 21.03.1984.
- II Вельт, ФРГ, 24.06.1987.

И.Федорова

К ОТНОШЕНИЯМ США И ИРИ В 1986 г.

В 1986 г. отношения между США и ИРИ развивались, как и ранее, в двух направлениях: официальном и неофициальном, и это проявлялось более отчетливо, чем в предшествующие годы.

На поверхности представители обеих сторон неоднократно заявляли, что не пойдут на установление дипломатических отношений и расширение прямых торговых контактов. Официальные переговоры шли лишь в рамках Алжирского соглашения 1981 г. в Гааге и в Лондоне, где международный трибунал занимался урегулированием взаимных финансовых претензий. Всего в этот трибунал двумя странами было предъявлено около 4000 исков на общую сумму в 15 млрд. долларов, а к августу 1987 г. состоялись решения по 900 искам. В результате работы трибунала США получили 872 млн.долл., а Иран 514 млн.долл., причем основную часть денег - 451 млн.долл. - США передали Ирану в мае 1987 г. согласно решению суда. Это были авуары, замороженные в банках США после захвата иранцами американских заложников в 1979 г. Передача фондов, которые находились в "Федерал резерв бэнк" в Нью-Йорке, завершилась 13 мая 1987 г. через посредство "Бэнк оф инглэнд". В другом крупнейшем банке - "Американ сентрал бэнк" до сих пор находится остаток средств от счета, учрежденного в январе 1981 г. для выплаты несиндицированных займов, в сумме 64 млн.долл., чтобы обеспечить оставшиеся претензии этих двух стран.

Представляется, что работа этого трибунала, не оказывая сама по себе существенного влияния на американско-иранские отношения, находится в зависимости от других аспектов их развития. Так, например, трибунал в Гааге постановил выплатить 451 млн. долларов Ирану до 20 декабря 1986 г., но исполнение этого решения было приостановлено американской администрацией, что во

многим объяснялось последствиями "ирангейта", так как какие-либо переводы денежных сумм Ирану могли вызвать подозрения в новых секретных сделках для возвращения заложников. Выплата денег состоялась лишь после того, как 5 мая 1987 г. трибунал в Гааге объявил, что возвращение авуаров Ирану никак не связано с вопросом об американских заложниках, находящихся в Ливане. Необходимо отметить, что решение о переводе денег в Иран было принято Р.Рейганом, несмотря на возражения делегации Лиги арабских стран, находившейся в это время в Нью-Йорке. Возражения носили неофициальный характер и мотивировались тем, что передача денег Ирану может усилить его позиции в войне с Ираком.

Официальная торговля США с ИРИ в 1986 г. продолжала носить крайне ограниченный характер: товарооборот между ними составлял около 650 млн.долл. США поставили Ирану примерно на 34 млн.долл. машинного оборудования, сельскохозяйственной продукции, красок, бумаги, лекарств. В ИРИ они закупили примерно на 600 млн.долл. нефти, ковров, камфоры, фисташек, антиквариата. Помимо этого, значительная часть торговли шла через третьи страны. По сообщению американской прессы, Иран начиная с 1980 г. создавал и использовал тайную международную сеть для закупок оружия и запасных частей к нему (эта сеть не имела никакого отношения к "ирангейту", и последний не оказал на ее работу какого-либо влияния), она охватывала несколько континентов и действовала в Англии, ФРГ, Сингапуре, Гонконге, Японии.

Однако весьма ограниченные официальные контакты отнюдь не могли удовлетворить потребность США и ИРИ друг в друге, и поэтому шло весьма энергичное "подводное" развитие американо-иранских отношений.

Заинтересованность ИРИ в развитии отношений с США во многом определяется ограниченной структурой иранской экономики, ее зависимостью от западной технологии. Война с Ираком, которую исламское руководство во главе с Хомейни собиралось вести "до победного конца", также подталкивало ИРИ на контакты с США в целях приобретения у них необходимого вооружения. Кроме того, стремление шиитских богословов проводить традиционную политику балансирования между Востоком и Западом делает для них контакт с США одним из внешнеполитических противовесов политике СССР и другим социалистическим странам.

Эти факторы и ряд других привели к тому, что наряду с откровенными антиамериканскими заявлениями ведущих иранских по-

литических лидеров¹, иранские "умеренные" деятели (среди которых наиболее влиятельным был и остается председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани) вступили в неофициальные контакты с американской стороной. В этой связи можно привести мнение американских политических обозревателей о том, что "практически никто в Тегеране не сомневается, что по-настоящему влиятельной и могущественной фигурой после ухода Хомейни будет его духовный сын ходжатолезам Али Акбар Хашеми-Рафсанджани", несмотря на то, что официальным преемником Хомейни назначен Али Монтазери².

Американский историк, профессор университета в Вирджинии Р.Рамазани придерживается аналогичной точки зрения. При этом он подчеркивает, что Иран никогда не исключал возможности диалога с США. "То, что внешний мир называл иранской внешней политикой, на самом деле представляло сочетание воинственности и прагматизма, отражавших в свою очередь внутривнутриполитический баланс сил в ИРИ", - подчеркивает он³. По его мнению, несмотря на продолжающуюся в Тегеране борьбу между радикалами и прагматиками, прагматики по-прежнему идут в гору. В какой-то степени мы можем согласиться с этим мнением Р.Рамазани. Об этом свидетельствует арест и расстрел одного из радикально настроенных сторонников "экспорта исламской революции", родственника Монтазери, Мехди Хашеми, который предал огласке связи Рафсанджани с американской стороной. Р.Рамазани отмечает, что прагматики в Иране являются "крепкими орешками". В его интерпретации это означает, что они отнюдь не отказываются от терроризма, как одного из методов проведения внешней политики, признавая в то же время, что Иран не может существовать без остального мира, и это определяет их позицию.

С американской стороны желание вернуть Иран в орбиту своей внешней политики также достаточно велико. "Не требуется особого воображения, - заявлял Р.Макфарлейн (в свою бытность на посту помощника президента по национальной безопасности), - чтобы понять колоссальную важность Ирана для интересов нашей национальной безопасности, а также для интересов наших союзников. Из этого вывода вытекает, что в качестве долгосрочной стратегии нам следует стабилизировать отношения с этой страной"⁴. Подобную точку зрения разделяет Б.Рубин и ряд других специалистов по американо-иранским отношениям из школы новейших международных исследований при университете Дж.Хопкинса. Высказывая аналогичные соображения, они подчеркивают, что укрепление американских позиций в Иране важно провести до смерти аятоллы Хомейни, так

как тогда возможны волнения и даже хаос в стране. Свои взгляды они обосновывают тем, что Иран имеет непреходящее значение для американской внешней политики, а антиамериканизм правящей группировки ИРИ носит характер сугубо преходящий, тесно связанный с личностью Хомейни.

При этом известный американский политолог П.Гэлбрейт, член комитета США по внешнеполитическим связям Сената США, сравнивая поражение США во Вьетнаме с событиями в Иране, отмечает, что после окончания войны во Вьетнаме, США сразу же забыли о нем, а об Иране не смогут забыть никогда⁵.

Общая заинтересованность этих стран друг в друге привела к тому, что между США и ИРИ развивались контакты неофициальные, которые нашли свое наиболее яркое проявление в событиях, развернувшихся вокруг миссии Р.Макфарлейна и поставок американского оружия ИРИ в обмен на заложников.

Необходимо отметить, что так называемый "ирангейт" и кампанию, развернувшуюся в связи с ним, следует во многом рассматривать в контексте внутренней, а не внешней политики США, расценивать в свете борьбы республиканской и демократической партий. Именно соображения внутрипартийной борьбы лежали в основе таких заявлений представителей демократической партии, в которых они расценивали политику Белого дома в отношении Ирана как непрофессиональную. Политолог П.Гэлбрейт подчеркивал, что во время следующей предвыборной кампании "ирангейт" будет использоваться демократической партией для дискредитации действий республиканской партии. Хотя он сам и его коллеги полагают, что дальнейшая политика США в отношении ИРИ не будет существенно меняться, какая бы партия ни пришла к власти.

Еще одним подтверждением того, что контакты между США и ИРИ носят объективный характер, свидетельствуют сами связи этих двух стран, продолжающиеся по настоящее время. Еще в конце 1986 г., по сообщению журнала МБЕР, Рафсанджани дал понять, что он не прочь возобновить контакты с американскими торговцами оружием. В декабре того же года во Франкфурте произошла встреча госсекретаря Шульца, представителей Госдепартамента США, ЦРУ с иранскими официальными лицами, на которой обсуждалась проблема улучшения отношений между США и ИРИ и вопросы дальнейших поставок оружия ИРИ. Результаты, к которым пришли обе стороны в ходе переговоров, обнародованы не были.

В марте 1987 г. администрация Р.Рейгана приняла решение разрешить экспорт в ИРИ компьютеров на сумму в 900 тыс.долл. В апреле 1987 г. представители иранских деловых кругов обратились к двум ведущим американским компаниям, производящим буровое оборудование для нефтяной промышленности с просьбой начать переговоры относительно прямых поставок американского бурового оборудования на сумму в 5 млн.долл. В конце августа 1987 г. Х.Рафсанджани вновь обратился к американской стороне с предложениями помочь освободить американских заложников в Ливане в обмен на освобождение ливанских шиитов, удерживаемых в Израиле.

Необходимо отметить, что эти контакты подвергались резкой критике со стороны министра обороны США К.Уайнбергера, который в своих заявлениях настаивал на полном запрещении поставок в Иран каких-либо товаров, кроме медицинского оборудования. Он подчеркивал, что США выглядят по меньшей мере странно, продолжая торговать со страной, чья экономика работает на войну, к тому же США не могут полностью контролировать, как именно будут использованы их товары. Давление со стороны военных кругов оказалось достаточно сильным, и в октябре 1987 г. Сенат США единогласно принял решение о введении эмбарго на импорт товаров и сырья из Ирана, включая нефтяные продукты.

Представляется, что в основе этого решения лежало стремление США воздействовать на Иран, чтобы он прекратил военные действия в Персидском заливе. В этих же целях США усиливают свое военное присутствие в этом регионе. Скорее всего, такие действия США воспринимаются в ИРИ (как и ввод американских военных кораблей в 1979 г. во время захвата заложников в Тегеране) как превентивная мера, направленная на предотвращение каких-либо действий со стороны СССР. Подобное восприятие действий США во многом поддерживается высказываниями американских политологов, ученых и средствами массовой информации. Приведем типичное высказывание из журнала МБЕР: "На самом деле Советский Союз, а не Иран является истинной причиной беспокойства США в вопросе о безопасности залива... Приоритетная цель политики США на Среднем Востоке — помешать распространению советского влияния"⁶.

Необходимо отметить, что мнение американских ученых по этому вопросу несколько расходится с мнением администрации США. Например, американский историк Р.Рамазани предостерегает политиков Соединенных Штатов от чрезмерного военного давления на Иран. По его словам, опасность этих действий заключается в том, что слиш-

ком сильный нажим на Иран может помочь радикально настроенным иранским элементам в их борьбе против прагматиков, что крайне невыгодно США.

Особое влияние на связи США и ИРИ оказывает позиция лидеров Исламской Республики Иран в отношении Республики Афганистан.

Еще в мае 1978 г. газета "Кейхан" писала об идеологической несовместимости ислама и коммунистической идеологии. "Новый режим в Афганистане является угрозой для Ирана и Пакистана. Иран и Пакистан не опасаются военной или же экономической угрозы со стороны Афганистана. Опасения вызывает присутствие в регионе коммунистического государства, поскольку Иран и Пакистан - мусульманские страны, а коммунисты против ислама". Подобная нетерпимость усилилась с приходом к власти в Иране религиозных кругов. Например, 12 февраля 1987 г. на встрече с руководителями восьми контрреволюционных афганских группировок Х.Рафсанджани заявил, что ИРИ считает вопрос об Афганистане своим собственным вопросом и рассматривает победу афганских мусульман как свой собственный триумф, и призвал их также крепить единство в борьбе с врагом (имеется в виду СССР. - И.Ф.). В настоящее время в Иране насчитывается около 2 млн. афганских беженцев и около шести афганских крупных военных формирований ("Партия свободы", "Освобождение племен" и др.). При поддержке иранского правительства издаются журналы, содержащие материалы, направленные против Республики Афганистан и присутствия там ограниченного контингента советских войск. О перспективности сотрудничества США и ИРИ в этом направлении неоднократно указывал американский историк Ш.Чубин, который считает, что в случае окончания войны с Ираком помощь правящей группировки ИРИ афганским контрреволюционерам может усилиться.

На наш взгляд, в ближайшем будущем будет происходить постепенное сближение США и ИРИ, которое имеет как объективные, так и субъективные причины. При этом основными направлениями политики США в отношении ИРИ будут следующие:

- давление на ИРИ по дипломатическим и экономическим каналам в целях прекращения войны в Персидском заливе;

- признание де факто исламского режима в Иране, но решительный протест против его распространения за пределы ИРИ с помощью открытых военных действий или террористических актов;

- нетерпимое отношение к террористическим актам против США вплоть до встречных военных действий;

- признание необходимости экономической помощи Ирану и поощрение участия западных стран в восстановлении иранской экономики;

- дипломатические отношения не будут устанавливаться при наличии антиамериканизма в государственной политике руководства Исламской Республики Иран.

1 Например 28.12.1986 г. премьер-министр ИРИ Х.Мусави заявил: "Иран никогда не помирится с США", или же в марте 1987 г. он подчеркнул в своем выступлении, что "США должны понимать, что у ИРИ достаточно длинные руки, чтобы дать США пощечину в любой части света".

2 "Times"; Цит. по: "The Statesman", March 11, 1987.

3 МЕЕД, 1987.

4 ТАСС 16.11.1986 7-AM.

5 Это мнение было им высказано во время беседы в ИВ АН СССР 28.08.1987.

6 МЕЕД, 1987.

В.Кляшторина

ТРАКТОВКА СОВРЕМЕННОЙ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ИРИ

(вторая половина 80-х годов)

Проникновение исламского элемента в современную культуру Ирана, его духовную жизнь стало заметно ощущаться уже с конца 60-х годов. Оно проступило ярче всего в культурологии и общественной мысли, знаменуя не столько усиление влияния религиозности как таковой, сколько поиск варианта пути развития страны — поиск альтернативы как капитализму, так и социализму. Исламская традиция (и, конечно, политическая роль шиизма в истории Ирана) тогда рассматривалась либеральными иранскими идеологами, философами, публицистами как возможный вариант разработки основ нового общества, как вариант преодоления неравноправных отношений между Востоком и Западом. Интерес к исламу в разного рода культурологических концепциях знаменовал собой рост национального самосознания в Иране и способствовал разработке национальной специфики культуры государства. В целом этот сложный и многозначный процесс в иранской идеологии можно рассматривать как показатель возрастания роли культурного национализма в жизни общества.

В 80-е годы идеи об исламском пути развития стали приобретать в Иране сугубо прагматический характер, превращаясь в идеологическое обоснование власти исламского режима в стране. Эти же идеи использовались для историко-культурного обоснования религиозного характера массовых движений протеста в других странах мусульманского региона. Именно поэтому изучение современной

исламской литературы в политической практике ИРИ может способствовать лучшему пониманию таких региональных проблем развития, как политическая роль шиизма на Востоке.

В процессе антимонархической и антиимпериалистической борьбы в Иране в 70-е годы, наряду с воздействием марксистских идей, усилилось и воздействие на массы "исламского социализма" и исламской идеологии в целом. Представления о социальном равенстве, справедливости, о социальной активности личности, представления о братстве со всеми угнетенными и униженными, воплощенные в идеях шиизма, находили широкий отклик в массовом сознании. Духовный багаж молодых участников антишахских выступлений — моджахедов и фedaев — формировался как под влиянием религиозно-этических взглядов светского исламиста Али Шариати, проповедей аятоллы Талегани, так и литературной публицистики Д. Але Ахмада, художественной прозы Г.Х.Саади, Самада Бехранги и Феридуна Тонкабони. Основной пафос этой литературы был направлен на воспитание непримиримости к тирании, непреклонности в защите идей социальной справедливости, готовности к вооруженной борьбе ради новых идеалов жизни.

В прогрессивной художественной литературе 60-70-х годов, сыгравшей существенную роль в формировании революционного студенчества и учащихся пропагандировались идеи интернациональной солидарности со всеми борющимися народами мира, идеи сочувствия чаяниям всех угнетенных. Столь же отчетливо прослеживалось в литературе критическое восприятие современного состояния страны, критическая переоценка ее культурных и исторических традиций.

Период 60-70-х годов был отмечен в литературе и общественной мысли ростом идей самосознания личности, ростом ее нравственных, культурных и социально-политических представлений. Литература воспитывала политически активную личность, осознающую свою ответственность за исторические судьбы народа.

Иранское общество 70-х годов открыто воспринимало явления мировой культуры и вело широкую полемику с буржуазной массовой культурой Запада. Примечательной чертой духовной жизни тех лет, наблюдаемой в литературе, в религиозно-политической деятельности светских исламистов и шиитских проповедников была сопричастность к судьбам и борьбе народов разных стран — Греции, Алжира, Ирландии, Латинской Америки, палестинцев.

Установление теократического режима власти в стране после 1979 г. стимулировало формирование и внедрение в социально-поли-

тическую и культурную практику страны новых, жестких норм жизни общества. Исламизация политической структуры, экономики, социальных отношений, направленная на упрочение власти нынешнего шиитского режима, отчетливо проявляет себя и в области культуры и идеологии.

Перед официальной идеологией ныне ставится задача, переосмыслив накопленные в ходе освободительного движения и борьбы политические и культурные традиции, создать достойную историко-культурную ретроспективу новому феномену современного исламского государства, создать понятия новой исламской культуры и литературы. А для этого необходимо ослабить, а со временем искоренить из памяти людей, и прежде всего из памяти молодого поколения, представления о недавнем прошлом. И одновременно заново создать, противопоставив многовековой эпохе монархии новую трактовку истории, а также и новую художественную систему образов, выделить систему ценностей, опирающуюся только на традиции мусульманства, или еще конкретнее, — традиции шиизма, в его огрубленном, урезанном варианте, приспособленном к политическим потребностям исламского режима.

Что же предпринимается для достижения этих целей в области образования, и в частности преподавания литературы?

С 1983–1984 учебного года в четвертых классах средних школ ИРИ вместо курса современной персидской литературы вводится новый курс "Литература исламской революции". Отдел программ школьного образования министерства просвещения ИРИ выпустил специальный учебник, вернее хрестоматию, — "Литература исламской революции", составленную в соответствии с новыми идеологическими установками. Содержание книги, ее композиция, тексты, введение дают возможность ответить на вопросы: "Каким бы хотело видеть сегодня исламское руководство сознание учащихся — будущих граждан ИРИ? Каковы требования официального руководства исламского государства, предъявляемые к культуре?"

Важно отметить, что через два года после выхода в свет упомянутого учебника в 1986 г. он был переиздан на фарси в Индии для студентов (говорящих на урду), изучающих фарси в Делийском университете¹. Все материалы учебника, включая введение, стихи, прозу и публицистику, снабжены подробным комментарием на урду — текстологическим, источниковедческим и идейно-политическим, облегчающим восприятие данных текстов современным читателям, владеющим урду. Обращает на себя внимание восторженно-

комплиментарное истолкование событий иранской революции, деятельности Хомейни, политика и практика современного руководства ИРИ. Все, излагаемое в книге, — отношение к политическим событиям в Иране 1978 – 1983 гг., оценка религиозных событий (даваемые в учебнике с позиций официальных властей ИРИ) — трактуется в комментарии на урду как правильное, логически закономерное и исторически обусловленное не только для Ирана, но и других мусульманских стран.

Таким образом, знакомство с содержанием учебника дает возможность понять, как авторы учебника пропагандируют цели формирования духовного облика молодого поколения страны и то, каким хотят видеть этот облик исламские правители.

Основное место (по объему) в учебнике отведено текстам посланий и речей Хомейни, затем следует массовая религиозная поэзия, газетная публицистика. Все материалы связаны исключительно с ходом и развитием "исламской революции" в основном после 1979 г.

Структура книги такова: в первом разделе "Введение" — обосновывается понятие "литература исламской революции", даются исторические рамки, периодизация и историография современного исламского движения, вскрываются его идейные истоки и традиции². Второй, основополагающий раздел — "Послания имама", в котором Хаменеи (президент ИРИ) дает пространную характеристику личности имама, особенностям его посланий, наделяя их эпитетами "вдохновение народа", "летопись революции". Затем следует текст двух посланий имама — "К женщинам Ирана" и "К мусульманам мира"³. В третьем разделе "Революция, ее корни и идеи" — газетно-публицистические панегирические статьи перемежаются со стихами, прославляющими революцию. Здесь также находим две поэмы-месневи "Воспоем вместе это время", "Сверкающее солнце исламского джихада", газель "Сорванные цветы", статьи — "Расшифровка букв, составляющих слово "пасдар"», "Что такое религиозный деятель?" К этому материалу примыкает и статья известного шиитского кумского проповедника Мортеза Мотакхари "Исламское движение Ирана", которая дает философское обоснование того, почему во главе современного массового движения социального протеста в Азии может стоять только исламский религиозный деятель⁴. Сюда же относится и полемическая статья с "опровержением" положений исторического материализма под названием "Идеология дьявола в действии"⁵. Четвертый раздел — "Народ и революция" — со-

держит стихи и публицистические статьи, одна из которых посвящена демонстрации в память жертв "кровавой пятницы" (8 сентября), статья "Мечети Москвы и Ленинграда", касыда "О ты, идущий по пути ислама"⁶.

В пятом разделе – "Война" – 7 стихотворений в жанрах четверостиший и робаи, статьи о смысле шехадата и одна из них под названием "В страну влюбленных". В шестом разделе "Рассказы и пьесы" помещена пьеса, воскрешающая эпизоды революции, – прибытие в Тегеран имама Хомейни, освобождение узников из тюрем и заключение под стражу бывших хозяев страны, помещиков, капиталистов, американских советников и саваковцев. Второй литературный материал этого раздела – рассказ "Господин Мехребан" строится как воспоминание молодого участника революции о своих школьных годах, когда учитель впервые на уроке истории раскрыл своим ученикам правду о колониальной политике Америки⁷. Седьмой раздел "Шахид и шехадат" содержит многочисленные дневники шахидов, их завещания, стихи, а также выдержки из статьи Али Шариа-ти о религиозных основах шехадата⁸.

Знакомство с содержанием и структурой книги позволяет нам сделать заключение о сужении исторического и культурного диапазона учебных материалов. Авторы учебника сознательно ориентируют учащихся только на четырехлетний период, прошедший со дня победы революции, ибо, как считают авторы "Введения", "период этот по величию, глубине и историческому значению не имеет себе равных в прошлом"⁹.

Прежде чем обосновать понятие "литература исламской революции", делается попытка вначале утвердить значимость исламской революции для настоящего и будущего страны и региона. "Хотя не прошло еще и четырех лет со дня победы революции и установления исламского режима и этого короткого промежутка времени недостаточно для того, чтобы древо нашей революционной литературы начало плодоносить и могло при этом обнаружить степень совершенства, соизмеримую с классикой..., тем не менее этот четырехлетний период в сравнении с любыми четырьмя годами в нашей истории не имеет себе равных по величию и глубине происшедшего. Исламская революция столь кардинально изменила образ мыслей всего народа, что каждый ее день может быть приравнен к тысячелетиям нашего прежнего существования"¹⁰.

Очертив круг исторической памяти учащихся четырьмя годами революции, учебник подводит под этот период пятнадцатилетний

фундамент созревания революции, фактически повторяющий этапы жизнедеятельности Хомейни в 1963–1979 гг., углубляя "корни" события четырнадцатью веками существования исламской культуры¹¹.

Укрепив таким образом историческую и идейную значимость понятия "исламская литература", авторы учебника, скрытые за общим названием "Отдел программ школьного образования министерства просвещения", провозглашают и принцип отбора художественных произведений, диктуемый, во-первых, преданностью поэтов и писателей делу революции, полезностью литературы делу ислама и, во-вторых, чистотой и искренностью слова, красотой стиля и изложения. Объем определяется прежде всего степенью важности тематики¹².

Декларируя стремление по возможности представить образцы разных жанров в поэзии (касыда, газель, робаи), а в прозе – репортажи, статьи, отрывки из исторических, политических, социологических работ, рассказы и пьесы, авторы учебника вновь и вновь подчеркивают его идейную и тематическую направленность: «Основная черта всех этих произведений – чувство беззаветной храбрости, поступки наших героев во время революции или на фронтах "навязанной войны". И такая направленность не случайна, ибо нет ничего более поразительного в этой войне, чем героизм наших шахидов. Вот почему большая часть произведений посвящена описанию этого самого прекрасного сюжета, воспеванию красоты совершенного подвига»¹³.

Итак, учебник строго регламентирует исторические рамки, тематику произведений, идейно-политическую чистоту авторов, которые должны продемонстрировать "преданность исламскому движению, имаму и исламскому правительству с 1962 г. и до установления исламской республики"¹⁴.

Из литературных материалов учебника оказались исключенными произведения даже таких значимых для массового религиозно-политического движения авторов, как Самед Бехранги, аятолла Талегани. Литературные тексты занимают в учебнике немного места, все отдано материалам чисто религиозным, религиозно-публицистическим и массовой поэзии, прославляющими идею шехадата.

Примечателен в учебнике раздел, призванный дать учащимся представление об идеологии марксизма и диалектического материализма с позиции исламской религиозности. Эту задачу выполняет статья Абдолкерима Соруша "Дьявольская идеология в действии" ("Идеологий шейтани дар амал")¹⁵. Статья выдержана в духе му-

сульманской проповеднической риторики и рассчитана на массовое восприятие. Ее цель – "разоблачение" марксизма, создание у учащихся стереотипа "враждебности", "несовместимости" материалистической философии исламскому миру и исламской идеологии. Учащимся внушается, что марксизм подавляет духовность в человеке, отвергает такие понятия как совесть, любовь, гуманность, жертвенность.

"Исторический материализм, – пишет указанный автор, – исходит из того, что все человеческие желания, мечты, привязанности, все устремления и усилия людей – суть производные от классовых, исторически обусловленных процессов, возникающих в ходе истории, и поэтому эти величайшие и глубочайшие представления человечности не принимаются во внимание. Тем самым это учение демонстрирует свою ущербность и бесплодность. Этот метод тех, кто описывает неодушевленную природу как мертвый памятник, механически расчленяя природу на части, пытаясь найти ключ к пониманию отдельных элементов многообразия жизни и мира. И, таким образом, проблема изучается лишь внешне, а не по сути. Вот почему в их исторических исследованиях и описаниях совершенно игнорируются такие великие и знаменательные в истории явления, как проявления жизни человеческого духа – факты религиозности и жертвенности во имя любви, проявления искусства либо игнорируется, либо сильно искажаются.

Поскольку сами они не верят в бога и не верят в духовность, они не могут себе представить, что и другие люди могут жить с верой. И поскольку религиозность и духовность для них самих лишена всякой притягательности, они считают, что и для истории эти факторы служили лишь внешней оболочкой, а сущность важных исторических событий складывалась под воздействием совсем других сил... Вот почему Петрушевский называет шиизм "религией угнетенного крестьянства", а Энгельс пишет, что средневековые антифеодальные войны выливались в религиозную форму"¹⁶.

Кроме "общеметодологических" целей "развенчания" марксизма статья ставит и чисто прикладные, политические цели – выпад против левых противников режима, деятельность которых демагогически подверстывается к проявлению дьявольской идеологии в стране. "Эта дьявольская идеология нацелена на смуту. Она гасит светильник, чтобы в темноте творить свое черное дело, воздвигает фальшивый призыв к единству, чтобы на деле усилить разлад. Она признает смутьянов, которые и являются подлинными последователями

дьявола. Она вносит смуту, брожение, разлад и бесчеловечность в обществе..."¹⁷.

В статье поставлено несколько целей: во-первых, создать у учащихся стереотип враждебности исторического материализма по отношению к государству ИРИ, доказать несостоятельность этого учения в исламском регионе, опираясь на примитивные пропагандистские приемы и демагогические клише запретов и проклятий. Во-вторых, статья призвана "пристегнуть" к стану врагов ислама левую оппозицию, объявляемую "приверженцем дьявольской идеологии", в-третьих, такие понятия как жертвенность, мистицизм, способность к религиозной экзальтации статья истолковывает как важнейшие качества личности – гражданина и патриота ИРИ. "Марксизм считает, что все эти невежественные люди, погружившиеся в глубины озарений, экстатических состояний, жаждущие так называемой духовности мистики и религиозности – это всего-навсего слепая игрушка в руках истории, так как эти люди не отдают себе никакого отчета в мотивах собственных поступков. Тот, кто отдал дань духовным исканиям, кто посвятил сердце религии, сталкиваясь с подобными рассуждениями, должен защищать свой принцип духовности, должен мобилизовать свои силы и дать отпор чуждой идеологии"¹⁸.

Таким образом, по мнению составителей, сознательная вульгаризация марксизма должна выработать у учащихся стойкое представление о несовместимости этого учения с идеологией и политикой ИРИ, а поскольку в учебнике нигде более не разбираются и да и не упоминаются никакие другие (ни идеологические, ни материалистические) философские школы, существующие на Западе, исторически материализм, диалектика, марксизм выступают в качестве главной и единственной идейной оппозиции исламской идеологии ИРИ.

Если обратиться к тому, как представлено в учебнике наследие исламского революционного движения, то здесь также обнаруживается немало неожиданного. Начисто отсутствует даже упоминание об аятолле Талегани. Из всего, написанного Али Шариати – столпа светского исламизма и "исламского социализма", составители приводят лишь несколько страниц его историко-философской книги "Шехадат", посвященных религиозному подвигу имама Хосейна. Тематически отрывок А.Шариати вписывается в композицию учебника, но по своему духу разительно отличается от аналогичных современных соседствующих с ним материалов на эту же тему, ибо он пропитан призывом к утверждению жизни, к революционному действию. Текст А.Шариати, написанный в период подготовки революции, в конце

60-х – начале 70-х годов в сравнении с сегодняшними материалами свидетельствует о том, как изменилась ныне трактовка шехадата и концепция личности в исламе. Жертвенность имама Хосейна у Шариаги – это сознательный, гражданский акт выбора пути для человека во имя торжества жизни. Жизнь для него (Хосейна) – это сознание и сознательное действие, и потому, если он живет, смысл его жизни в ответственности за действие во имя убеждения...¹⁸ Кто в нашей истории более достоин, чем Хосейн осуществлять жизнь и заслужить право оставаться живым? Право быть человеком – дышать, знать, верить. Жизнь вселяет в человека ответственность действия ("мас'уле джехад") И Хосейн являет собой высочайший пример живой человеческой сущности любви и знания... "Ты должен сражаться, не имея оружия и при этом сохранять верность своему долгу", – таково решение Хосейна. И он выносит это решение, говоря: "Да!...". И никто не мог быть равным в его убежденности, как надо умирать.¹⁹

Этим не обладали его враги, правившие миром. Вот почему одинокий герой одержал блестящую победу над полчищами врагов и добился решительного и несомненного преимущества. Вот каким образом родился великий учитель шехадата, вразумивший всех тех, кто до этого понимал победу над врагом только как превосходство сил. Он доказал, что шехадат – это не поражение, а выбор, когда моджахед, жертвуя собой, одерживает победу в храме свободы перед михрабом любви...

Такого рода поступок – доказательство существования в мире ценностей, отвергаемых и попираемых властью деспота, такой поступок – это революционный протест против власти тьмы, это крик гнева перед лицом молчания...¹⁹

Сопоставление восприятия шехадата у А.Шариаги с современным материалом по теме "шехадата", широко представленным в учебнике публицистикой, дневниками шахидов, массовой поэзией, свидетельствует о том, что сегодня трактовка этого понятия доводится до своего логического абсурдного завершения, вытекающего из политико-идеологического императива ИРИ.

Не только в данном учебнике, но и в религиозной и политической пропаганде, идеологии, в массовой поэзии второй половины 80-х годов отчетливо зазвучал мотив "радости смерти" во имя идеалов "исламской революции". Сегодня, когда на фронтах ирано-иракской войны гибнут многие тысячи молодых иранцев, мотив жертвен-

ности звучит в массовой поэзии, воплощаясь в образах построенных на основе опрокинутой логики, оправдывающей естественность отказа от жизни.

Восторженное восприятие революционного переворота 1979 г. молодежной средой, молодыми поэтами выражается сегодня в неожиданном повороте к суфийским мотивам, связанным с поиском мистической возлюбленной и соединения с кумиром. По мере трансформации социально-психологического климата в стране – нагнетания воинственных шовинистических настроений в связи с ирано-иракской войной – в массовой поэзии воспевание акта смерти, мистической радости расставания с брэнной оболочкой мирской жизни становится постоянным. Обычная жизнь рисуется как низменное, животное состояние, недостойное человека, достигшего ступени совершенства и близости к богу. Вот типичный образец массовой поэзии 1987 г. – четверостишие в память шахиды М.Багер Гиязи.

"Удивительно

Видеть влюбленных, дорожащих своим телом.

Неудивительно, если жертвуют жизнью

Удивительно, если ее сохраняют"²⁰.

Подобного рода стихами наполнена вся сегодняшняя пресса ИРИ, их дополняют завещания шахидов, в которых они излагают свое кредо. Эти материалы дают возможность ощутить степень духовной экзальтации и эмоционального накала, искусно используемых религиозниками в своих целях. В публикуемых завещаниях повторяется мысль о праведности жизни имама Хосейна, о неизбежности и логической закономерности шехадата. Так, в "васият-наме" (наказе-завещании) пасдара Али Моради, приведенном в анализируемом учебнике литературы, читаем: "Ни за что не верьте, что люди, ставшие шахидами, – умерли на пути к богу. Нет – они вечно живые и останутся такими перед богом навсегда. Я – пасдар, продолжатель наследия крови пятнадцати веков красной линии шехадата на протяжении всей непрерывной истории шиизма. На моих плечах – тяжелый груз ответственности. Я смело смотрю в будущее, я думаю о прошлом. После дум и размышлений я понял: два выбора предо мной. Один – как путь Хосейна, как путь других шахидов в прошлом, надо искать и выбрать их путь, присоединиться к ним. Другой – жить как мусульмане-отступники, потомки Язидов^х. Жить в этом мире, подобно

^х Язиды – три суннитских омейядских халифа, символ жестокости, низменных чувств, нарушения мусульманских основ. Язиды преследовали праведных шиитских халифов.

животным: есть, пить, спать, не совершая никаких поступков и хиджрата, опуститься, жить низменным, отторгнутым богом, отвергнутым праведной кровью шахидов. А на том свете — гореть в огне ада. И я выбрал первый путь. Прежде всего, оглядывая мою исламскую родину, мою страну, я вижу много недостойного, множество препятствий — животных в облике людей, встающих на пути совершенствования человека и порождающих в разных краях моей родины смуту и резню.

Я вижу также, как с Востока и Запада полчища наемников собираются тучей вокруг моей родины, обуреваемые жадной уничтожить ислам и нашу исламскую революцию. Они хотят опять пустить на ветер кровь сотен тысяч шахидов, они вновь и вновь вынашивают заговоры уничтожения исламской революции, ибо боятся, что она станет всемирной... Я один из солдат ислама и сын имама Хомейни, я принял решение осуществить свой долг, послужить освобождению своих соотечественников...²¹.

Посвящая большую часть учебника материалам о шехадате, авторы стараются внушить учащимся мысль о естественности "войны за веру для каждого гражданина ИРИ", а творческие способности и навыки ученика свести лишь к готовности воевать и уметь составить завещание шахида. Этим задачам оказалась подчиненной и интерпретация классической литературы Ирана, творчество таких прославленных поэтов как Джелаледдин Руми и Хафиз. Цитаты из их произведений как бы призваны подкрепить решимость шахидов, стать основой философии жизни — служения богу и смерти — как добровольного и священного долга человека. "Обдумывая свое решение ухода к богу, — пишет в завещании один из шахидов, — я вспомнил великого Моулави, провозгласившего:

Этот мир подобен дереву, о великодушные,
Мы на нем — словно полусозревшие плоды.
Незрелые плоды крепко держатся на ветке,
Как сырая дверь, распирающая стены дворца.
А когда созреют (плоды) и станут желанными
для уст,

Ослабеет сила, держащая их на ветке ...

Как прекрасно сказал Моулави, когда он уподобил созревающий плод человеку. Он говорит, — этот незосревший плод, но

достигший совершенства крепко держится за дерево, но постепенно, по мере роста и созревания его зависимость ослабевает и тогда человек может этим воспользоваться. Какой удивительный урок! Все во мне содрогнулось и пришло в движение, когда я понял это. Но решимость моя еще возрастает, когда я вступаю на путь роста, зрелости и совершенства. Если же этого не произойдет, я смиренно подчинюсь воле бога и ограничениям жизни... Когда великий Али говорит, что клятва богу сильнее, чем привязанность дитя к материнской груди, разве можем мы при этом испытывать страх перед смертью. Ведь, "кровавая смерть, лучше чем презренная, бесчестная жизнь"²².

Благодаря искусному использованию настроений послереволюционной исламской эйфории, стихийно продолжающих распространяться в массовой религиозно-патриотической поэзии, идеологический аппарат внедряет в сознание молодежи идеи иступленного фанатизма, исламской исключительности, жертвенности во имя "исламской республики", ощущение враждебности остального (западного) мира по отношению к их родине. В этих условиях создается такая социально-психологическая атмосфера, когда идея смерти во имя ислама трактуется как естественный долг каждого молодого гражданина.

О том, что область литературы и культуры рассматривается исламским режимом как важнейший канал контроля над умами и воспитанием населения, свидетельствует также и тот факт, что религиозный культурный центр в Неджефе систематически проводит конгрессы по поэзии ("Конгрейе ше'р о адабият"). Седьмой такой конгресс состоялся в апреле 1987 г. в городе Бахтаре. Он продолжился четыре дня, и участвовало в нем 70 поэтов, литераторов, а также представителей литературных объединений из 15 останов. Одновременно по всей стране проходили выставки рисунков, книг, в прифронтовых зонах демонстрировались пьесы и фильмы. Акценты, сделанные в выступлении на этом конгрессе президентом ИРИ Али Хаменеи, свидетельствуют о тенденциях идеологии шиитских бого-словов, суть которой — жесткая исламизированная концепция литературного творчества, воспитание послушных, фанатичных солдат, чьи духовные потребности должны быть замкнуты на служении религии, исламскому государству, основаны на недоверии к окружающему миру и восприятию его как сферы распространения идей "исламской революции". "Сегодня, когда живительный дождь исламской революции взрастил на полях мира тюльпаны, возвестившие

миру лозунги мировой исламской революции, угнетенные в разных концах этого несовершенного мира свои мечты, свои порывы и переживания доверили поэтам нашей страны – тем, кто никогда не бросал свое искусство, сверкающие драгоценности мыслей, вкуса, под ноги свиней и владельцев материальных ценностей. Если наши деятели искусства будут черпать вдохновение в прекрасной деятельности наших шахидов и держать в руках стяг, обогранный их священной кровью, тогда они смогут удовлетворить священную жажду молодежи мира к чистому духовному источнику. Именно в этих целях проводятся наши конгрессы поэзии и литературы"²³.

Оценивая изменение идейных и нравственно-психологических ориентиров в массовой литературе и в официальной политике по отношению к преподаванию литературы и развитию культуры, прошедших во второй половине 80-х годов, мы можем констатировать следующее.

В системе школьного преподавания современной литературы и в идеологии ИРИ имеет место подгонка и фальсификация недавней истории с целью создания идеализированного образа революции, оправдывающего действия ее вождей и участников. Из обихода культуры исчезают идеи "исламского социализма" А.Шариати, идеи исламской политической активности Талегани, всячески дискредитируется роль левых сил в прошлом и настоящем.

Учащимся вместо критики буржуазной псевдокультуры прививаются неприятие и непримиримость в отношении таких понятий, как гегелевская диалектика, марксизм, исторический материализм. Столь популярный в пропаганде 1980–1984 гг. политический лозунг "Ни восточное, ни западное, только – исламское", символизировавший самостоятельность и самообытность нового исламского общества – ИРИ и независимость политического курса во внешней и внутренней политике, ныне почти исчезают с идеологического горизонта и со страниц периодических изданий.

Изменились идейные установки в художественной литературе. В поэзии получила распространение преимущественно массовая религиозно-патриотическая поэзия, воспевающая воинский подвиг – шехадат, как священный долг каждого иранца сегодня. Война в этой поэзии, да и в широкой пропаганде в целом, рассматривается как реальность, пронизывающая все области материальной и духовной деятельности гражданина. Этот настрой поддерживается постоянной пропагандой величия Хомейни, прославлением его посланий.

Характерная черта литературной продукции исследуемого периода – преобладание произведений непрофессиональных литераторов, так называемая "народная литература" – дневники солдат, репортажи с фронта, завещания шахидов. Основное настроение – передача непосредственного впечатления, религиозно-экстатического состояния любви к богу, к родине, к имаму Хомейни. Надо всем превалирует господство массовой психологии, ее стереотипов, сформировавшихся под воздействием пропагандистского аппарата, который умело, с большим знанием дела подогревает и направляет в нужное русло стихийные настроения молодежи, революционную эйфорию и религиозные чувства.

Понятие культурного наследия также претерпело серьезные изменения в контексте современной политики и идеологии. Отчетливо заметна тенденция сужения и сокращения рамок национальной истории, которым оперирует официальный аппарат. Процесс регламентации, усечения культурного наследия в основном совпадает с этапами политической истории ИРИ.

Первый этап, знаменующий собой победу "исламской революции", начинается с 1979 г., в этот период культурное наследие в общественном сознании Ирана связывается только с периодом ислама. Доисламский период, олицетворявший традиции монархии Пехлеви, в истории страны как бы оказывается исключенным.

Второй этап начинается с момента ирано-иракской войны в 1980 г. В понятие культурного наследия народа включается преимущественно только факты истории шиизма.

Третий период с 1984 г. по настоящее время. Культурное наследие теперь объемлет только период "исламской революции" (четыре года) плюс ее подготовительный период, начиная с 1962г. Все события, происшедшие в Иране, рассматриваются сквозь призму деятельности Хомейни и фактов его биографии. И только иногда звучат упоминания о четырнадцати веках ислама. Важная пропагандистская роль отводится международному аспекту "исламской революции" и современной исламской культуре, в частности распространению в мусульманском регионе современных материалов по культуре ИРИ.

¹ Адабияте энгелабе эсламийе Иран. Ханейне фарханге джомхурийе эсламийе Иран. Дехли ноу. Бе эхтемаме доктор Махмуд Алем (1986); Литература исламской революции Ирана. Дели (1986).

- 2 Литература исламской революции Ирана, с.3.
- 3 Указ. соч., с.32.
- 4 Указ. соч., с.69.
- 5 Указ. соч., с.91.
- 6 Указ. соч., с.101.
- 7 Там же.
- 8 Указ. соч., с.143.
- 9 Указ. соч., с.4.
- 10 Указ. соч., с.3.
- 11 Указ. соч., с.4.
- 12 Указ. соч., с.5.
- 13 Указ. соч., с.6.
- 14 Указ. соч., с.5.
- 15 Указ. соч., с.91.
- 16 Указ. соч., с.96.
- 17 Указ. соч., с.94.
- 18 Указ. соч., с.96.
- 19 Указ. соч., с.196.
- 20 Кейхан, 10.03.1987.
- 21 Литература исламской революции. Дели, с.179.
- 22 Указ. соч., с.180-181.
- 23 Джомхурийе эслами, 14.04.1987.

Дж.Дорри

ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛИ ИРИ

Захватившая всю полноту государственной власти в ИРИ верхушка шиитского духовенства неизменно идет по пути подавления любого инакомыслия. Под ее строгим контролем находятся общественные деятели и организации, идейные позиции которых не совпадают с официальной идеологией. Представители буржуазии и духовенства, проявившие хотя бы робкий либерализм, смещены на вторые роли либо уволены со своих постов.

Идеология ислама пропитала духовную жизнь ИРИ, культуру и образование. Жизнь в стране контролируется и регулируется множеством институтов — мечетями, революционными комитетами, судами, "стражами исламской революции", исламскими ассоциациями и фондами, басиджем.

Газеты отводят свои полосы, как правило, религиозной тематике или пропаганде бессмысленной, продолжающейся уже 8 лет войны между Ираном и Ираком. Многочисленные статьи с фотографиями юношей-шахидов, погибших на полях сражений, из года в год, месяца в месяц неизменно вызывают к смерти во имя ислама.

Все это не может не отразиться на творчестве иранских писателей. За время правления духовенства были закрыты такие известные журналы Ирана, как "Сохан", "Армаган", "Ягма", "Донья" и другие, помещавшие на своих страницах стихи и рассказы, публицистические статьи, художественные произведения и хронику литературной жизни страны. Сейчас в ИРИ (население свыше 40 млн.) вы-

ходит всего лишь два журнала "Аянде" и "Соруш", где публикуются литературно-художественные произведения и дается информация о культурной жизни страны.

Журнал "Аянде", заменивший ранее издававшийся журнал "Рахнемайе кетаб" ("Книжное обозрение"), свои страницы отводит статьям и рецензиям, посвященным исламской литературе. Издателю — известному литературоведу Ираджу Афшару с большим трудом удается сохранить культурно-просветительские традиции журнала.

Необходимо отметить, что сейчас в ИРИ насильственно внедряется религиозная исламская литература при полном пренебрежении к литературе художественной. Такая линия отвечает главной политической цели шиитского духовенства — во что бы то ни стало добиться единовластия и единомыслия в рамках жестокой диктатуры.

Период свободы слова для иранских писателей продолжался немногим более года (1979–1980). Затем положение творческой интеллигенции Ирана стало намного тяжелее, чем даже во времена шаха. Прогрессивные литературные деятели теперь не только лишены возможности публиковать свои произведения, но и сама их жизнь подчас находится в опасности. Расхождение во взглядах с руководством ИРИ привело к тому, что многие из них арестованы, другие — в глубоком подполье, большинство эмигрировало.

В обстановке деспотической власти шиитского руководства оставшиеся в Иране прогрессивные писатели продолжают свою творческую деятельность. Несмотря на жесткие рамки, в которые поставило иранскую литературу шиитское духовенство, писатели тем не менее пытаются отобразить реальность ИРИ. Правда, это сделать в условиях современного Ирана нелегко, поэтому им приходится использовать различные приемы иносказания и аллегории. Они расхваливают "исламскую революцию", ругают шаха, его порядки и социальную несправедливость, но так, что внимательный читатель получает возможность увидеть проводимую ими аналогию между сегодняшним днем и временами шаха.

Один из прогрессивных писателей Хосроу Насими в своем романе, написанном в 1982 г. "Люди с грязными воротничками" ("Яхэ черкинха") воссоздает политические события июля–декабря 1978 г. Под "грязными воротничками" подразумеваются люди из народа. Автор описывает реальные события тех лет, выступления масс, свержение шаха. На страницах романа воспроизведены реальные события — расстрел демонстрации на площади Жале в Тегеране

8 сентября 1978 г. и поджог кинотеатра "Рекс", всеобщие траурные процессии и вооруженные столкновения народа с регулярными войсками.

Действие в романе разворачивается на юге Ирана, в одном из нефтедобывающих районов Хузистана. Герои произведения рабочие Али и Рахман, участники революции. Али — молодой революционер, талантливый организатор. Его помощник Рахман — неграмотный крестьянин, сына которого убили жандармы, а дочь умерла от голода. Али и Рахман распространяют листовки, выступают перед народом, организуют забастовки. В романе показаны и другие рабочие, которые встают на путь борьбы с шахским режимом. Али погибает, обстоятельства его смерти автор сделал романтически возвышенными: всю вину герой берет на себя и спасает жизнь революционера-туркмена.

Произведение пронизано пафосом величия происходящего: действующие лица размышляют о светлом будущем, о свободе, равенстве, революции. Мы узнаем, что Али, например, читал роман М. Горького "Мать", "Жан Кристофа" и "Очарованную душу" Р. Роллана, "Жерминаль" Э. Золя, "Войну и мир" Л. Толстого, "Как закалялась сталь" Н. Островского, "Поднятую целину" М. Шолохова. Эти литературные произведения служат для героев Х. Насими стимулом к действию, формируют их характеры, воспитывают чувство справедливости и вызывают ненависть ко всякого рода насилию.

Роману Х. Насими предпослан эпиграф — газель поэта XIV в. Хафиза "Не спрашивай о тяготах любви", посвященная мучительному пути влюбленного к своей возлюбленной. Под "влюбленными современниками" автор подразумевает участников освободительного движения. В суфийской символике слово "возлюбленная" обычно трактуется в значении "предмет желания", а "любовь" — как "путь достижения его". Здесь за этими поэтическими терминами стоят понятия "революция" и "революционная борьба".

Подобная революционно-поэтическая символика, применяемая для осмысления политических и духовных категорий иранской действительности, проходит через весь роман Х. Насими и придает содержанию особую значимость. Поэтому герои в своей речи довольно часто употребляют строки из Хафиза или выражают свои чувства стихами современных поэтов. (Использование поэтического языка в разговорной речи — характерная черта персидской литературы).

Соединение лирического и публицистического начал составляют важную особенность стиля романа Х.Насими. В целом же его произведение представляет новую для персидской литературы разновидность пролетарского романа.

У Х.Насими есть еще одна книга "Вести тех лет" ("Ахбарэ ан салха"), написанная в 1983 г. и как бы продолжающая роман "Люди с грязными воротничками". В основе последнего произведения лежат события, заканчивающиеся февралем 1979 г., то есть прибытием в Иран Хомейни.

Показывая события шахского времени, другой иранский прозаик Махмуд Доулатабади в своем романе "Пропавший Солудж" (1983 г.) повествует о трагической судьбе крестьянской семьи. Действие происходит во времена "белой революции", однако остро поставленных в ней проблем, позволяет читателю почувствовать и понять существующую в сегодняшнем Иране социальную несправедливость.

А.Махмуд

Известный иранский прозаик ~~А.Махмуд~~ создал роман "Выжженная земля" ("Заминэ сухтэ"), посвященный трагической войне между Ираном и Ираком, бедствиям людей, вынужденных участвовать или быть свидетелями ужасной кровопролитной бойни. Нужно отметить, что тема войны в литературе ИРИ – одна из немногих, дозволенных исламской цензурой.

В современном Иране художественная проза, подчинившаяся идеологии ислама, усилиями "исламских теоретиков" и цензуры духовенства сведена до уровня агитационной проповеди. Так называемые теоретики выдвигают установки и дают образцы художественной прозы, которым необходимо следовать. В статье "Взгляд на искусство написания исламского рассказа" провозглашается, что при написании рассказа все творческие помыслы автора должны быть устремлены на поиск схемы, берущей истоки из благодатного источника ислама, когда ум писателя не занят высокой мыслью, то это неминуемо приводит к разврату, и писатель никогда не достигнет цели.

Задача современной исламской литературы, по мнению этих "теоретиков", сводится к следующему: "Мусульманский писатель не имеет права разбирать причины пороков и описывать их, ибо сам может запутаться в них, и, таким образом, станет помогать врагам ислама. Мусульманский писатель, воспевая лик возлюбленной, ее красоту, должен показать духовную возвышенность образа, а не его реальное описание. Источником вдохновения мусульман-

ского писателя должен служить священный Коран и при выборе содержания своего произведения автору надлежит помнить, что нет бога, кроме Аллаха, отступление от его заповедей недопустимо"¹.

Современные исламские "теоретики" литературы как дозволенные, с точки зрения шариата, рекомендуют такие темы: "Мученическая смерть за веру", "Война с неверными", "Ислам – защитник обездоленных", "События в Курдистане", "Вражда с Советским Союзом". А вот пример схемы, предлагаемой ими молодым писателям для создания произведения на тему "Мученическая смерть за веру". "Ваш герой – молодежь двадцати лет, ради любви к исламу, имаму и вождю, презрев личные привязанности, несмотря на то, что у него самый счастливый период жизни, отказывается от всего и по приказу высокочтимого вождя – великого имама Хомейни отправляется на фронт, чтобы принять мученическую смерть за веру..."².

По этой схеме строится, например, повесть Акбара Халили "Победа побед" ("Фатх оль фотух") – произведение, типичное для нынешней иранской прозы. Повесть написана в форме дневника солдата. Рефреном произведения является фраза: "Хочу умереть, хочу умереть мученической смертью за веру!". "Я говорил всем вам, что у меня нет другого пути. Я иду на фронт, чтобы умереть мученической смертью!". Диалог молодых людей позволяет читателю еще раз убедиться в том, что установкой шиитского руководства "вести войну до победного конца" протаскиваются в любых формах (будь то художественное произведение или публицистика) и под любым предлогом. Молодая женщина спрашивает: "Зачем же тогда ты женился?"

– Такова воля божья.

– Бог хотел, чтобы женился на мне, а потом умер?

– Да, это мой обет богу... Я хочу умереть женатым".

Отличительная особенность "исламской прозы" – тяга к аскетизму, наслаждение страданиями и трудностями. Герой повести Халили похож на мазохиста в своем страстном желании умереть мученической смертью: "Как мне хочется погибнуть! ... Я уже готов к мученической смерти. Боже, не дай мне просто умереть! Пусть мое тело разорвется на части... Я не желаю попадать в рай и наслаждаться гуриями... Нет, я хочу умереть ради Аллаха и гореть в аду!"⁴.

Исламской прозе свойственны схематизм, заданность. Мертвящий гнет схемы, жесткие оковы нормативов определяют и форму, и

содержание произведений. Уже в зачатке повествования все предельно ясно и однозначно. Финал — это обычно "отрешение" героя, то есть отказ от земных привязанностей и человеческих чувств. Так, например, в рассказе "Фаджр или Таха" ("Фаджр йа Таха") Мохсена Махмалбафа его герой истинный шахид, ни о чем, кроме бога он думать не может: "Каждая моя клеточка заполнена богом". Судьба его жены и будущего ребенка мало волнует, он рассуждает: "Моего будущего ребенка Аллах возьмет на свое попечение. Жена по простетвию дозволенного шариатом срока может выйти замуж за кого захочет..." Перед смертью герой пишет: "Наконец-то я приговорен к расстрелу. Слава Аллаху!!! От всего мира у меня осталось только одно — Коран. Он заменяет мне все. В эти последние дни я испытываю счастье: уже сейчас я вижу бога"⁵.

Образ исламского героя, как правило, описывается с помощью набора штампов. Например, рассказ М. Махмалбафа "Ночь смерти звезды" ("Шабэ маргэ сэтаре") — образец подобного стиля: "Когда его привели, было очень холодно, а он был легко одет. Я отнес ему и другим одежду, но он не взял: "Отдай кому хочешь, мне не холодно"». Или: "Мы решились немного пройтись. Обычно в такой жаркий полдень во дворе никого не бывает. Я был в тапочках, он же босиком шел по раскаленному асфальту, к которому прилипали ступни". Такой аскетизм, по мнению исламских поборников веры, — важная черта героя. В конце этого рассказа приговоренный к смерти отвечает только цитатами из Корана. Во время прогулки по раскаленному асфальту, несмотря на физическую боль, герой деловито сообщает: "Уже несколько ночей я читаю Коран... Я переживаю за своих братьев: они погибли неверующими. Мне бы хотелось, чтобы они попали на тот свет, приняв веру"⁶.

В произведениях, получивших одобрение руководства ИРИ, о борцах, томившихся в шахских тюрьмах, неизменно подчеркивается, что положительным героем может быть лишь верующий, а отрицательным — неверующий, даже если он борец, попавший в тюрьму или погибший. По мнению исламских "теоретиков" и писателей, только те неверующие, на которых в конце жизни нисходит просветление и они становятся мусульманами, могут быть отнесены к разряду положительных героев.

В рассказе того же М. Махмалбафа "Господин писатель" ("Ага-йе нависандэ") показан борец против шахской деспотии, но так

как он — немусульманин, а всего лишь писатель-интеллигент, к тому же нерелигиозный, не совершающий молитв, то и поступает он не как преданный Аллаху человек. В праздничный день возвращения шаха в Иран господин писатель просит надзирателей отпустить его, чтобы доказать шаху свою преданность. Он свободен, а мужественные исламские борцы томятся в тюрьме. Читателю преподносится еще один урок нравственности: неверующий не может быть настоящим, хорошим человеком.

Пропаганда идеологии, которую ее представители сопровождают прилагательным "исламская", отрицание любого другого мировоззрения, обладающего революционным содержанием, призыв к войне как к высшему благу — вот суть почти всех произведений исламских писателей, отражающих позиции шиитского руководства. Тема войны с каждым днем получает все большее распространение в литературе. Идеализация войны — вот задача, которую ставят представители режима перед литературой и искусством. Отсюда и та огромная масса прозаической, поэтической, театральной, кинематографической, изобразительной продукции, воспевающей войну и скрывающей подлинное лицо народной трагедии.

«Этот феномен — пишет иранский критик Бехджат Омид, — уже однажды имел место в истории мировой культуры — в период господства фашизма в Германии, а затем в странах, покоренных третьим рейхом. Появившиеся на страницах официальных изданий Ирана такие рассказы, как "Знаменосец", "Молодой Амир", "Море" и другие, опубликованные в антологиях "Суре", "Камус" напоминают произведения тех, кто воспевал фашизм»⁷.

Мусульманские писатели исламской республики, следуя милитаристской политике правительства, рассматривают войну не как антигуманное, разрушительное явление, а как некий "божественный дар", укрепляющий ислам и власть бога.

В так называемых "исламских рассказах" в противоположность объективным законам жизни все формы творческой деятельности человека оцениваются с точки зрения необходимости их завершения смертью, разрушением, горем. Образцовым для такого рода произведений считается герой, чувства, взгляды, устремления которого ограничиваются пропагандой продолжения войны любыми средствами. Его не должны интересовать ни истинные мотивы, ни конечные результаты этой войны. Мусульманские писатели, отражающие официальную идеологию руководства ИРИ, жонглируют неопределенными общими положениями, полными безумных идей. В таких про-

изведениях все начинается с горя и крови и кончается кровопролитием. За смерть своих соратников, герои, как правило, мстят врагам собственной смертью.

"Эти люди, — отмечает прогрессивный иранский писатель Ф.Тонкабони, — едят руками, не отмытыми от крови, ложатся спать, положив голову на окровавленный камень. Во сне, ослепленные сиянием нимба пророка, они клянутся до последней капли крови бороться за укрепление власти ислама во всем мире... Поэтому-то в исламском лексиконе наиболее употребительное слово "кровь". И это не случайно, сегодня исламская литература — литература крови, лицемерия, обмана"⁸.

Оценивая значение официальной исламской прозы для формирования современного общественного мнения в стране, можно с горечью констатировать, что грубая пропаганда религиозной мелкобуржуазной революционности, ничего общего не имеющей с истинной самоотверженностью и беззаветной преданностью родине, адресована прежде всего молодежи, чтобы воспитать ее в духе беспрекословного подчинения исламским лидерам.

Прогрессивных писателей-эмигрантов объединяют издания, выходящие в Европе и Америке. Несмотря на различия своих литературных взглядов и направлений, литераторов сплачивают их отношение к судьбе иранского народа и отечества.

Иранская литература, критика, публицистика продолжают свою жизнь в эмигрантских изданиях, они отображают и дают объективную оценку событиям происходящим в Иране, бедственному положению народа, последствиям идеологического давления исламской реакции, социальным катаклизмам, деградации современной исламской литературы. В Вашингтоне создано "Общество иранских учителей", цель которого продолжать и изучать традиции и законы развития персидского языка. (Издаются на родном языке сборники).

После революции 1979 г. духовенство и проводимая им политика становятся одной из основных тем сатирических произведений прозы и поэзии эмигрантской литературы. С конца 1984 г. в Кельне (ФРГ) начал выходить альманах "Фаслنامه" ("Ежеквартальный вестник"^х, орган Совета писателей и деятелей искусства Ирана. Совет был создан еще в мае 1980 г. многочисленной группой революционно настроенной интеллигенции с целью защиты свободы мысли и слова, искусства и литературы народов Ирана. В состав те-

перешнего Совета входят многие прогрессивные эмигрировавшие из Ирана деятели литературы и искусства, в том числе Ф.Тонкабони и Сиявош Кясраи.

В издающемся в Западной Германии альманахе публикуются произведения не только писателей-эмигрантов, но и тех прогрессивных литераторов, которые остались в Иране. На страницах журнала был помещен отрывок из книги "Гости этих господ" ("Мехмане ин агайан") известного иранского писателя М.Бехазина, который свыше четырех лет находится в тюрьме по обвинению властей ИРИ. Отрывок называется "Исламское правление", где писатель дает отпор фарисейским рассуждениям шиитских богословов о современном иранском обществе, разбирает с помощью реальных фактов высказывания мулл о том, что религия якобы готова опереться на передовую науку, а представители духовенства — ярые противники деспотизма и империализма. "На деле же, — отмечается в редакторском комментарии к публикуемому отрывку, — хваленое "исламское правление" представляет собой не что иное, как деспотизм, пособничество империализму, плюс невежество, война, смерть, горе, разруха..."⁹.

В память современного выдающегося иранского писателя Голамхосейна Саэди (умер в ноябре 1985 г. в Париже в возрасте 49 лет) в США в конце 1985 г. издательство "Андише" выпустило сборник на персидском языке, в который были включены его статьи, рассказы, пьеса и послесловие самого автора.

В своих произведениях писатель высказывал опасения за судьбу культуры и искусства в современном Иране, он гневно протестовал против уродливых исламских форм, в которые духовенство пытается облечь любые проявления прогрессивной мысли.

Г.Саэди, описывая события, предшествовавшие утверждению в стране деспотического режима, сумел проследить и показать, как разрозненные группы фанатичных приверженцев ислама, сыграв на всеобщей ненависти народа к буржуазным порядкам, порожденным шахской деспотией, стали зародышами так называемых "революционных комитетов" и группировок. Созданная таким путем "Партия Аллаха", придя к власти, учинила разгром оппозиционных организаций под предлогом борьбы с контрреволюцией, произвела чистку кадров в государственных учреждениях, утвердила жесточайшую религиозно-фанатическую цензуру в системе массовой информации.

^х Затем альманах стал называться "Совет писателей и деятелей искусства Ирана".

В ИРИ сейчас очень трудно выступить против официальной линии шиитского духовенства, особенно писателям, которые находятся под строгим контролем властей. И тем не менее голоса прогрессивных писателей и поэтов в защиту своего народа и отечества раздаются. Совет писателей и деятелей искусства Ирана призвал всех передовых писателей и прогрессивных деятелей культуры "ради спасения разума, мысли и творчества, красоты и гармонии, ради спасения богатой культуры Ирана, неразрывными узами связанной с мировой цивилизацией, а также ради спасения жизни лучших представителей иранской интеллигенции объединиться и выступить единым фронтом против средневековой варварской тирании"¹⁰.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

И.Федорова

- ¹ Ф.Тонкабони, статья "Исламская проза" из альманаха "Совет писателей и деятелей искусства Ирана", ФРГ, 1985, тетрадь I-я, 2-й год издания, с.40.
- ² Сборник "Камус", Тегеран, 4-я тетрадь, осень 1983.
- ³ Сборник "Сурэ", Тегеран, тетрадь I-я, январь 1982.
- ⁴ Там же.
- ⁵ М.Махмалбаф, "Фаджр йа Таха", Тегеран, 1984.
- ⁶ М.Махмалбаф, из сборника "До чешмэ бису", Тегеран, 1984.
- ⁷ Б.Омид, статья "Война - фактор разрушения основ реализма" из альманаха "Совет писателей и деятелей искусства Ирана", 1985, тетрадь 2-3, 2-й год издания, с.85.
- ⁸ Ф.Тонкабони, указ.соч., с.50.
- ⁹ Альманах "Совет писателей и деятелей искусства Ирана", 1985, тетрадь 2-3, 2-й год издания, с.61.
- ¹⁰ Там же, с.5.

АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИКИ О РОЛИ ЛЕВЫХ СИЛ В ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ответ на вопрос, какова была роль левых сил в иранской революции 1978-1979 г., какое влияние они оказали на ее развитие, чрезвычайно важен для понимания происшедших событий и перспектив развития Исламской Республики Иран. Пока же по этому вопросу ведутся споры и в советской, и в зарубежной иранистике. Различные точки зрения свидетельствуют об актуальности этой темы.

В настоящее время представляется целесообразным выявить общее во взглядах американских иранистов по названной проблеме и там, где это возможно, проследить различие их точек зрения. В данной статье рассматриваются работы известных американских ученых - Ш.Чубина^х, Ф.Холлидея, С.Забиха, Дж.Билла^{хх}, которые работают над проблемами новейшей истории Ирана, изучают американо-иранские и советско-иранские отношения.

х

х

х

На наш взгляд, очень интересно мнение Ш.Чубина, о том, что иранская действительность на редкость своеобразна, поэтому "понятия "левые" и "правые" не соответствуют смыслу, который в

^х См. Спб. № 3(242), 1986.

^{хх} См. Спб. № 7(251), 1987.

них вкладывают на Западе. С мнением американского ученого вполне можно согласиться, так как действительно нельзя автоматически переносить понятия западной политической жизни — "левые силы", "фашизм", либерализация и другие — на иранскую почву. Он пишет, что "очень трудно отличить правых от левых, особенно, когда они делают одно общее дело"¹.

Несмотря на то, что левые в Иране в целом значительно малочисленнее других политических сил, они, как отмечает Ш.Чубин, "оказали важное радикализирующее влияние на иранскую революцию"². Ученый объясняет это хорошей организованностью левых: "У них была четкая программа захвата власти, они были вооружены и имели в своем потенциале поддержку близлежащей державы (имеется в виду СССР. — И.Ф.)"³.

Названные американские иранисты сходятся во мнении, что основные левые группировки в Иране представлены фedayми, моджахедами и партией Туде. В своих работах ученые дают характеристику и оценку деятельности левых сил: "Советский Союз и Иран", "Советская политика в Иране и Персидском заливе", "Левые силы в Иране" — Ш.Чубин; "Политика экстремизма в Иране" — Дж.Билл; "Третья трагедия иранских коммунистов" — Ф.Холлидей; "Левые в современном Иране" — С.Забих. Они отмечают как положительные, так и отрицательные стороны деятельности левых сил в Иране в период революции.

По мнению Ш.Чубина, заслугой левых сил явилась их гибкая тактика, позволившая им на каком-то определенном этапе достичь неформального сотрудничества друг с другом и действовать сообща с религиозными правыми. В результате этого произошла эрозия центра, а левые окрепли. А в 1980 г., когда велась "ожесточенная и упорная трехсторонняя борьба за власть"⁴, возможности численно выросших левых сил даже повысились. Анализируя далее причины, помешавшие левым оказать существенное влияние на ход революции, ученый указывает на их раздробленность (группы и группировки) и отсутствие единого центра. Одни — требовали автономии для курдов, арабов, белуджей, другие — выдвигали нереальные социальные программы, в результате чего, делает вывод Ш.Чубин: "Иранские левые были разделены серьезными, нескрываемыми и непримиримыми разногласиями, отчего их энергия была утрачена и возможности потеряны"⁵.

Наибольшее внимание в названных работах американские ученые уделяют партии Туде, правда, при этом они не обращаются ни

к ее истории, ни к ее задачам. Их анализ сосредоточен в основном на положении Туде накануне революции, тактике коммунистов во время событий и ситуации, возникшей в партии в 1980–1983 гг.

Характеристика, которую Ш.Чубин дает Туде, — односторонняя и в основном сводится к тому, что партия представляет собой "традиционную коммунистическую партию", "инструмент политики СССР в Иране", "канал для проведения политики СССР". По его мнению, Народная партия Ирана (Туде) была связана с СССР взаимными интересами и находилась в неравноправной зависимости от великой державы. При этом Ш.Чубин подчеркивает, что такая тесная зависимость Туде от СССР имела и свои плюсы, и свои минусы.

С одной стороны, помощь СССР Туде по дипломатическим каналам, работа советской подпольной радиостанции в Баку "Национальный голос Ирана" и иная безвозмездная (материальная, моральная) помощь делали партию более сильной, нежели другие левые иранские организации. С другой стороны, такая тесная связь с СССР, по существу, привела к идентификации партии с СССР в глазах населения страны, что в свою очередь имело негативные последствия, снижавшие популярность Туде и не позволявшие усилиться ее позициям среди иранского народа. С наибольшей очевидностью это проявилось, по мнению Ш.Чубина, в период усилившихся националистических настроений, "вызвав в памяти иранцев воспоминания о русско-советском империализме"⁶. Негативным для Туде было и то обстоятельство, что СССР — атеистическая держава — не могла вызывать симпатию у населения Ирана, основная масса которого не собиралась отказываться от традиционного мировоззрения.

Довольно подробно в своих работах Ш.Чубин останавливается на положении партии накануне революции. Он отмечает, что поскольку Туде постоянно была объектом шахских репрессий, то численность ее, естественно, была незначительной (к 1976 г., по его данным, она насчитывала около тысячи человек, тогда как другие группировки состояли из пятнадцати–двадцати тысяч членов) и занимала третье или четвертое место по численности среди левых сил Ирана. Во главе партии стоял Киянури, которому было более шестидесяти лет, и это обстоятельство отталкивало молодежь от партии и снижало ее популярность, отрицательно сказывалось на популярности и то, что большинство ее членов и руководство находились в эмиграции⁷.

Касаясь тактики партии в период революции, Ш.Чубин подчеркивает, что Туде приняла решение поддержать духовенство, чтобы получить официальное признание, выиграть время и консолидировать свои силы. Причем он делает акцент на том, что решение членов Народной партии Ирана (НПИ) поддержать богословов не было скоропалительным, принятым под влиянием революционных событий. Еще в 1975 г. на XV пленуме Туде, отмечает Ш.Чубин, было решено заключить тактический союз с исламской оппозицией, чтобы свергнуть шаха. К тому же Киянури заявил, что он не видит принципиальной разницы между научным социализмом и социальным содержанием ислама. В конце 1978 г., сообщает ученый, в Тегеране была напечатана и распространена брошюра с названием "Новид", где провозглашалась исламская коммунистическая оппозиция и подчеркивались общие цели составных этой оппозиции: партии Туде и шиитских богословов. Кроме того, НПИ в марте 1979 г. на референдуме поддержала Партию исламской революции (НПИ была единственной левой партией, которая это сделала, отмечает Ш.Чубин) и в последующих своих публикациях называла Хомейни "другом угнетенных", а религиозное движение "революционным". При этом тактика партии, отмечает ученый, с 1979 г. заключалась в том, чтобы выжить и любой ценой сохранить себя как организацию.

Точка зрения американских и советских авторов в этом вопросе во многом сходится. Например, С.Л.Агаев пишет: "Накануне февральского вооруженного восстания 1979 г. почти всю мировую печать обошло заявление тогдашнего руководства НПИ о том, что Хомейни "играет полностью прогрессивную роль в развитии Ирана" и что "нет никаких серьезных разногласий между научным социализмом, с одной стороны и социальным содержанием ислама - с другой" ⁸.

Отмечая, что в целом Туде во время революции 1978-1979 г. была лишь зрителем, Ш.Чубин в то же время говорит, что этот зритель не был бессловесным. НПИ, например, выразила поддержку афганской революции, призвала к окончанию войны между Ираном и Ираком, а с конца 1980 г., отмечает ученый, даже критиковала отношение режима к политическим противникам. Таким образом, по его мнению, Туде хотела не только выиграть время, но и пыталась решить задачи: настроить массы к радикальным действиям против режима, дискредитировать политику умеренных кругов, последовательно проводить мысль, что революция 1978-1979 г. - лишь первый этап народной революции, стремилась усилить враждебность

иранцев к Соединенным Штатам и к западным странам в целом, сделать эту вражду непримиримой, повысить со временем зависимость Ирана от СССР. "С помощью Москвы она... проводила этот революционный антиамериканский курс", - заключает Ш.Чубин ⁹.

Американский ученый признает, что в результате подобной тактики Туде после революции сумела укрепить свои позиции. Причем, по его мнению, учитывая ту слабую поддержку, которую партия получала у населения Ирана, она смогла достичь этого только благодаря своей организованности, "делавшей ее непропорционально эффективной в изменчивой и запутанной иранской политической ситуации". Ш.Чубин не исключает возможности, что в случае успешного для Туде развития событий в Иране, СССР мог использовать ее в совокупности с другими левыми силами для того, чтобы "сфабриковать" приглашение для оказания "братской помощи" ¹⁰.

В 1983 г. лидеры Туде были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу СССР, публикации запрещены, партия ушла в подполье.

Анализируя причины этих явлений, Ш.Чубин сводит их в основном к ошибочно выбранной тактической линии партии и к отрицательным последствиям, проистекающим от ее близости к СССР. При этом он практически ничего не говорит о классовой сущности режима Хомейни, о том, что репрессии во многом стали следствием "кризиса подлинно народной антимонархической и антиимпериалистической революции, начавшегося в феврале 1979 г. и завершившегося в мае 1983 г." ¹¹. В частности, американский автор объясняет что повлияло на поражение Туде. События застали коммунистов врасплох, роль Туде в революции была маргинальной, у партии отсутствовала поддержка среди населения, а ее значение - единственного эшелона оппозиции шаху - пошатнулось, к тому же партия была атеистической, население ее традиционно связывали с СССР. "Тесная идентификация Туде с СССР, - пишет Ш.Чубин, - всегда ограничивала ее потенциальные возможности. И далее: "После иранской революции коммунисты стали синонимом безбожников и тех, кто получает указания от атеистов" ¹². Эти причины, по его мнению, вызвали антипатию к партии как религиозных, так и националистических элементов, принимавших участие в революции.

Ш.Чубин подчеркивает, что гонения на партию Туде отражали ухудшение отношений между СССР и Ираном, аресты лидеров

партии следовали за мерами, направленными на ограничение деятельности СССР в ИРИ. В подтверждение он приводит факт об усилении кампании против Туде после решения Москвы возобновить продажу оружия Ираку. Однако при этом Ш.Чубин признает, что режим Хомейни проявляет большую осмотрительность в отношениях с СССР.

Подводя итоги положению партии Туде в 1983 г., ученый подчеркивает, что партия Туде — "инструмент весьма сомнительного качества для СССР". Будучи малочисленной, дискредитированной признаниями руководства своей партии в шпионаже в пользу СССР, она не сможет играть сколько-нибудь существенную роль на иранской политической арене.

Другой американский иранист Дж.Билл, говоря о тактической линии партии Туде в революции, так же, как и Ш.Чубин, отмечает в ней отрицательные и положительные стороны. Он считает, что политика прагматизма (обеспечившая сохранение партии в определенный момент революции) подорвала доверие к ней среди иранского населения и возможности для привлечения новых членов. Так же как и многие другие американские авторы, он отмечает отрицательные последствия тесной связи партии Туде с СССР — "великой державой, которую другие левые группировки рассматривают как опасную империалистическую угрозу Ирану"¹³. Таким образом, Дж.Билл, говоря о поражении, которое потерпела Туде в Иране, связывает его в основном с неправильно выбранной тактикой партии и оставляет в стороне классовую реакционную сущность режима Хомейни, уничтожающего своих противников.

Ф.Холлидей в своих статьях также разбирает ряд вопросов, связанных с положением Туде. Однако, в отличие от названных американских авторов, он достаточно подробно останавливается не только на субъективных причинах поражения Туде в Иране, к которым он, например, относит ошибочную линию руководства партии, но и на причинах объективного характера, кроющихся в самой природе правящего режима в Иране.

Прежде всего он подчеркивает, что "иранская коммунистическая партия получила жесточайший удар и ей понадобится длительное время, чтобы ликвидировать его последствия"¹⁴. И далее отмечает: "На самом деле, оценивая в сравнительной перспективе разгром Туде в 1983 г., можно сказать, что он является одним из величайших поражений коммунистов в нашем столетии"¹⁵.

Ф.Холлидей ставит разгром иранской компартии в один ряд с ре-

прессиями в Индонезии в 1965 г., в Чили в 1973 и в Германии в 1933. Он относит это не только к размаху репрессивных действий правительств против коммунистических партий в названных странах, но и к сущности режимов, проводивших эти кампании.

В чем же причины репрессий против Туде в Иране, по мнению Ф.Холлидея?

В его статье приводятся две категории причин. К первой он относит причины субъективного характера. Среди них в первую очередь американский ученый называет антисоветизм правящих кругов ИРИ, который отразился на отношениях с Туде, когда речь шла о вопросах внешней политики. Если шиитское руководство выдвигало лозунг: "Ни Восток, ни Запад!", то Туде призывала лишь к борьбе против США. При этом пока Хомейни и его группировка концентрировали внимание на США как на основном источнике опасности, лозунги Туде и религиозного руководства не вступали в противоречие друг с другом. Естественно, что Туде поддерживала захват американского посольства и заложников. Но с того момента, как Хомейни стал усиливать антисоветскую линию своей внешней политики, положение изменилось. Нагнетание антисоветских настроений в ИРИ Ф.Холлидей связывает с вводом советских войск в Афганистан и поставками в условиях ирано-иракской войны советского оружия Ираку. Кроме того, он считает, что начиная с 1982 г. усиление антисоветизма было связано с креном режима ИРИ вправо, в котором усилились консервативные силы. В экономической политике именно эти силы блокировали земельную реформу, огосударствление внешней торговли и экспроприацию собственности крупных владельцев-эмигрантов. Эти же силы отказались дальше терпеть действия Туде.

Затем Ф.Холлидей отмечает, что, несмотря на определенную консолидацию режима, в ИРИ оставались нерешенными многие проблемы: практически ничего не было сделано для беднейших слоев населения в городе и деревне, отсутствовал успех в войне с Ираком. Американский автор полагает, что в этой ситуации правительство ИРИ решило начать кампанию против Туде с целью отвлечь внимание населения от внутренних проблем. Он считает, что исламское руководство и на этот раз (как и с американскими заложниками) создало фиктивный международный конфликт, направленный на СССР с теми же целями, но с той лишь разницей, что на этот раз заложниками оказались члены Туде.

Ф.Холлидей не соглашается с теми, кто расценивает атаку богословов на партию Туде как попытку завоевать симпатии западных стран и в первую очередь США. Хотя он и отмечает, что тенденция после 1982 г. в иранской политической жизни объявить СССР более серьезным врагом, чем США, совпала с заинтересованностью расширить торговлю с развитыми капиталистическими странами. Однако ученый считает, что объективно богословы не отвергают связи с Западом: "Исламский режим продолжает проводить собственный курс, вскрывающий репрессивный и антидемократический характер власти, который первоначально был замаскирован"¹⁶.

Американский ученый называет еще ряд факторов субъективного характера. Особую роль, по его мнению, сыграло сектантство Туде, которое было и у немецких партий, облегчившее в Германии приход к власти Гитлера. Причем Ф.Холлидей признает, что сектантство свойственно не только Туде, склонность к нему продемонстрировали и другие составные части иранского левого движения. Самой крупной ошибкой в тактической линии партии он считает решение Туде объединиться с исламскими религиозными силами, в особенности ее поддержка политики правящих кругов ИРИ в отношении других левых сил после 1979 г.

Ключ для понимания отношения Хомейни и его группировки к Туде лежит, по мнению Ф.Холлидея, в сути сегодняшнего режима в ИРИ. Главная ошибка НПИ крылась в той положительной оценке, которую она дала руководству Хомейни. "Туде считала, что режим в Иране в основе своей прогрессивный", — пишет ученый. И далее: "Туде, это совершенно ясно, допустила огромную ошибку в оценке перспектив и намерений режима Хомейни, который поймал Туде в ловушку и захлопнул ее в самый удобный момент"¹⁷. По мнению Ф.Холлидея, классовую основу правящего в ИРИ режима составляли две основные силы: само духовенство, которое хотело объединиться, подчинив себе весь механизм нового государства, и традиционная мелкая буржуазия, которая выступала за чисто капиталистическую модель развития, "сцементированную исламом и подогреваемую доходами от нефти". Совершенно справедливо он отмечает, что популярность самого Хомейни, выступившего против шаха, и распределение незначительной части материальной помощи через мечети сделали возможным богословам завоевать и сохранить поддержку городской бедноты. В тех случаях, когда эти средства оказывались недостаточными, правящие круги ИРИ использовали террористические методы "самых фашистских пропорций".

Вторая категория причин террора против партии Туде — объективная и кроется в идеологической основе режима Хомейни. Ученый отмечает, что идеология, которую проповедует Хомейни, ни нейтральная, ни прогрессивная. Она последовательно реакционная, причем гораздо более реакционная, чем проимпериалистическая и капиталистическая идеология шаха, поскольку Хомейни навязал Ирану модель развития и систему ценностей, необходимых для удерживания власти богословами, которые они заимствовали из средневековья. Все это позволяло Хомейни "узаконить божественную власть", творить суд и расправу по своему усмотрению над противниками. "Европейское социалистическое движение, — пишет Ф.Холлидей, — которое выросло из борьбы против монархий, должно хорошо знать, что представляет собой политика типа хомейнистской в теории и на практике. Она узаконивает самые жесткие репрессии против всех рабочих и демократических групп. Она относит женское население ко второму сорту и делает его самым бесправным. Она мобилизует городскую молодежь в шовинистические кампании против национальных меньшинств. Хомейни отвергает демократию не только в теории, но и на практике, он всегда был неустанным врагом социализма, коммунизма и любой другой идеологии, которая могла бы угрожать его фанатизму"¹⁸.

При этом, подчеркивает американский историк, Иран — страна, где веками процветали религиозные традиции, создавшие не только альтернативу светской власти, но и ставшие "боевыми и несопоставимыми по силе" соперниками светским социалистическим программам. К тому же во времена шаха возможности светских партий были ослаблены репрессиями, и только мечети могли функционировать как центры оппозиции. Враждебность хомейнистов к социализму можно объяснить не только их классовыми интересами, но и специфическими действиями двух основных идеологических компонентов иранской политической жизни: антисоветизмом и религиозным фундаментализмом.

Ф.Холлидей делает вывод, который представляется нам весьма интересным. Он считает, что судьба Туде является неотъемлемым составным элементом политической ситуации в Иране, с которой столкнется любая иранская социалистическая организация, какую бы дорогу она ни выбрала. Американский историк полагает, что, учитывая сильные антикоммунистические чувства, традиционные для населения Ирана, любое социалистическое движение в стране должно ставить перед собой задачу продемонстри-

ровать, что оно совершенно не зависит от СССР, который традиционно считается национальным врагом Ирана.

Один из самых интересных моментов работ Ф.Холлидея состоит в анализе отношения левых сил к исламскому режиму. Он считает, что ничто не может ликвидировать глубокого и неразрешимого противоречия между политическими программами социалистического и исламского движения. "Совершенно очевидно, что в Иране и Афганистане невозможно избежать борьбы между регрессивными лозунгами ислама и прогрессивными лозунгами социализма. Это глубокий урок из трагедий иранских коммунистов в 1921, 1953, 1983 гг. Это тот урок, который исламские враги социализма не забыли и который сами социалисты должны хорошо и хладнокровно обдумать и запомнить навсегда," — заключает он¹⁹.

X X

X

Левые силы, которые стоят после Туде, по мнению американских ученых, являются фѐдаи. В отличие от Туде, как подчеркивает Ш.Чубин, фѐдаи представляют собой коалицию, которая включает несколько течений и групп. Она частично является партизанской организацией и у нее нет прямых связей с СССР, и она от него не зависит. Ученый справедливо отмечает, что фѐдаи получают поддержку в среде интеллигенции и студенчества. Дж.Билл, например, считает, что фѐдаи — это националистическая группировка, стоящая на крайне левых позициях, и указывает, что у теоретиков этой организации существуют серьезные разногласия по тактическим вопросам. Однако по его мнению, их объединяет общая точка зрения на недопустимость капиталистической эксплуатации и цель — построение "радикального социалистического государства". Оба американских ученых отмечают, что фѐдаи сыграли большую роль в организации активной оппозиции шаху, чему во многом способствовали их преданность и готовность пойти на любые жертвы во имя революции. Однако после раскола на три фракции они понесли значительные потери и перестали играть сколько-нибудь значительную роль на иранской политической арене.

Моджахеды, по мнению Дж.Билла и некоторых других американских ученых, крупнейшая группировка исламских радикалов, цели которой во многом совпадают с целями фёдаев. Основная задача моджахедов — претворение в жизнь концепции тоухида, под которым имеется в виду "божественно объединенное бесклассовое общество, общество всеобщего благоденствия и равенства"²⁰. В

этом идеальном обществе будет положен конец эксплуатации человека человеком. Очень интересным нам представляется мнение этого ученого о том, что борьба моджахедов против капитализма, ведущаяся в соответствии с исламскими канонами, представляет серьезную угрозу исламскому режиму, обеспечивая их организации гибкость в тактических вопросах. При этом Дж.Билли считает, что авторитет моджахедов укрепился по сравнению с авторитетом других левых организаций, которые скомпрометировали себя политикой компромиссов, отказавшись от своих первоначальных целей в революции. И, несмотря на то, что моджахеды первоначально выражали поддержку Хомейни, впоследствии они стали постоянно критиковать правящие круги, называя политику властей реакционной и репрессивной, а самих представителей режима - предателями революции. Он отмечает, что в последние месяцы 1981 г. моджахеды стали основной вооруженной силой, которая боролась против экстремистского режима религиозных деятелей Партии исламской республики. Неудивительно поэтому, что около 60% арестованных правительством были моджахедами или сочувствующими им. Дж.Билл считает, что они со своей приверженностью исламу, своим нежеланием идти на компромиссы с репрессивными силами, своей четкой оппозицией деспотизму Пехлеви и западному проникновению, растущей поддержкой среди иранцев еще сыграют решающую роль в будущей политической борьбе в Иране²¹. Интересно в этой связи мнение Дж.Билла о том, что моджахеды, постоянно критикуя политику правящих религиозных кругов в Исламской Республике Иран, сами постепенно становятся на все более умеренные позиции.

Американские ученые предпочитают не делать конкретных прогнозов действиям левых сил после ухода Хомейни с политической сцены. Однако они отмечают, что опыт прошлых лет в Иране убедительно показывает, что при всех ситуациях левые силы будут продолжать привлекать к себе определенную часть иранского общества. Точная роль, которую каждая из этих групп может играть в потенциальном вакууме после ухода Хомейни практически непредсказуема из-за существующих разногласий и раздробленности левых группировок. "Например, — пишет С.Забих, — моджахеды заявили, что после ухода Хомейни, они будут призывать к немедленному народному восстанию. Объявленная вне закона партия Тууде, так же как и "большинство" и "меньшинство" федаев, склоняется к последовательной мобилизации оппозиционных группиро-

вок для выработки альтернативы исламской республике"²². Ученый подчеркивает, что при попытке спрогнозировать ход действий каждой левой группировки необходимо иметь в виду, что на политическую сцену выйдут различные силы, включая духовенство, как противостоящее Хомейни, так и сотрудничающее с ним, "стражи исламской революции" и многие другие. Основными же силами, которые будут бороться за власть в этом случае, по его мнению, станут несколько левых группировок во главе с моджахедами, военные и происламские группировки. "Как и какой ценой одна группа или же их коалиция сможет взять верх, эти вопросы разрешит финал иранской политической драмы", - заключает он²³.

Рассматривая политику иранских левых сил в период революции, американские историки приводят большое число фактов, которые делают работы этих ученых очень интересными. Однако при этом мы наблюдаем безусловную спорность их концептуального подхода к данной проблеме.

I Sh.Chubin. Leftist Forces in Iran. Problems of Communism, 1980, vol.29, N 4, p.2.

² Там же, с.1.

³ Там же, с.4.

⁴ Sh.Chubin. Leftist Forces in Iran ..., p.1.

⁵ Там же, с.3.

⁶ Там же, с.5.

⁷ Там же, с.5.

⁸ Агаев С.Л. Левый радикализм, революционный демократизм и научный социализм в странах Востока. Рабочий класс и современный мир. 1984, № 3, с.140.

⁹ Sh.Chubin. Leftist Forces ..., p.2.

¹⁰ Sh.Chubin. The Soviet Union and Iran, Foreign Affairs 1983, N 4, p.941.

II Агаев С.Л. Левые силы и исламский режим в современном Иране.

II Агаев С.Л. Левые силы и исламский режим в современном Иране. Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984, с.367.

¹² Sh.Chubin. The Soviet Union and Iran ..., p.941;

Sh.Chubin, The Soviet Policy towards Iran and the Gulf, L., 1980, p.40.

¹³ J.Bill. The Politics of Extremism in Iran, Current History, January, 1982, p.11.

¹⁴ F.Halliday. The Third Tragedy of Iranian Communism, Mainstream, Sept., 10, 1983, p.11.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с.13.

¹⁷ Там же, с.14.

¹⁸ Там же, с.14.

¹⁹ F.Halliday. The Third Tragedy ..., p.18.

²⁰ Bill J. The Politics of Extremism ..., p.12.

²¹ Там же.

²² Zabih S. The Left in Contemporary Iran. L., 1986, p. 204-205.

²³ Там же, с.204-205.

А. АРАБАДЖЯН.	
О государственной политике ИРИ	3
Н. МАМЕДОВА.	
Эволюция социальной опоры исламского режима	9
КАМЯЛ ХОДЖАР ОГЛЫ.	
Финансовая политика ИРИ в 80-е годы	17
Л. СКЛЯРОВ.	
Закономерности формирования и функционирования исламского режима в Иране	37
В. САЖИН.	
К вопросу о причинах ирано-иракской войны	53
С. БАГДАСАРОВ.	
Экономический аспект военной политики ИРИ	60
Н. КУЗНЕЦОВА, В. КРЯЧКО.	
О нарушении прав человека в ИРИ	66
Е. ДОРОЖЕНКО.	
Социальный и политический статус женщины в Исламской Республике Иран	77
О. ЖИГАЛИНА.	
К вопросу о союзниках курдов в их борьбе за автономию в Иранском Курдистане и перспективы курдского движения	89
В. СПОЛЬНИКОВ.	
Иран и афганская вооруженная оппозиция в Пакистане	98
И. ФЕДОРОВА.	
К отношениям США и ИРИ в 1986 г.	III
В. КЛЯШТОРИНА.	
Трактовка современной исламской культуры и литературы в официальной идеологии ИРИ	II 8
ДЖ. ДОРРИ.	
Литература и писатели ИРИ	133

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. ФЕДОРОВА.	
Американские историки о роли левых сил в иранской революции	143